ДАГЕСТАН

№ 4-5 (7-8)

У нас, в Цада, есть круглая скала,
О ней мне старожилы говорили,
Что камнем межевым она была
У горцев, что давно лежат в могиле.

Не знаю – так оно или не так,
Но знаю: есть бессмертие людское.
О нем дают нам изваянья знак
Подъятой вверх чугунною рукою.

Былое не уходит, словно дым,
Умершие лишь изменяют лица.
Джигит орлом вернется молодым,
А девушка – в обличье голубицы.

Не знаю – так оно или не так,
Но все мы наблюдаем не впервые,
Что превращается истлевший прах
В цветы благоуханные, живые…

О павших в битве написал я сам,
О тех, что журавлями в небе стали.
Вот и сейчас они по небесам
Плывут, печалью оглашая дали.

Я не погиб в ту страшную войну,
Хоть часто был от смерти недалечко,
И, может быть, в плывущем их клину
За песни мне оставлено местечко.

Фото на 1-й и 4-й страницах обложки – Владимир Матвеев.
Снимки предоставлены издательством «Эхо Кавказа».

Фото на 2-й и 3-й страницах обложки – Хаджимурад Зургалов.

В фотоблоке использованы фотографии Р. Дика, В. Матвеева и Х. Зургалова.

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 4-5(7-8)

ДАГЕСТАН

июль/ октябрь 2003

Выходит с августа 2002 года. Периодичность – 6 раз в год.

УЧРЕДИТЕЛИ: Министерство по национальной политике, информации и внешним связям РД, Союз писателей РД

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

Расул ГАМЗАТОВ,
народный поэт Дагестана
Магомедсалих ГУСАЕВ,
министр по национальной политике, информации и внешним связям РД
Людмила АВШАЛУМОВА,
член Госсовета РД, первый проректор ДГУ
Расул МАГОМЕДОВ,
доктор исторических наук
Булач ГАДЖИЕВ,
народный учитель СССР
Казбек СУЛТАНОВ,
литературовед
Марина АХМЕДОВА,
поэт, переводчик
Камиль ХАНМУРЗАЕВ,
доктор филологических наук
Космина ИСРАПИЛОВА,
поэт, прозаик
Арбен КАРДАШ,
поэт
Шапи КАЗИЕВ,
писатель

РЕДАКЦИЯ:

Далгат АХМЕДХАНОВ, главный редактор
Мурад АХМЕДОВ
Гаджикурбан РАСУЛОВ
Джамал РАБАДАНОВ
Ольга МАТАЕВА
Хуризадай МАГОМЕДОМАРОВА
Байгиши БАЙГИШИЕВ
Хаджимурад ЗУРГАЛОВ

СОДЕРЖАНИЕ:

ОТ РЕДАКЦИИ
Первый и единственный 2
Расул ГАМЗАТОВ
Литература – это история болезни человечества..... 3
Я иду по дороге... (из новых стихов)..... 7
Казбек СУЛТАНОВ
«Снова мучаюсь, снова пишу...»..... 10
Расул ГАМЗАТОВ
Мой Дагестан (отрывки из книги)..... 15
Расул МАГОМЕДОВ
Послание Расула Гапшиминского Расулу Цадинскому..... 20
Шапи КАЗИЕВ
«Я просто писал стихи о любви»..... 23
Гюлбагдат ОМАРОВА
Неотправленное письмо Расулу Гамзатову..... 24
Джамал РАБАДАНОВ
Письмо спецкора спецкору..... 25
ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ..... 26
Георгий КАЛАНДЖИЕВ, Яхья ЯХЬЯЛОВ
Зарисовки..... 28
Далгат АХМЕДХАНОВ
Наедине с поэтом..... 29
Ибрагим ШАМОВ
Незабываемые встречи..... 33
Джабраил АЛИЕВ
Мои встречи с поэтом..... 38
Расул ГАМЗАТОВ
Россыпи размышлений..... 41
Гаджикурбан РАСУЛОВ
О памятниках и голубях..... 45
Магомед АТАБАЕВ
Высокий полет..... 48
Магомед ГАСАНОВ
«Укатить бы мне в Грузию снова...»..... 50
Ирина ИЗОПЕСКОВА
Человек-эпоха..... 52
ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА
100 и один вопрос Расулу Гамзатову..... 54
Абдула ДАГАНОВ
Автографы Расула..... 64
Автографы – Расулу..... 67
СЛОВО О ПОЭТЕ (письма, отзывы, воспоминания)..... 69
Хан БАШИРОВ
Лира Расула..... 75
РАСУЛ ГАМЗАТОВ В МУЗЫКЕ..... 75
ПОЭТ РОДИЛСЯ. И... 76
КНИГИ РАСУЛА 78
Кроссворд..... 80

Редакция рассматривает рукописи не более одного печатного листа. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность цитат, фактов, названий, имен несут авторы.

Мнение редакции не всегда совпадает с точкой зрения автора материала.

Редакция вступает в переписку по своему усмотрению.

При перепечатке ссылка на «Дагестан» обязательна.

Адрес редакции:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4, 2-й этаж (в здании Союза писателей Дагестана).
Телефоны: 67-02-03 (главный редактор),
67-02-08 (зам. гл. редактора, отделы публицистики, культуры и литературы).
E-mail: dagjur@iwt.ru

Банковские реквизиты:
Р/с 40603810602800140487 в Махачкалинском филиале МАКБ «Возрождение» г. Махачкала, К/с 30101810500000000882, БИК: 048209882, ИНН: 0562053040 КПП 056201001 ГУ Редакция журнала «Дагестан»

Журнал зарегистрирован 23 июля 2002 года Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ № 10-4793.

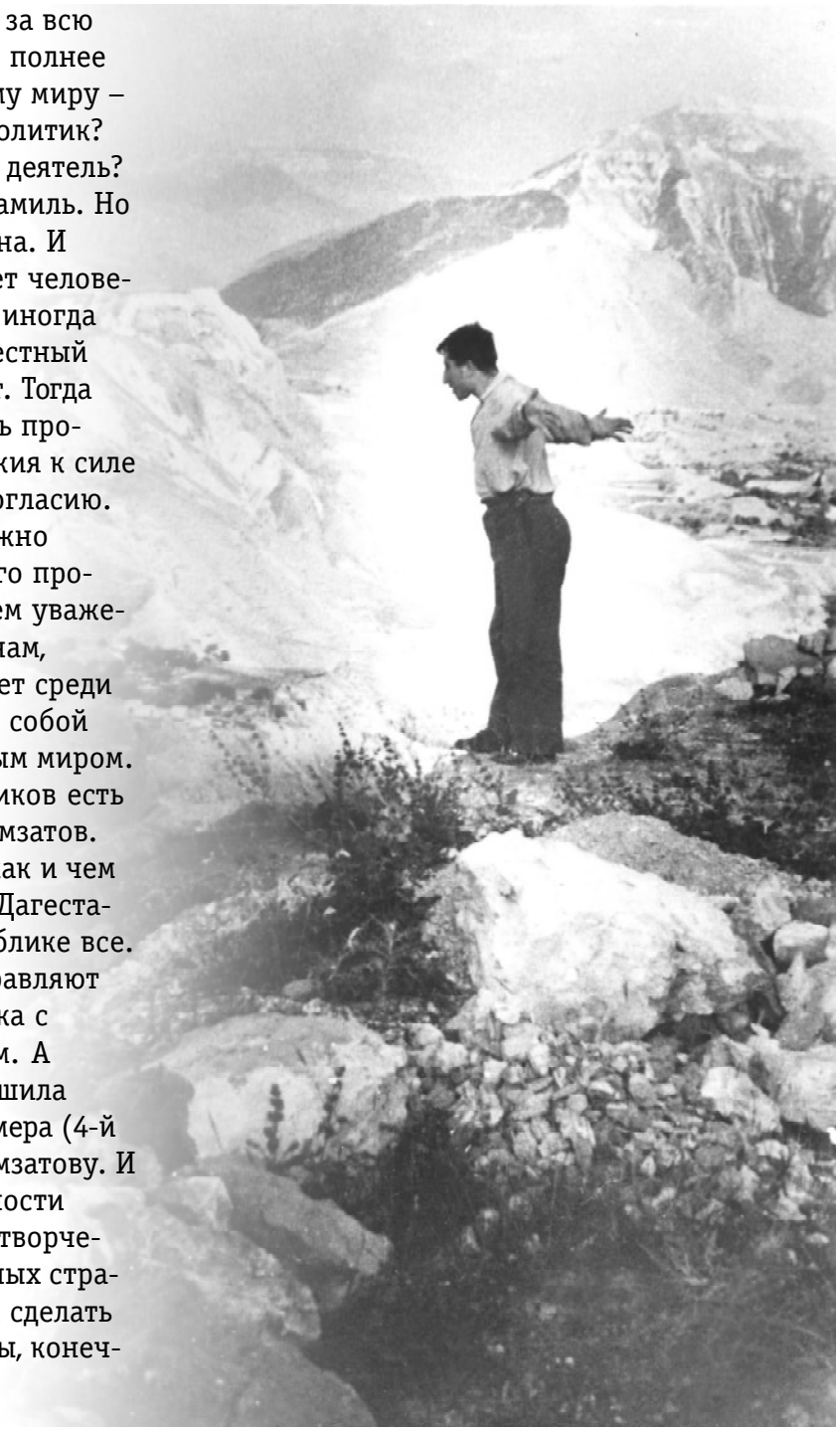
Номер набран и сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан». Отпечатан в Республиканской государственной газетно-журнальной типографии. Адрес типографии: г. Махачкала, пр. Насрутдинова, 61.

Усл. п. л. – 10. **Тираж – 1500 экз.**
Номер заказа –

Подписной индекс – 78434.

Цена номера в киосках «Роспечати» – 30 руб., у общественных распространителей – свободная.

ПЕРВЫЙ И ЕДИНСТВЕННЫЙ



Давайте спросим себя: кто за всю нашу многовековую историю полнее всего представил миру – всему миру – портрет Дагестана? Может, политик? Нет такого. Государственный деятель? Тоже нет. Воин? У нас есть Шамиль. Но при нем в Дагестане шла война. И разве только война составляет человеческую жизнь, занимая лишь иногда какую-то ее часть? Тогда известный всему миру ученый? Тоже нет. Тогда поэт, писатель, философ? Ведь прогресс – это путь от силы оружия к силе интеллекта, от насилия – к согласию. Кого из нашего прошлого можно назвать представителем такого прогресса? При всей любви и всем уважении к нашим политикам, воинам, ученым и поэтам прошлого нет среди них того, кто олицетворял бы собой Дагестан перед всем остальным миром.

А среди наших современников есть такой человек. Это – Расул Гамзатов. Нет надобности доказывать, как и чем представил он миру портрет Дагестана. Знают это в нашей республике все. В этом году дагестанцы поздравляют своего замечательного земляка с восьмидесятилетним юбилеем. А редакция нашего журнала решила объединить два очередных номера (4-й и 5-й), посвятив их Расулу Гамзатову. И хотя, чтобы рассказать о личности такого масштаба, о значении творчества поэта, никаких журнальных страниц не хватит, не попытаться сделать это хотя бы в малой толике мы, конечно, не можем.

Итак ...

Итак, пусть первым возьмет слово сам поэт...

Литературу часто называют человековедением, я ничего против этого не имею. Но для меня литература не только человековедение, ее главная сущность – человеколюбие. Человековедение требует правды, но одной правды мало, ее надо выразить, выразить мастерски и любовно.

Вообще для каждого писателя существует свое определение литературы. От него идет и выбор формы, и выбор жанра, но дать наиболее полное определение литературе один человек не может. Есть разные взгляды, схожие и несхожие, они друг друга дополняют – и все они правдивы. Поэтому следует говорить о конкретных произведениях, а не об отвлеченном понятии. Одни, говоря о литературе, считают приоритетом ее воспитательное значение, другие – познавательное. Но мне кажется, что ей присущи и познавательная, и воспитательная, и эстетическая роль. Но играют эту роль они не навязчиво. Настоящий писатель никогда не поучает, но всегда заставляет задуматься. Он улавливает мелодии своего времени, пишет его красками, не допуская фальши.

Часто говорят о задачах, которые должна решать литература. Но если бы автор ставил перед собой задачу написать воспитательное или познавательное произведение, у него бы ничего не получилось. Писатель об этом не думает. Его волнует какой-то вопрос, и он это волнение выражает. Волнение – вот его профессия. Но одного волнения мало, нужно еще умение выразить мысли и чувства, чтобы проросло в произведении рациональное зерно. Совместить эмоциональное и рациональное – непростая задача. Писатель ведь стремится не столько выражать свои эмоции, сколько вызвать их у читателя. В эпоху научно-технического прогресса слышны голоса о том, что значение литературы уже не так велико, как раньше. Но рано сбрасывать ее с корабля современности. Потребность в литературе доказана временем. Вся человеческая история делится на два периода: до и после ее появления. Каждый из нас должен учиться у другого, и писатель тоже. Нужно брать уроки у времени и у предшественников. Не подражать, а продолжать начатое до нас великими людьми.

ЛИТЕРАТУРА – ЭТО ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Что касается меня, то мое творчество – это долг, который я отдавал и продолжаю отдавать своим читателям. Я родился в маленьком дагестанском ауле Цада, но увидел весь мир и приобрел друзей на многих континентах. Судьба мне подарила юность, зрелость и старость, но у поэта должен быть еще и четвертый возраст, так же, как и у читателя. Поэт – ровесник не только живущим сегодня, он и ровесник тех, кто уже ушел, и даже тех, кто еще придет на эту землю. Самое же главное для нас – познать сегодняшний день. Сегодня – это итог вчераш-

него дня и всей истории в целом. В сегодняшнем дне заключен и прогноз на завтра, и на многие годы вперед.

Всегда было много начальников, которые определяли, что такое литература, считали себя ее командирами, ставили перед писателями задачи, но, как не старались, ничего у них не выходило. Издатели, чиновники, ученые не могут дать оценку литературе, сделать это может только время и народ. Я не хочу спекулировать этими высокими понятиями, но большое видится на расстоянии, и от этого никуда не уйдешь. Говорить о величии того или иного писателя можно только через века, как мы сейчас через тысячу лет говорим о немеркнущем величии Омара Хайяма.

В литературе нет и не может быть начальников и подчиненных. В мое время литературу пытались все время подразделять. Была партийная литература, комсомольская литература, деревенская и т. п., но это в корне неверно. Литература выше партий и государств. Ее нельзя загонять в привычные схемы. Хрущев как-то назвал литераторов выдумщиками, но они не выдумщики, а боль своей эпохи. Как-то Лев Троцкий, будучи военным министром РСФСР, решил бороться с футуристами в литературе. Тогда к нему пришел на встречу один из футуристов и сказал: Лев Давидович, в вашем распоряжении авиация, тяжелые орудия, армия, и мы, 11 голодных футуристов, не сможем вам противостоять, неравный бой у нас получится. Но в результате футуристы все-таки победили. Перед писателями задачи ставили и обком, и райком, и парторг. Хотели научить писать стихи Пастернака и Есенина. Троцкий воевал с футуристами, Бухарин – с Есениным, Хрущев – с авангардистами. Но у литературы не бывает и не может быть вождей. Писателей часто называют инженерами человеческих душ, и с этим можно согласиться.

Вообще, я не знаю, правильно ли, что у нас собираются съезды литераторов. Многие не понимают этого, особенно в Европе. Что может решить съезд? Ведь каждый остается при своем мнении, своем таланте или своей бездарности. Когда Хрущев ездил в Америку, он решил взять с собой Шолохова, как визитную карточку советской литературы. А когда Эйзенхауэр с ответным визитом решил посетить СССР, он захотел взять с собой Хемингуэя, но тот отказался быть приложением к президенту. Он сперва даже подумал, что это предложение – шутка. Зачем мне его сопровождать, сказал он, уж лучше пусть он меня сопровождает. Это был истинный писатель. А наши маленькие писатели, к сожалению, не знают, что они маленькие, и требования у них поэтому большие.

Писателям нельзя указывать: вы мало пишете о том и много об этом. Так литературы не будет. В 30-х годах прошлого века был знаменитый комсомольский поэт Александр Безыменский. С первого съезда писателей в 1934 году мой отец в числе других привез и его портрет. Тогда он казался чуть ли не классиком, но в большой литературе, тем не менее, не остался.

Поэт истинный может быть только национальным. Его творчество должно быть пронизано корнями родного края. По есенинской поэзии можно узнать, откуда он родом, кто его мать, кто сестра, кто любимая женщина. Он не скрыл от читателей ничего. Иначе все станет искусственно. Мы знаем историю любви Маяковского, Пушкина, других истинных поэтов.

Врачи пишут историю болезни человека, а литература – это история болезни человечества. Посмотрите на русскую литературу XIX века: Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Толстой... Их произведения – это история болезни страны. В советское время литературе навязывали бахвальство, хвастовство, даже вранье. Поэтому литература XIX века гораздо значительнее, поставленные ею вопросы до сих пор актуальны и, мне кажется, будут актуальны всегда.

Литература вообще тяжелое дело. В литературоведении принято подразделять ее на периоды: литература Великой Отечественной войны, литература периода мирного строительства и т. д., но, по-моему, это неверно. Увы, мы должны отмерять периоды в нашей литературе по печальным датам. Сейчас на Западе пишут так: русская литература до гибели Гумилева, до гибели Есенина, до гибели Маяковского. И это правильно. Каждый из этих людей – сам эпоха.

Писателям никто не должен ставить задачи. Они сами призваны ставить их перед всем миром. Так было, и так будет. Озадачило мир шекспировское: «Быть или не быть?» Что делать? Кто виноват? Что день грядущий нам готовит? Куда ведет нас рок событий? Кому на Руси жить хорошо? Какой парламент, какое правительство более емко и точно сформулировало эти болевые вопросы мирового масштаба? Это сделали писатели. А вечные темы войны и мира, преступления и наказания, не по заказу же Минобороны и МВД они были подняты Толстым и Достоевским!

Времена изменились. Сегодня на вечные вопросы находят новые ответы. Раньше за мелкое преступление голову отрубали, хотя можно было просто уши накрутить, а теперь за крупное порой награждают. Раньше об одном тихо сказанном слове поэта знал весь мир, а сейчас все кричат с телеэкранов, но никто ничего не слышит.

Самое страшное, что мы потеряли читателя, зрителя, слушателя. Но настоящая литература, я уверен, не погибнет. Ведь она призывает к добру, без которого немыслим мир. Надежда на лучшее все же остается.

Недавно я встречался с Героем Социалистического Труда Нариманом Алиевым, директором Мамедкалинского винодельческого совхоза. Он мне рассказал печальную историю дагестанских виноградников, которые в период безалкогольной кампании 80-х годов приказали вырубить. Сейчас миллионные средства выделяются на их восстановление. То же самое происходит с литературой. Раньше литературу представлял передовой отряд интеллигенции. В Верховном Совете СССР депутатами были семь писателей, а сейчас нет ни одного ни в нашем, ни в российском парламенте.

К счастью, сейчас возрождается интерес к литературе. Есть надежда, что появятся новые имена и новые тиражи. Но еще несколько лет назад казалось, будто государство присоединило к себе религию и отделило от себя литературу.

В последние годы вкусы испортились, читатели изменились, с ними произошло то же, что с писателями и с литературой в целом. В мое время писатели владели умами читателей. Тогда безоговорочно верили тому, что пишут в газетах, журналах, книгах. Каждый писатель сначала был читателем, на него что-то влияло, и я – не исключение. Шамиль говорил: я никогда не думал, что человек в папахе и с усами будет смотреть в глаза и врать. Но в нашей стране, к сожалению, люди с усами и без усов, известные и не очень, с разных трибун и с телеэкрана врали и врут. Я тоже был огорошен шумом времени и, как китайский хунвэйбин, кричал: «Долой врагов народа!». Но постепенно становился взрослее, стал размышлять. Писатель должен быть не великим, а взрослым. Взрослый человек должен отвечать за семью, за дом. А поэт вдвойне ответственен еще и перед своими читателями. Читатель плывет по потоку, а каким будет этот поток, мутным или чистым, зависит от писателей.

Еще совсем недавно я думал, что люди совсем огрубели, стали эгоистичны и жестоки. Но я ошибался, в человеке есть в запасе много прекрасного. У нас сохранилась настоящая интеллигенция, хотя ее разными методами пытались изжить. И у моих книг появились новые, молодые, читатели. Я встречался с ними, беседовал. Они часто приходят ко мне в гости. Размышляют о судьбах людей и страны. Это приятно. Это знак того, что наш труд не бесполезен.

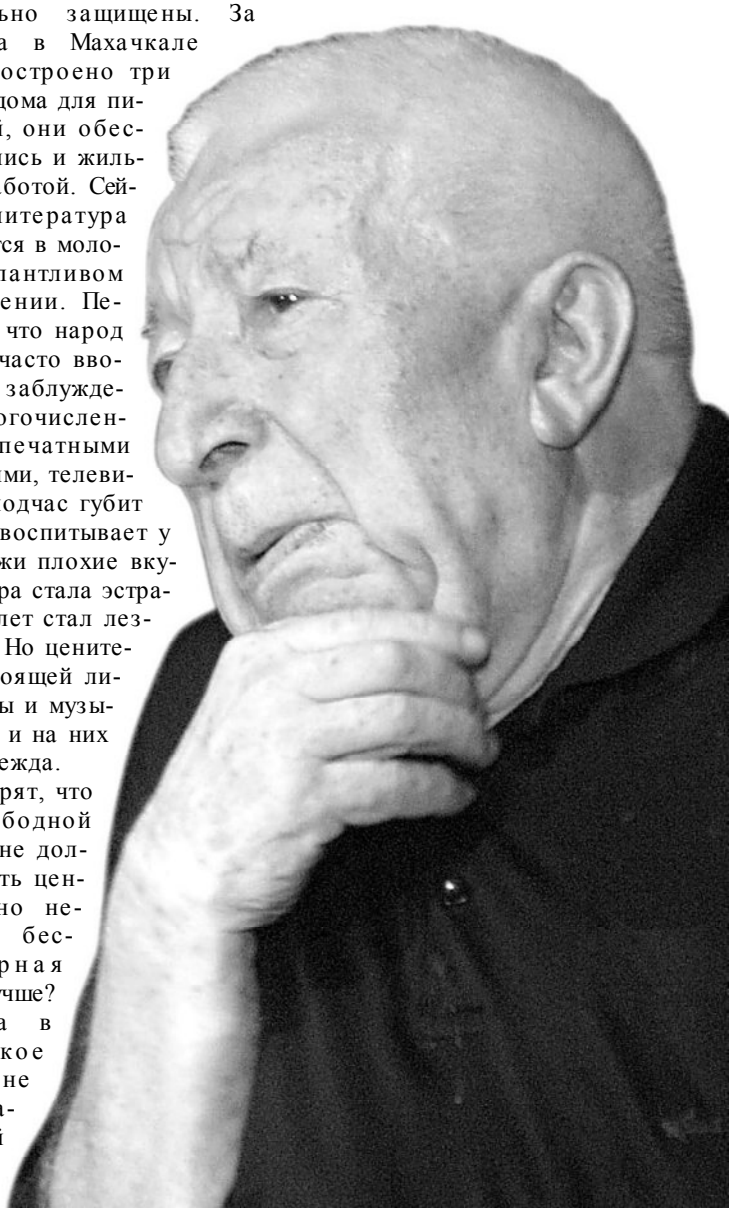
Когда недавно организовывался вечер поэзии в нашем Педагогическом университете, многие отговаривали меня, утверждая, что на него придет не больше ста человек. Каково же было мое удивление, когда нас, писателей, встретил переполненный зал спорткомплеска ДГПУ. Нас увлеченно слушали тысячи молодых людей. Это рождает большую надежду: у нашей литературы есть будущее.

В свое время государство от продажи моих книг получало в доход миллионы, а я получал за каждую всего несколько тысяч рублей, но это тоже были для того времени хорошие деньги. Сейчас говорят о всеобщей свободе, но без денег настоящей свободы быть не может. Писатели уже забыли о гонорарах. А ведь раньше ни одна даже самая маленькая публикация не оставалась неоплаченной. Это было правильно. Любой труд должен быть оплачен. Но настоящий писатель думает все-таки не о вознаграждении, а о людях, о насущных вопросах своего времени. Материальное для него всегда вторично. Я сожалею, что положил в сберкассу деньги, надо было класть туда молодость. А так – и деньги пропали, и молодость ушла.

Сегодняшний день литературы – итог многих прошедших лет. Но настоящим писателям нечего жаловаться. Хоть многие и нуждаются – это, на мой взгляд, временно. Раньше писатели, конечно, были социально защищены. За полвека в Махачкале было построено три жилых дома для писателей, они обеспечивались и жильем, и работой. Сейчас литература нуждается в молодом талантливом пополнении. Печально, что народ сейчас часто вводится в заблуждение многочисленными печатными изданиями, телевидение подчас губит людей, воспитывает у молодежи плохие вкусы. Опера стала эстрадой, балет стал лезгинкой, Но ценители настоящей литературы и музыки есть, и на них вся надежда.

Говорят, что в свободной стране не должно быть цензуры, но неужели бесцензурная ложь лучше? Никогда в советское время не было такой цензуры, какой ее пытаются представить. Меня, во всяком случае, цензоры обходили своим вниманием, ведь я писал не о правительстве, а о своей маме, об отце, о любви, о родине, поэтому меня никто и не правил, и никто не запрещал мне это делать.

Последние годы отрицательно повлияли на развитие национальных литератур. На них стали смотреть высокомерно, им стали уделять гораздо меньше внимания, чем раньше. «Нация и позиция» – так я озаглавил свою статью на эту тему, которую никак не могу закончить. Я всегда считал, что позиция писателя, противоречащая национальным интересам – это нечеткая позиция. Если же нация не придерживается той позиции, которую занимает страна – это национализм.



Недавно ко мне пришел один видный деятель и заявил, что Эффенди Капиев, мол, не дагестанец, так как писал не на лакском, а на русском языке, и он будет его за это критиковать. Но Эффенди Капиев с детства говорил по-русски и был воспитан в России. Неужели в этом его вина? Он любил Дагестан так сильно и сделал для его литературы так много, что будь он даже англичанином, его можно бы было провозгласить дагестанцем. Я, например, напротив, не могу писать по-русски и пишу на аварском языке, который лучше знаю.

Когда учился в Литинституте, я как представитель малого народа был избалован вниманием. Мне помогали на каждом шагу. Помню, как после проверки моего диктанта, бумага, будто после битвы, окрасилась в красный цвет от отмеченных ошибок. Думал, что все пропало. Тем не менее, после того как я прошел творческий конкурс, меня все-таки решили принять в институт.

В Литинституте учились такие выдающиеся национальные писатели как Мустай Карим, Давид Кугультинов, более 100 дагестанцев закончили его и среди них такие известные писатели, как Ахмедхан Абу-Бакар, Фазу Алиева, Муса Магомедов, Бадави Рамазанов и другие. Если бы не этот институт, у нас была бы только ашугская литература. Не было бы по-настоящему образованных литераторов. Литинститут сыграл в судьбе дагестанской литературы огромную положительную роль. Хотя надо признать, что и Литинститут, увы, не всем может помочь. Нужен ведь еще талант.

А свой путь в литературе должен выбирать сам писатель. Указать этот путь невозможно, но человек, который сегодня захочет им стать, не имея образования, с веком в ногу шагать не сможет.

Литература – не массовая организация. Увы, даже некоторые из тех, кто числятся членами Союза писателей, писателями не являются. В число их, к сожалению, попали и случайные люди, что недопустимо. Наблюдается и еще одно печальное явление: те наши писатели, которые в свое время писали хорошо, не стали писать лучше. Нашей национальной литературе не хватает разноплановости. Драматургия зачахла. Театры ставят старые пьесы. Раньше у театров не было новых зданий, зато было много новых постановок, сейчас здания появились, а новых спектаклей не хватает.

Остро стоит для национальных литератур проблема художественного перевода. С переводами и раньше не всегда было хорошо. Хайяма, например, мир узнал только через 300 лет после его смерти. Сонеты Шекспира стали фактом для русского читателя только в переводах Маршака всего полвека назад. Дагестанские писатели благодаря переводам узнали друг друга. В мой дом вошел большой даргинский поэт Батырай, а даргинцы узнали аварца Махмуда. И того и другого блестяще перевел Эффенди Капиев. С него начинается дагестанская переводческая школа. Он переводил наших национальных поэтов настолько удачно, что никто еще не смог превзойти его.

Моему отцу не повезло с переводчиками, хотя его и переводили хорошие литераторы. Но в его стихах столько тонкостей, нюансов родного языка, что в переводе они терялись.

Некоторые наши поэты добивались перевода своих произведений знаменитыми переводчиками, но, увы, несмотря на это, они не стали от этого выше.

Мне с переводчиками очень повезло. С самого начала меня перевел знаменитый поэт Городецкий, который дружил с Есениным. Потом меня переводил Сельвинский. Я благодарен моему преподавателю Павлу Антокольскому, который организовал на нашем курсе конкурс на лучший перевод моих стихов. Лучше всех перевел мои стихи тогда Наум Гребнев. Я подружился с ним, а потом и с его другом Яковом Козловским. Они приехали ко мне в Махачкалу, жили здесь, ездили в аул Цада. Потом меня стала переводить и Елена Николаевская, которая тоже училась в Литинституте. Ее муж работал редактором в издательстве «Молодая гвардия». Я дружил с ними, и они помогли мне издать в 1948 году в Москве первую книжку стихов на русском языке «Земля моя», которая получила неожиданно для меня хорошую оценку. Было много обсуждений, рецензий, критических замечаний. Обсуждение новой книги состоялось в Литинституте. В нем приняли участие представители Дагестана в Москве, выступали широко известные тогда поэты Евгений Долматовский, Ярослав Смеляков, Лев Ошанин. Многие хвалили, некоторые критиковали. Но все прошло очень хорошо.

Мне повезло, что меня начали переводить именно мои однокурсники Гребнев и Козловский, ведь я мог спорить с ними, просить изменить что-то в переводе, делать замечания. Этого я не мог бы, конечно, себе позволить, переведи меня, например, отцовский друг Николай Тихонов или какой-то другой известный писатель. Обо мне злые языки говорили, что меня «делали» переводчики. Да, действительно, они относились к переводам очень серьезно, мы учились друг у друга, и творческое содружество с ними многое мне дало. Я длинно писал, они научили меня сокращать и оставлять только самое главное. Обо мне говорили еще, что за меня пишет отец, и это, действительно, так – ведь до сих пор я пишу под его диктовку. Но я и сам в свое творчество тоже кое-какую лепту внес.

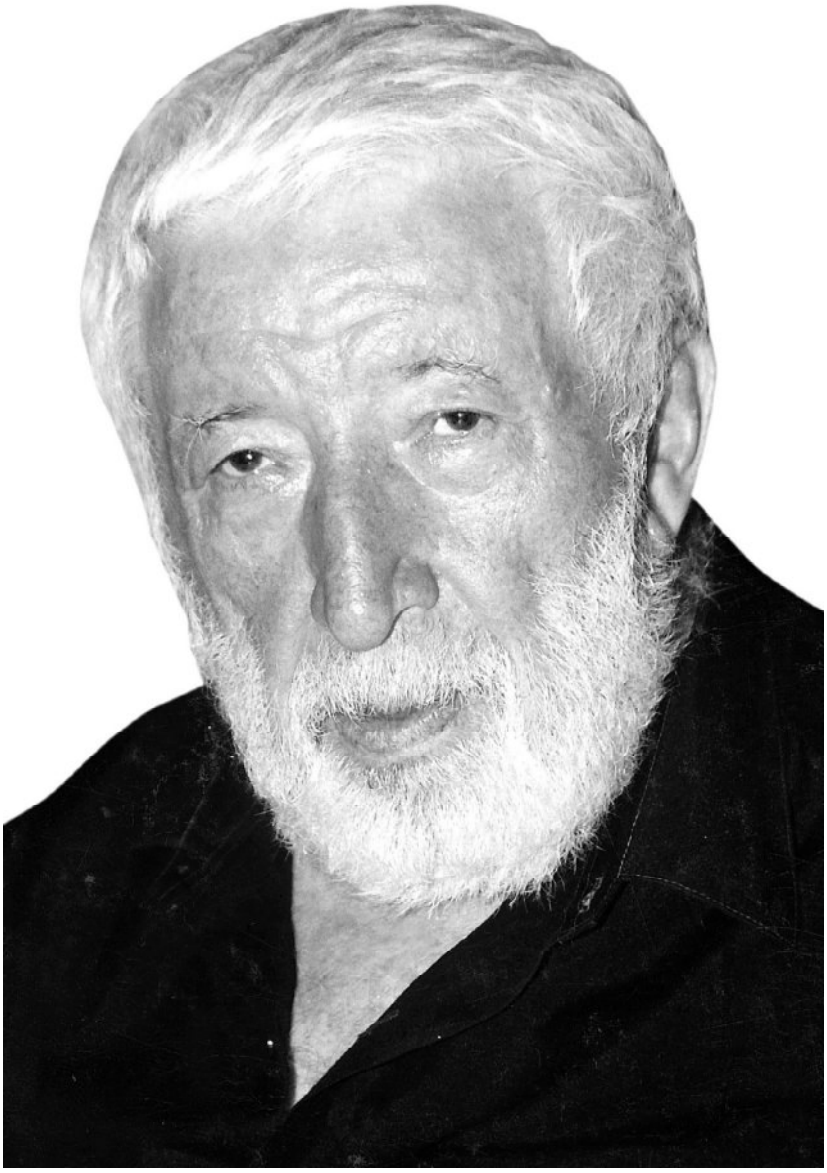
Раньше переводу придавалось несравнимо больше значения, чем сейчас. В Литинститут принимали национальных поэтов, были семинары переводчиков, а сейчас принимают только пишущих по-русски. В Союзе писателей СССР была секция переводчиков и секция национальных литератур, ныне их нет. Были еще и издательство и альманах «Дружба народов», которые публиковали национальных поэтов и писателей, о чем сейчас и мечтать нельзя. Не говорю уже о том, что регулярно созывались всесоюзные совещания молодых писателей, на которые приглашали и молодых национальных поэтов.

Сейчас национальные поэты остались наедине со своим творчеством, их не переводят, центральное телевидение их не показывает, их голос не слышен. Это печально. И думаю, что российская культура сильно обеднеет без новых национальных голосов.

Записал Мурад АХМЕДОВ

Вот строки, которые вышли из-под пера поэта совсем недавно, они только что переведены на русский известным харьковским поэтом Алексеем Бинкевичем и публикуются впервые...

Я ИДУ ПО ДОРОГЕ...



ОБХВАТЫВАЮ ГОЛОВУ РУКАМИ

Обхватываю голову руками
И в зеркало гляжу, упрек тая…
Кто смотрит на меня? К чему лукавить?
Кто этот человек? Неужто я?..

В нем что-то от отца есть и от брата,
Да и мое проступит иногда…
Возможно, я и знал его когда-то.
Но где его я видел и когда?

Глаза – мои. Однако, где гроза там?
Лишь светится одна печаль с их дна…
– Не узнаешь себя, Расул Гамзатов? –
спросило солнце на закате дня.

Ты побывал во многих странах мира –
Чужой была экзотика тех стран,
А край родной был для тебя кумиром.
Ты гордо говорил: – Мой Дагестан!

Легко жилось и радостно кутилось!
К портам надежды плыли корабли.
Куда звезда удачи закатилась?
Куда запропастились журавли?

Своих друзей ты не сплотил в команду,
Случайных женщин оставлял легко,
И, если время било по карману,
Ты все равно не предавал его!

Враги ружьем грозили и капканом,
Родня пыталась словом уколоть.
Любовь кровоточила, словно рана,
Но лань твою призвал к себе Господь.

Над головой твоей гремели грозы,
И кашель одиночества душил,
Но ты стерпел обиды и угрозы,
Хоть делал вид, что ты не видишь их.

О, сила духа, ты неистребима,
И все ж, когда я в зеркало гляжу,
Всплывает за спиной лицо любимой,
А наяву его не нахожу.

Я в зеркале – обманутого вижу,
Лицо другого источает стыд.
А это чье? Его я ненавижу –
Помятое от горя и обид.

…И веток нет, и кроны не осталось
От дерева, что выросло в Цада,
Вблизи корней лишь поросли усталость,
И та в преддверье вечности седа.

Быть может это сон? И мне лишь снится
То зеркало в оправе, как яйцо…
А в нем мелькают лица, лица, лица…
Какое среди них мое лицо?

Я ИДУ ПО ДОРОГЕ…

Я иду по дороге – за мною
Журавлями взметнулись лета.
И встает горделивой весною
На пути моем женщина та.
Ни на шаг от меня не отходит,
И, когда я на ощупь бреду,
Как слепого меня она водит,
Отводя за бедою беду.

Я иду по дороге. И, гордый,
То виденье в душе берегу:
Снег летит своенравно на горы
И она, как костер на снегу,
Не дает мне замерзнуть в бураны –
Словно рог, из которого пью.
Только ею бываю я пьяным,
Хоть с годами все реже пою.

Я иду по дороге… Направо
Посмотрю – вновь она предо мной,
Став уже тетивою упрямой,
Мне велит становиться стрелой.
В замешательстве гляну налево,
И горянка та, чудо творя,
Говорит: «Я – твоя королева,
Я – Песнь песней, молитва твоя!»

…Повинуясь обычаям строгим,
Понесут мое тело друзья.
Повстречав ее тень на дороге,
Пусть суровой молвой не казнят.
И шепчу я: «Спасибо, что снится
Мне еще золотая земля
И, сошедшая с неба проститься,
Журавлиха седая моя».

* * *

– Ассалам алейкум, безбородый парень,
Чем ты на погосте занят, расскажи?
– Об отце в народе, чтоб осталась память,
Я надгробный камень день и ночь тешу.

– Ассалам алейкум, основатель рода,
Занялся зачем ты корчеваньем пня?
– Здесь похоронил я сына в непогоду,
Рядом с ним готовлю место для себя.

– Ассалам алейкум, что, поэт, как ветер
У стремнины черной бродишь на краю?
– Мне поведал ворон:
«Нет Марьям на свете».
Горло пересохло. Песен не пою.

– Ассалам алейкум, девушка с кувшином,
Почему у грусти ходишь ты в плену?
– Отсекли злодеи голову Баширу.
Пересохло горло. Песен не пою.

– Ассалам алейкум, взрослые деревья,
Отчего грустите, словно на посту?
– Все покрыла осень
покрывалом древним,
И уносит ветер жухлую листву.

ГОСТИ, ВЫ ЧТО, УХОДИТЕ?..

Гости, вы что, уходите?
И ты, дорогая, с ними?..
Новое время снимет
Детства настенные ходики.
Вы оглянитесь только,
Чтобы увидеть, прощаясь, –
Мольбы и надежды столько,
Что в сердце не умещается!..

Уже в этом мире каверзном
Всё меньше родных и близких.
Чтоб к сердцу не брать всё близко,
Неужто надо стать каменным?
Постойте, мои хорошие,
Споём, а потом оденетесь!
В конюшнях отцовских лошади
Ещё поскакать надеются.

Гости, вы что, уходите?
И ты, сокровище, с ними?..
А как же оставить Россию,
Осиротить Родину?..
Ещё полыхает заревом
Огонь в очагах предков.
Мы чем-то всё время заняты
И видимся очень редко.

Постойте ещё немножко,
Не уходите сразу.
Вместе пройдём сложные,
Бурные дни Кавказа.
Куда вы спешите, милые,
Слетая, как листья с веток?
Зима никого не минует.
Что мне вам посоветовать?

Гости, вы что, уходите?
И ты, панацея, с ними
Тропинкой весенней нивы
Сегодня уходишь, вроде бы…
За океаном – сказки,
А я от сказок устал.
И ни на какие Дамаски
Не променять Дагестан!

Пискнула осень зябликом,
Может быть, это ты?
Катится время яблоком
Под ногами толпы.
Ещё пастух не разбужен,
Не гонит коров за аул,
Рано ещё! Мне нужен
Каждый, кого зову.

Гости, вы что, уходите?
В доме этого мира
Часто бывает холодно.
Все мы в нём гости, милые.
Только спешить нам нечего,
Предрешено судьбою, –
Что эта старуха вечная
Всех уведёт с собою.

Постойте, очистим души
Молитвою после сна.
Может быть, нас слушает
Всевышний на небесах?..

* * *

Я уложил сегодня в землю друга
И памяти захлопнулся замок.
Еще один из дружеского круга
Не тронет на двери моей звонок.

Часы итожат без него минуты,
И без него проходит время круг.
Из-за холмов возникнет солнце утром,
Но взглядом с ним не встретится мой друг.

Ах, эта арифметика простая,
Кому ту теорему докажу?
Я, как журавль, отбившийся от стаи, –
Клин улетел, а я за ним слежу.

…Не для меня течет вода в арыке.
…Не для меня поет любимый хор.
Один я, будто в шар земной зарытый,
Где деревом уже отмечен холм.

Оно стоит для путника магнитом:
Для недотепы иль мудреца.
И знаю я, что песне и молитве,
Как и дороге нет и нет конца.

Несут, несут друзей земные смерчи
Не по моей и не по их вине.
Нас с каждым днем
все меньше, меньше, меньше.
И я стою с собой наедине.

И если путь чуть больший мне отпущен,
Их в памяти хранить даю обет,
Надеясь непременно, что в грядущем,
Когда-то тоже вспомнят обо мне.

ТОТ СЛУХ…

Тот слух, что основали мир тревожный
Земля и небо, отрицаю. Нет!
Земля и небо вышли на свет божий
Лишь потому, что ты явилась в свет.
А небо над твоею головою
Шатром взметнуло солнечную медь,
И сделалась планета голубою,
Чтоб ты своей ногой топтала твердь.

Твердят, что в мире было все иначе,
Не ведал космос об отсчете лет.
Потом на день и ночь делиться начал
Лишь потому, что ты явилась в свет!
Был мир не устоявшийся и хлипкий,
Как слепок из туманов и снегов.
День появился от твоей улыбки,
А ночь пришла от гнева твоего.

И не было ни одного светила,
В кромешной мгле скитался только ветр,
А звезды в этом мире засветились
Лишь потому, ты пришла на свет!
И слезы милой, в звезды превратившись,
Сияют во вселенной без конца,
И солнце появилось, раскалившись,
Украв огранку твоего лица.

Еще твердят, что реки и потоки
Стекали бестолково, будто сны.
А странный мир – холодный и жестокий
Не признавал ни лета, ни весны.

Что ж, я не верю, будто непогода
Могла вершить свой окаянный пир.
Всему виной была твоя природа,
Твоя природа сотворила мир.

И если ты прошла, насупив брови, –
Мир тучами был застлан ото всех,
А если вдруг тебя касались боли –
То тотчас же летел на землю снег.

Ты птичьи стаи песням обучила,
Под эти песни даже пляшет тур.
Чтоб музыка больных людей лечила,
Ты поселила музыку в чунгур.

Все беды на земле любовь сметала
Своей нерукотворною волной.
Ты улыбалась – на дворе светало,
Страсть мудрости была тому виной.

…И, исполняя все твои желанья,
Пустыни превращаются в моря.
И волны океана оживают,
И обретает крылья песнь моя.

ДИАЛОГ С МОЛОДОСТЬЮ

– На гладком лбу моем, как чистая бумага
Тетрадного листа, что я не раз сминал,
Незримая никем рука какого мага
Решилась начертать вот эти письмена?

– На гладком лбу твоем,
как чистая бумага
Тетрадного листа, что ты не раз сминал,
Узоры навели дороги, а не маги,
И время пишет те сквозные письмена.

– О, волчья шкура, что на голове чернела,
Я думал ты такой останешься и впредь.
Куда девалась ты, кому осточертело
На сочный этот цвет
и день и ночь смотреть?

– А волчья шкура, что на голове чернела,
Ты думал, что она
такой же будет впредь…
Да, не заметил ты,
своим увлекшись делом
Как белый подменил ее тебе медведь.

– Где, молодость моя,
меч высоко воздетый,
Стрела, что к цели мчит,
не ведая преград,
Кипевшее вчера вино в бокале этом…
Где радостные дни, которым был я рад?

– Меч ныне заржавел,
стрела не видит цели,
Душа твоя уже ничем не дорожит.
И убедился ты – нет в мире панацеи.
Приподнятый бокал –
предательски дрожит!

ПРИТЧА

Ворону Бог возвёл
В ранг птичьей королевы,
Из перышек ее
Он создал брови Евы.

Ах, как она поет,
Мир птичий удивлялся,
А голосом ее
Сам соловей пленялся!

Но, вляпавшейся в грязь,
Ей захотелось плакать,
И, злостью умилясь,
Она смогла лишь каркать.

И о лягушке слух
Слыл, что она красива,
Что даже море слуг
У той царевны было.

Сам золотой жучок
Завидовал лягушке,
Когда сняв башмачок,
Она купалась в лужке.

Но, увидав тебя,
Ко мне спешащей в гости,
Она, назад гребя,
Расплакалась от злости.

И для того, чтоб дом
Наш сплетни не достали,
Гони ворон тех вон –
Мы так от них устали!

Любовь моя, пойми,
Не стоит в жизни плакать.
И в солнечные дни
Лягушки будут квакать.

РАДУГА

Старик проследовал на муле
И половиной колеса
Повозки – радуга в ауле
Легла на гордые леса.

От кладбища до водопада
Пролег ее горбатый путь.
От преломленья иль распада
Семь красок обнажили суть?

И показалось солнце снова,
Чуть подсветив дождинок прядь,
И стала радуга подковой,
Готовой тут же подковать

Коня. Запахло свежей кинзой,
И радуга на этот раз
Была биноклевою линзой
Для чьих-то удивленных глаз.

Как музыка и стих в согласье
Спешат добротной песней стать,
Так солнце, над дождем во власти,
Способно радугою встать.

И мы идем за птичьей стаей,
Сто гор оставив и лесов,
И вот уже река крутая
Уносит жизни колесо…

Семь радужек – слежу за ними.
Какой завороженный ряд!
Меж мертвыми и меж живыми
Мосты Всевышнего стоят.

Тех семь цветов – расцветка флага,
А для чего мне семь цветов?
Была бы белая бумага,
Да был бы мой рабочий стол.

Из радуги возьму два цвета
И помещу их в триколор.
Россия. Дагестан. Я этим
Горжусь, как истинный король.

А солнце в небе онемеет,
Слезы дождинка упадет…
И над могилою моею
Земная радуга взойдет.

ТАКОВА ВОЛЯ АЛЛАХА

Встретились мы посредине земли.
Был полдень века. И время – не сахар.
Пели ночами для нас соловьи.
Песнь начинается. Слава Аллаху!

Не опоздав на свиданье пришли,
Соединив наши жизни без страха, –
Две половинки друг друга нашли.
Песнь продолжается. Слава Аллаху!

Так два потока навстречу бегут,
Чтоб, повстречавшись,
обняться без страха,
Дальше неся нежных вод перламутр.
Песнь продолжается. Слава Аллаху!

Музыка с музыкой встретилась вдруг
В изнеможенье, упав, как на плаху.
Я ль не люблю тебя, нежный мой друг?
Песнь продолжается. Слава Аллаху!

Две головы на подушке лежат
Сладко целуясь, нужна ли им сваха?
Только друг другу и принадлежат!
Песнь продолжается. Слава Аллаху!

Сколько людей, что старательней нас
К милой в окошко швыряли папахи.
Сколько уселось не в свой тарантас?..
Песнь продолжается. Слава Аллаху!

Можно устроить семейный очаг
Иль добровольно остаться монахом…
Солнце встречал я у милой в очах!
Песнь продолжается. Слава Аллаху!

Тучи. Туманы. Потоп миновал.
Вот и удел мой заветный запахан.
За перевалом лежит перевал.
Жизнь продолжается!
Слава Аллаху!

2003 г.

Среди тех немногих, вкусу которых безоговорочно доверял Расул Гамзатов, был замечательный дагестанский литературный критик Камиль Султанов, а среди тех, кому доверяет поэт сегодня, – его сын, доктор филологических наук, профессор Литинститута, известный российский литературовед, член редколлегии нашего журнала Казбек Султанов. Перед вами его размышления о творчестве друга своего отца...

«СНОВА МУЧАЮСЬ, СНОВА ПИШУ...»

о некоторых жизненных и творческих уроках Расула Гамзатова

... не сдается поэт, пишет и пишет стихи!
Овидий

Не только литература – вся дагестанская культура во второй половине XX века прожила под знаком гамзатовских раздумий о Дагестане и мире. Более того, если можно – или скорее нужно! – говорить об экологии дагестанского самосознания, то роль Гамзатова в его самосохранении и обогащении поистине трудно переоценить.

При этом нелишне напомнить, что слово поэта, выдержавшее по большому счету испытание славой и прошедшее сквозь горнило юбилейных дифирамбов, не застыло в форме отзвучавшего и уже покрытого музейной пылью экспоната литературной истории, оставаясь насущным и живым воплощением энергии и силы народного духа. Можно, не рискуя впасть в преувеличение, сказать и так – чутким индикатором нравственного состояния дагестанского общества.

В принципиальном споре с новейшим меркантилизмом, с идеологией выгоды любой ценой, с торжествующей пошлостью, в борьбе, если хотите, за **душу Дагестана** авторитетный голос и моральные ориентиры Гамзатова воспринимались с неутраченной надеждой на преодоление затянувшейся духовной растерянности.

«Пишу, как подсказано совестью мне» – именно совестью как высшей и неоспоримой ценностью в шкале нравственных предпочтений поэта («а совесть человека – выше гор»). Перечитайте стихотворения «Откровение современного барышника», для которого «толкучка… стократ дороже Эрмитажа», «На свадьбы не ходите вы, поэты» (там «золотые дутые браслеты лукавство надевает на слова»), «Не верьте лести», «Не к лицу мне ловчего повадки», «Помогите», «Человека от должности освободили» с его ударной концовкой «всех выше на свете …должность быть человеком на грешной земле», вслушайтесь в интонацию гражданского беспокойства и безошибочной социальной диагностики, чтобы в полной мере оценить полемическое неприятие поэтом «болезней духа» и перерождения «клеток совести людской». Избранные в разговоре об утраченных этических ценностях обличительно-наставительный пафос и императивная тональность достигают смыслового апогея и жесткой откровенности в стихотворении-инвективе «Проклятие» («проклятье тем, кто и понятия иметь о чести не привык, …тому проклятье, в ком прозрения не знала совесть на веку»).

«Первая заслуга великого поэта в том, что через него умнеет всё, что может поумнеть» – эта мысль, прозвучавшая в выступлении драматурга А. Н. Островского на пушкинском празднике 1880 года, наводит на самое существенное размышление. Художественные открытия Гамзатова – это и наш шанс поумнеть, подняться над собой, задуматься о своем месте в оркестре культур и народов. Они подтолкнули – или должны подтолкнуть! – каждого мыслящего дагестанца к новому уровню самоанализа и самоопроса и, следовательно, к большему самоуважению.

Разве одного этого недостаточно, чтобы остаться в благодарной памяти современников и потомков?

Путь Гамзатова – это поступательное движение от арифметики черно-

белого восприятия к алгебре многомерного видения, к интегральной сложности мира. При даже беглом сопоставлении сборников сороковых годов («Пламенная любовь и жгучая ненависть», «Земля моя», «Песни гор») с тем, что сделано в 60-90-е годы («Высокие звезды», «Четки лет», «Мулатка», «Третий час», «Последняя цена», «Сонеты» и др.) поражает интенсивность становления художественной мысли Гамзатова. Называя свое предисловие к двухтомнику дагестанского поэта «Набирающий высоту», С. Маршак точно уловил учащенный пульс духовного повзросления Гамзатова, стремительность его восхождения к новому качеству. Не случайно столь кратким было время ученичества и столь заметной смена этапов в его творчестве, которая в итоге и стимулировала смену эпох в дагестанской литературе. Не случайно в ностальгическом «Первом стихотворении» оказались рядом как приметы одного «подземного роста души» такие взаимоисключающие, казалось, состояния, как «памятное юное волненье» и «мужество окрепнувшей души».

Он как бы подстегивал себя в творческом нетерпении, преодолевал себя прежнего в ускоренном прохождении этапов эволюции, взыскательно выверял свой путь камертоном «зрелости» – к этому заветному понятию-сигналу он аппелирует в каждой точке подъема, на каждом новом творческом рубеже, хотя контекст времени существенно меняет интонацию этого обращения. Вот утверждающее признание молодого и, естественно, самоуверенного поэта: «О, зрелость моя! Мне исполнилось тридцать». А вот действительно зрелый, состоявшийся поэт и именно поэтому не скрывающий сомнения: «Где в пути ты задержалась, зрелость? Почему так поздно ты пришла?».

О стремлении меняться, пробовать слово как звук в разных регистрах, осваивать неизведанные формы и стили лучше всего свидетельствует богатство и разнообразие жанровой палитры дагестанского поэта: поэма-странствие «Остров женщин» и поэма-предостережение «Колокол Хиросимы» с её рефреном «бей в колокол, труби, людская совесть», не имеющая аналогов сюжетная архитектоника «Моего Дагестана» и восьмистишия, вобравшие в себя драматизм и трагическую двойственность XX века («мы – дети века, стыд нам и позор» и рядом «мы – дети века, честь нам и хвала»), поэма-исповедь «В горах моё сердце» и творческая фольклорная стилизация («Сказание о Хочбаре, уздене из аула Гидатль»), шуточная зарисовка и сонет, послание и элегия, эпиграмма и надпись на камне, бурке, кинжале, пандуре, легенда и баллада, медитативная лирика и сатирическая инвектива. Непривязанность к той или иной апробированной жанровой форме, свобода перехода от одной стилевой манеры к другой в поисках адекватного воплощения замысла пробуждали невиданные ранее возможности слова и стиха.

Акцентируя подвижность и динамику творческого пути, важно не упустить и такое обстоятельство. Гамзатов менялся, преодолевая перевал за перевалом, но и, как «горец, верный Дагестану», оставался самим собой на всех поворотах жизненной судьбы и больше всего боялся «одного: опасной измены себе самому» («Не бойся врагов, стихотворец!»). В контексте творческого поведения Гамзатова измена себе синонимична измене Дагестану как вечному и незамутненному источнику поэтического вдохновения.

Всю жизнь он нес в себе и отстаивал со всем упорством своей поэтической воли высокое представление о Дагестане, о совестливом и просвещенном дагестанце – может быть, в чем-то идеализированное и романтическое, но, главное, предельно искреннее и начисто лишенное фальши.

Дагестан с первых его шагов в поэзии оставался внутренним нервом поэтических откровений, сквозной темой творчества, постоянной величиной и духовно значимым приоритетом: «Велика любовь моя или очень мала, мелка моя правда или глубока, стары или современны мои чувства, но я пишу о тебе, Дагестан. Когда я пишу, перо невольно дрожит в моей руке» («Мой Дагестан»).

Всепоглощающее чувство Дагестана как ток высокого напряжения пронизывает большинство произведений: «весь я был во власти зова родной отеческой земли» (поэма «Весточка из аула»). Это сакраментальное слово «зов» возникает постоянно как несмолкаемый призыв, как услышанная труба предков и пожизненный внутренний голос: «На материнский так похожий я слышу зов родной земли», «…и полечу на этот зов всевластный».

Когда Гамзатов пишет о «нашей дагестанской звезде», что светила ему «среди тысяч с неба», никому в голову не придет находить даже намек на национальный эгоизм в этой одержимости и сыновнем восторге, в этом высоком самоотречении:

Вновь о твоей размышляя судьбе,
Край, вознесенный к седым небесам,
Я забываю легко о себе,
Выше от этого делаясь сам.

Философия творчества Гамзатова основана на признании того, что без чувства очага и истока («сердце жило всегда… в нашем ауле Цада»), без осознания корневой связи («О мой народ, и в радости, и в горе ты – это море, я – твоя волна») не может быть полнокровного чувства страны и мира. Но поэт – в этом его бесспорная заслуга перед дагестанской культурой – понял и другое: чем глубже познаешь свое, тем ближе и роднее становится другое. Только эта глубина самопознания по-настоящему приобщает к общечеловеческим ценностям, только она формирует специфику без изоляции, уединенность без одиночества.

Гамзатов с неведомым ранее упорством расширял горизонты дагестанской литературы, стремился к обретению цельного и целостного взгляда на национальную действительность как органическую и необходимую часть человечества, когда сама национальная культура осознает себя как средоточие и место встречи разных культур, растет в процессе их взаимоузнавания.

Именно в творчестве Гамзатова **впервые в истории дагестанской литературы чувство человечества заявило о себе как живое, теплое, реальное и сильное человеческое чувство.** С его именем связан этот одухотворяющий порыв к самоутверждению в мире («земля как будто стала шире»). Поэтому так органично сопряжены в его симфонической партитуре мотив признания в любви и преданности («я – Дагестана пёс сторожевой», «все дороги ведут к Дагестану») и столь же дорогая и востребованная идея сближения части и целого, доведенная подчас до чувственной наглядности и выразительности: «Шар земной, для меня ты – лицо дорогое, я слезинки твои утираю – не плачь».

В России, да и во всем мире (особенно, кстати, в извечно свободолюбивой Польше) легендарная гамзатовская книга «Мой Дагестан» была воспринята как манифест самобытности, как гимн специфике и индивидуальности народа. Но не в меньшей степени это и напряженный поиск связи «своего» и

«другого». Непротиворечивая соотнесенность «родного» и «вселенского» была бы невозможна без изначально заданного вопроса «чей представитель я, с каких дорог и для чего мой путь по свету начат?». Развернутым во времени и пространстве ответом на этот вопрос и стал «Мой Дагестан»: «В какие бы края ни забросила меня судьба, я везде чувствую себя представителем той земли, тех гор, того аула, где я научился седлать коня». Именно ощущение твердой опоры под ногами, своей точки Архимеда позволяет одомашнить, очеловечить, приблизить «далёкое» и «чужое», обнаруживая чувство родины «во всех явлениях мира и во всех его уголках. И в этом смысле моя тема – весь мир».

Это я Марию полюбил,
А не гетман, старый и опальный,
Это я искал и находил
Золушке башмак ее хрустальный.

Посмотрите, с чем и в какой последовательности сравнивает поэт «мой маленький Дагестан и мой огромный мир». Сначала прибегает к метафоре «двух ручьев», сливающихся в один поток, но следующим сравнением добивается большего эффекта сближения, почти интимного слияния: «Две слезинки, которые вытекают из двух глаз и текут по двум щекам, но рождены одним горем или одной радостью».

Гамзатов как поэт и мыслитель всегда исповедовал этику солидарности – людей, культур, народов, отвергая как причину конфликтов любого рода обвинительные вердикты, претендующие на обобщение («не обвиняй народы никогда за то, что не дано им полной мерой») и не скрывая духовного родства с пушкинским идеалом, «когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся». Уместно вспомнить и слова Гете о том «прекрасном чувстве, что всё человечество в своей совокупности именно и является истинным человеком и что индивидуум лишь тогда может быть радостен и счастлив, когда имеет мужество ощущать себя частью целого».

Важно, однако, подчеркнуть, находясь уже в неудержимо глобализирующемся XXI веке, что эта гипотетическая, но и страстно желаемая «семья», это «мужество ощущать себя частью целого» ничего общего не могут и не должны иметь с идеей нивелировки отличий и якобы неизбежной унификации особенностей. Для Гамзатова открывать друг друга означает ничто иное, как диалог равноправных, но разных народов (а не навсегда «великих» и навсегда «малых»), как взаимообогащающая перекличка Цада и Хиросимы, Дагестана и Кубы, как **взаимодополнительность различного**, сходство несходного. Несходного, но обнаруживающего сходство на высшем уровне человеческого взаимопонимания, непременным условием которого остается сохранение самобытного лица и своей этнокультурной индивидуальности («Дагестан – ты мое лицо. Я запрещаю трогать тебя»).

Ярким полемическим выпадом против тех, кто «сегодня говорит уныло, что для всех народов в небесах одного достаточно светила», стала поэма «Звезда Дагестана». Обезличенность, порывающая с основами и выдающая себя за всеобщность, убежден поэт, есть жалкая пародия на идеал единства. И «Мой Дагестан» всем своим настроем противостоит отвлеченному, умозрительному и фактически бездуховному «бездомью», когда к национальному обращаются только ради формального соблюдения «местного колорита», подменяя субстанцию внешним орнаментом.

Можно говорить о поучительной гамзатовской **мере** в литературе, суть которой в соблюдении спасительного равновесия, когда не перегибаешь по части самодовлеющей этнографической экзотики, не превращаешь в провинциальном рвении «особенное» в «отдельное» («в себе» и «для себя»), и в то же время не поддаешься соблазну космополитической беспочвенности и усредненности – этим идолам «массовой культуры».

Напрашивается, правда, одно уточнение. Вспомним отмеченный Гоголем эффект полного перевоплощения гения Пушкина как результат глубинного познания инонационального мира: «В Испании он испанец, с греком – грек, на Кавказе – вольный горец, в полном смысле этого слова». И Гамзатов, верный максиме «поэт обходить не научен беду», может явить силу перевоплощения ради возвышающего переживания родства человеческих душ: «Еврея – в Треблинке сжигают меня, я в Лидице – чех, я – француз в Орадуре». Но куда больший удельный вес занимает в душевном складе лирического героя, в характере его отклика и его реакции на «другое» логика постоянного возвращения к домашнему очагу.

Нетрудно вывести устойчивую формулу этого мироощущения: чем дольше пребывание вне Дагестана, тем обостреннее и неотступнее дума о нём.

«Хочу тебя понять, о Индия» или, как в поэме «Остров женщин», поэт потрясен встречей с древними мексиканскими храмами Дождя, Солнца,

Кукурузы, но тут же яркость иноземных впечатлений как кремень высекает исконный лейтмотив: «у нас в Аварии живет преданье…» или «с Абуталибом незабвенным схожий мой многомудрый, меднокожий гид». А щедрые мексиканские базары, разумеется, «сродни кавказским». Погруженный в тайны «непостижимого Непала», поэт остается верен всё тому же «зову», возвращающему на круги своя: «Грусть твою, богиня Катманду, на язык аварский наш, гортанный, для моих друзей переведу» (поэма «Живая богиня Кумари»). Встреченная на Капри женщина «на мою похожа мать», увиденный «с крыши горского аула» турок воспринимается через ту же призму: похож «на моего отца» («О моей родне»). В Родопах горы возвышаются «как будто бы нагорья Дагестана», а в болгарской Казанлыкской долине «видится… кумыкская зеленая равнина».

Суть, наверное, в том, что чуткая восприимчивость, отзывчивость на явления мира поверх национальных барьеров, активная сопричастность мировой культуре («горло мне сжимал бедный мавр, каравший Дездемону» или «Дон Кихот освобождал меня… Демон тучей обвивал меня») рождают и стократно усиливают острую тоску по собственным, столь же значимым ценностям, укрепляют веру в высокое предназначение и духовные взлеты Дагестана:

И у нас родится Глинка свой,
И умы встревожит
Пушкин горский.
…И однажды горский Рафаэль
Нарисует горскую мадонну.

Нарастающее с годами стремление к полноте поэтического восприятия мира и, как следствие, осознанная потребность идти вглубь с тем, чтобы увидеть родной уголок в пространстве общечеловеческих проблем – эти качества большого поэта давно стали «фирменным знаком» Гамзатова как художника и философа. Новизна была в дерзкой и плодотворной заявке на новый масштаб поэтического высказывания, несовместимый с мерками провинциальной ограниченности.

Раскрепощенное слово уходило в большой полет во имя значительной цели: «чтобы не был малым человек, принадлежащий к малому народу». В системе ценностных координат поэта «малость» прочитывается как опознавательный знак инфантильной незрелости, измельчания души. Поэтому так настойчив он в своем неравнодушном напоминании («не будьте мелкими, если даже вы малочисленны»), в своем беспокойном обращении: «…не прощай, Великая страна, ты никому из нас поступков мелких». Разговоры, например, об обмелении Каспия вызывают ассоциации иного рода, тревожный диагноз, открывающий иную смысловую перспективу: «Процесс мельчанья некоторых душ меня гораздо более тревожит».

Нет сомнения, что с годами, от книги к книге, поэт становился строже и требовательнее к себе, поднимая планку духовной самоцензуры и смещая центр тяжести к большей сосредоточенности и большей реалистической трезвости:

Учи, поэт, суровые уроки
И не бери без боя города,
Чтоб наскоро написанные строки
Не рвать потом, сгорая от стыда.

Тонус самокритики, сильно заявленный в стихотворениях «Покарай меня, край мой нагорный», «Я потерялся, мой друг, потерялся», «Мне оправданья нет и нет спасенья», «Покаяние», стал сердцевиной поэтического переживания. Сравнивая книги с «победами кровавыми», поэт не скрывает мучительного сомнения: «Разве знаешь, высоты беря: ты себя покрываешь славою или кровь проливаешь зря?».

Эта тональность взыскательного отношения к произнесенному слову, эта требовательность к себе как акт духовного самоочищения впервые были заданы тридцатитрехлетним поэтом в проникновенной по силе признания и покаяния поэме «В горах мое сердце». «Поспешная песня моя», «провинился и я», «непростительно я виноват», «клевета, что в незрелых стихах прозвучала», «опрометчиво творение», оплаченное «стыдом и бессонницей» – этот обвал обвинений в собственный адрес кажется ему, автору давнего публицистически -лобового и послушно-конъюнктурного выпада против Шамиля («Имам», 1951), настолько недостаточным, что он предоставляет слово самому имаму в сцене его неожиданного ночного появления. Не иначе, как поэтической смелостью и бесстрашным поступком, можно назвать готовность автора выслушать от Шамиля подобную оценку поэтического слова, прозвучавшего когда-то в спешке и суете: «Девятнадцать пылающих ран нанесли мне. Ты нанес мне двадцатую, молокосос». Сопрягая в магнитном поле мощного поэтического откровения глубину раскаяния («ты, родная земля, не гляди на поэта, словно мать, огорченная сыном своим») и откровенность выстраданного признания («я люблю твою гордость и тягу к свободе, мой народ, что когда-то родил Шамиля»), Гамзатов достигает кульминационной точки в этом символическом реквиеме-прощании с ошибками молодости.

После подобного урока, беспримерного по силе усвоения и влияния, работа поэта всё больше напоминала зондирование самых потаенных глубин жизни, о чем свидетельствует смысловая ёмкость восьмистиший, художественно преобразованная в них подлинная философская рефлексия. Конкретное, частное наблюдение, единичное событие, преображаясь в движении философски значимой, обобщающей мысли, распрямляется, как пружина, возвышается до уровня универсального образа – будь это белый посох в руках слепого или рояль в Хиросиме, голос черной шали в поэме «Берегите матерей» или вершина Ахульго, платок, брошенный женщиной под ноги поссорившихся джигитов, или горский обычай забрасывать незамужним девушкам в окно папаху.

Открывая в частном общечеловеческий смысл, поэтическая мысль чутко реагирует и на двойственность мира, и на трагическую раздвоенность человеческой души («бой идет в моей груди»). Жизнь встает перед взором то вдовой, то невестой, «то радость впереди, то вновь печаль спешит». Поэт вглядывается в «раздвоенного времени приметы», обнаруживая их в себе: «Я не един, как это прежде мнилось, два человека ужились во мне». До совмещения несовместимого доведена та же мысль в стихотворении «Пришла пора задуть огни селеньям»: «И не могу понять ещё доселе, когда я Пушкин, а когда Дантес».

Сам образ мулатки – героини одноименного сборника – несет в себе союз и согласие контрастных начал. В этой книге с наибольшей цельностью и глубиной воплотилось стремление уловить полноту жизни в соотнесенности её полюсов («О ты, моя комедия, что плачешь? Смеешься, что, трагедия моя?»), в равноправии противоположностей – покоя и бури, добра и зла, света и тьмы, взлета и падения, нежности и дерзости, любви и ненависти.

Не закрывая глаза на парадоксы и диссонансы человеческого существования, Гамзатов заметно тяготеет к диалектическому примирению, к снятию крайностей, добиваясь внутренней сбалансированности полярных состояний. Моё знание, мог бы он повторить вслед за великим гуманистом Альбертом Швейцером, пессимистично, но моя воля и моя надежда оптимистичны. Как бы ни торжествовало зло, как бы ни опускались руки в столкновении с ним, но остается поверх отчаяния и дисгармонии нечто более важное: «и не исчезнет жизнь, покуда есть ощущенье новизны, и удивления, и чуда».

(«Таинственность»). Это спасительное ощущение возникает как бессмертное начало и духовная антитеза во многих произведениях. Апофеозом безысходности воспринимается поначалу стихотворение «Зря познал я усердье и касался пера». Познавший горечь разочарования («Зря кружил по планете… Зря огонь мне завещан… Зря я верил в удачу»), поэт тем не менее сохраняет это ощущение многомерности жизни, изменяя оптику и эмоциональный вектор в сюжетном движении к другому полюсу: «Нет, не зря! – словно дочка, мне из тысяч одна отвечает та строчка, что осталась верна».

«Как бредил я славой!» – восклицает Гамзатов и тут же спешит развенчать сомнительный ореол «пленника глупой суеты»: «А что она – слава? Над бездной веревка, что выдержать может, а может порваться». Бескомпромиссный вызов, брошенный этой неистребимой человеческой слабости, нашел чеканную формулировку в известном восьмистишии «Слава, не надо, не трогай живых…»

В гамзатовской поэзии конца XX века лидирует мотив освобождения от иллюзий перед лицом отрезвляющей мысли, требующей прямого, без конъюнктурной оглядки взгляда на вещи. Зацитированное, но действительно программное для Гамзатова восьмистишие звучит как заветный пароль поэзии, присягающей на верность неподкупной честности:

«Всё в мире плохо и порядка нет!» -
Сказал поэт и белый свет покинул.
«Прекрасный мир» - сказал другой поэт
И белый свет в расцвете лет покинул.
Расстался третий с временем лихим,
Прослыв великим,
смерти не подвластным.
Всё то, что плохо, он назвал плохим,
А что прекрасно,
он назвал прекрасным.

Велик соблазн, рассчитываясь с социальными миражами, в порыве вселенского разочарования все грехи свалить на время, на эпоху, на власть придержащих, но Гамзатову в диалоге со Временем важно отстоять идею личной ответственности, сопротивляемости человека нечеловеческим обстоятельствам при всей трагической остроте его положения. Быть человеком на «грешной земле» значит принять мир «весь как есть – от позора до славы». Да, «нас время гнуло, время било нас, мы совершали мелкие поступки», но есть и другая сторона медали в обращении к времени: «Немало средь людей таких, чья жизнь сама источник твоего свеченья. Будь благодарно озарявшим нас…»

Пусть «тяжелее с каждым днем коляска, в которую навек я запряжен», но не ослабевает призыв к самостоятельности и независимости поэтического слова – достаточно сослаться на такие стихотворения, как «Поэзия, ты сильным не слуга», «Будь призванию верен», «Верное слово». Если и просит лирический герой что-нибудь, то «только перо и бумагу и над словом пророческим власть».

Сколько незаурядных дарований запуталось в сетях трагически неразрешимой и необычайно обострившейся в XX веке дилеммы «личность и власть» или, в этом же ряду, «призвание и компромисс», «талант и идеология». Далеко не всем удавалось «сказать всё и не попасть в Бастилию» – вспомним это любимое Пушкиным изречение.

Если не подменять миссию поэта ролью придворного певца, если согласиться с дневниковой записью М. Пришвина («творчество я представляю себе как жизнь, пробивающую себе путь к вечности») и разделить уверенность Гамзатова в том, что «будет жить на свете сотни лет свидетельство иль вымысел поэта» и его веру в побеждающую правду и притягательность подлинной поэзии («Не Русь Ермолова нас покорила, Кавказ пленила пушкинская Русь»), то становится неоспоримым и очевидным тот факт, что по существу и предназначению своему поэзия не может быть рупором идеологии, власти, партии, пропаганды, класса, иначе говоря – обслуживать кем-то отмеренное представление о том, какой должна быть действительность.

«Сладкой каторге давший присягу, снова мучаюсь, снова пишу» – гамзатовское «мучаюсь», соотнесенное с «пишу», отсылает читателя к самой природе ищущего – оттого и мучения! – творческого духа, открытого навстречу непредсказуемой глубине жизни и потому отторгающего всякие претензии на монополию той или иной «истины».

Поздний Гамзатов, не устающий размышлять о хитросплетениях времени и эпохи, о «вакансии поэта», которая действительно «опасна, если не пуста», внутренне ориентирован на бессмертную формулу достойного поэтического поведения: «Иди, куда влечет тебя свободный ум…Ты сам свой высший суд».

…Не могу забыть, как Мариэтта Шагинян в одном из наших разговоров прочитала, доверительно наклонившись ко мне, гамзатовские строки, не скрывая своего особого отношения к ним: «Коль человек поэт, то у него меж датами рождения и смерти нет, кроме молодости, ничего». Я тогда позволил себе откомментировать услышанное в том смысле, что молодость есть ничто иное, как живительная сила таланта, ниспосланного дара.

В «Стихах о Гамзате Цадаса» – этой благодарной оде в честь незабвенных нравственных уроков отца – Гамзатов упоминает отцовскую тропу, по которой «идти попробовал», но «мне не пелось», ибо куда-то «делась сила, вдохновлявшая отца». Прозвучавший голос отца подействовал отрезвляюще: «…ищи свою дорогу, проторенной тропкой не иди!».

Усвоивший этот урок и не изменявший своему призванию быть продолжателем, а не подражателем, поэт нашел свою дорогу, вписал свою страницу в «золотую и извечную книгу» Дагестана, проложил свой неповторимый след в литературе, озабоченный, конечно, не его консервацией как некоего эталона, а творческим продолжением традиции, новым обогащением родной поэзии. Потому с такой нескрываемой надеждой он вглядывается в будущее и не расстается с верой в то, что «идет за мною следом уже рожденный истинный поэт» – тот, кто «удивит… мир созвучьем новым».

Как когда-то удивил мир сам Расул…

Трудно удержаться, чтобы не напомнить читателю хотя бы некоторые строки из книги «Мой Дагестан», которая триумфально прошагала по всей стране и многим странам мира. Как не наслаждаться глубиной и чистотой неподражаемой гамзатовской прозы, которая тоже есть поэзия...

МОЙ ДАГЕСТАН

Отрывки из книги

* * *

Пусть простят меня пагоды Индии, пирамиды Египта, базилики Италии, пусть простят меня автострады Америки, бульвары Парижа, парки Англии, горы Швейцарии, пусть простят меня женщины Польши, Японии, Рима — я любовался вами, но сердце мое билось спокойно, а если и учащалось его биение, то не настолько, чтобы пересыхало во рту и кружилась голова.

Отчего же сейчас, когда я снова увидел эти семьдесят саклей, приютившихся у подножия скал, сердце мое раскачалось в груди так, что больно ребрам, в глазах моих затуманилось и голова закружилась, будто я болен или пьян?

Неужели маленький дагестанский аул прекраснее Венеции, Каира или Калькутты?

Неужели аварка, бредущая по тропинке с вязанкой дров, прекраснее высокорослой белокурой скандинавки?

Цада! Я брожу по твоим полям, и утренняя холодная роса омывает мои усталые ноги. Даже не в горных ручьях, а в родниках умываю я свое лицо. Говорят, если уж пить, то пить из источника. Говорят также — и мой отец это говорил, что мужчина может стать на колени только в двух случаях: чтобы напиться из родника и чтобы сорвать цветок. Ты, Цада, мой родник. Становлюсь на колени, припадаю губами и жадно пью из тебя.

Увижу камень — и словно прозрачная тень на нем. Это я сам, каким был тридцать лет назад. Сижу на камне и пасу овец. На мне лохматая папаха, в руках длинная палка, на ногах пыль.

Увижу тропинку — и словно прозрачная тень на ней. Это тоже я, каким был тридцать лет назад. Зачем-то пошел в соседний аул. Наверно, меня послал отец.

На каждом шагу я встречаюсь с самим собой, со своим детством, со своими веснами, дождями, цветами, опадающими осенними листьями.

Я раздеваюсь и подставляю свое тело под искрящийся водопад. Поток, прыгая с уступа на уступ, разбивается вдребезги восемь раз и собирается вновь и, наконец, разбивается о мои плечи, о мои руки, о мою голову.

Душ в парижской гостинице «Королевский дворец» — жалкая пластмассовая игрушка по сравнению с моими прохладными водопадами.

Между теплыми камнями нагревается за день вода, втекающая сюда боковой струйкой из горной речки. Голубоватая ванна в лондонской гостинице «Метрополь» — жалкая тарелка по сравнению с моими горными ваннами.

Да, я люблю ходить по большим городам пешком. Но все же после пяти-шести продолжительных прогулок город начинает казаться знакомым, и желание бесконечно бродить по нему притупляется.

Но вот уже в тысячный раз я иду по улочкам своего аула, и нет сытости, и нет желания перестать по нему идти.

* * *

Однажды в Париже я встретил художника-дагестанца. Вскоре после революции он уехал в Италию учиться, женился на итальянке и не вернулся домой. Привыкший к законам гор, дагестанец трудно приживался на своей новой родине. Он колесил по земле, останавливался в блестящих столицах чужедальних стран, но, куда бы он ни поехал, везде с ним была его тоска. Мне захотелось посмотреть на эту тоску, воплощенную в краски, я попросил, чтобы художник показал мне свои картины.

Одна картина так и называется: «Тоска по родине». На картине изображена итальянка (та самая итальянка) в старинном аварском наряде. Она у горного родника, с серебряным кувшином чеканки прославленных гоцатлинских мастеров. Печально нахохлился на склоне горы каменный аварский аул, еще печальнее нахохлились над аулом горы. Вершины гор окутал туман.

— Туман — это слезы гор, — сказал художник. — Когда склоны окутывает туман, по морщинам скал начинают стекать светлые капли. Туман — это я.

На другой картине я увидел птицу, сидящую на кусте колючего терновника. А куст растет среди голых камней. Птица поет, а из окна сакли на нее глядит печальная горянка. Видя, что я заинтересовался картиной, художник пояснил:

— Это по мотивам древней аварской легенды.

— Какой легенды?

— Птицу поймали и посадили в клетку. Оказавшись в плену, птица день и ночь твердила: родина, родина, родина, родина, родина... Точь-в-точь, как все эти годы твержу я... Хозяин птицы подумал: «Что же у нее за родина, где она? Наверное, это какая-нибудь прекрасная цветущая страна, где райские деревья и райские птицы. Дай-ка выпущу я птицу на волю и погляжу, куда она полетит. Она мне покажет дорогу в ту необыкновенную страну». Он открыл клетку, и птица выпорхнула. Она отлетела на десять шагов и опустилась на куст терновника, растущий среди голых камней. В ветвях этого куста было ее гнездо... На свою родину я тоже смотрю из окна своей клетки, — закончил художник.

* * *

Мой родной аварский язык! Ты мое богатство, сокровище, хранящееся про черный день, лекарство от всех недугов. Если человек родился с сердцем певца, но немым, то лучше бы ему не родиться. У меня в сердце много песен, у меня есть голос. Этот голос — ты, мой родной аварский язык. Ты за руку, как мальчика, вывел меня из аула в большой мир, к людям, и я рассказываю им о своей земле. Ты подвел меня к великану, имя которому — великий русский язык. Он тоже стал для меня родным, он, взяв за другую руку, повел меня во все страны мира, и я благодарен ему, как благодарен и своей кормилице — женщине из аула Арадерих. Но все-таки я хорошо знаю, что у меня есть родная мать.

Ибо можно сходить за спичками к соседу, чтобы разжечь огонь в своем очаге. Но нельзя идти к друзьям за теми спичками, которыми зажигается огонь в сердце.

Языки у людей могут быть разные, были бы едины сердца. Я знаю, что иные мои друзья, покинув свои аулы, уехали жить в большие города. В этом нет большой беды. Птенцы тоже сидят в своем гнезде только до тех пор, пока у них не вырастут крылья. Но как отнестись к тому, что кое-кто из моих друзей, живущих в больших городах, пишет теперь на другом языке? Конечно, это их дело, и мне не хотелось бы их поучать. Но все же они похожи на людей, пытающихся удержать в одной руке два арбуза.

Я говорил с беднягами и нашел, что язык, на котором они теперь пишут, уже не аварский, но еще и не русский. Он напоминает мне лес, в котором хозяйничали нерадивые лесорубы.

Да, я видел таких людей, для которых родной язык беден и мал, и вот они отправились искать себе другой, богатый и большой язык. А вышло, как у козы из аварской сказки — коза пошла в лес, чтобы отрастить себе волчий хвост, но вернулась даже и без рогов.

Или они похожи на домашних гусей, которые умеют плавать и нырять, но все же не как рыба, немножко умеют и летать, но все же не как вольные птицы, немного умеют даже петь, но все же не соловьи. Ничего они не умеют делать как следует.

— Как дела? — спросил я однажды у Абуталиба.

— Так себе. Не как у волка, но и не как у зайца. Серединка на половинку. — Абуталиб помолчал и добавил: — Самое плохое состояние для писателя — серединка на половинку. Он должен чувствовать себя или волком, заевшим зайца, или уж зайцем, убежавшим от волка.

* * *

Стихи приходят неожиданно, как подарок. Хозяйство поэта не подчиняется жестким планам. Нельзя запланировать для себя: сегодня в десять часов утра я полюблю девушку, встретившуюся мне на улице. Или: завтра к пяти часам вечера я возненавижу какого-нибудь подлеца.

Стихи не похожи на цветы в розарии или на клумбах — там они все перед тобой, их не нужно искать, — но похожи на цветы в поле, на альпийском лугу, где каждый шаг обещает новый, еще более прекрасный цветок.

Чувства рождают музыку, музыка рождает чувства. Что же поставить на первое место? До сих пор не решен вопрос, что появилось сначала — яйцо или курица. Точно так же: писатель порождает тему или тема порождает писателя? Тема — это весь писательский мир, это весь писатель. Без темы его не существует. У каждого писателя она своя.

Мысли и чувства — птицы, а тема — небо; мысли и чувства — олени, а тема — лес; мысли и чувства — серны, а тема — горы; мысли и чувства — дороги, а тема — тот город, куда дороги ведут и где они сходятся.

Моя тема — родина. Мне не надо ее искать и выбирать. Не мы выбираем себе родину, но родина с самого начала выбрала нас. Не может быть орла без неба, горного тура без скалы, форели без быстрой и чистой реки, самолета без аэродрома. Так же не может быть писателя без родины.

Орел, ходящий лениво меж кур на дворе, — уже не орел. Тур, пасущийся в колхозном стаде, — уже не тур. Форель, плавающая в аквариуме, — уже не форель. Самолет, стоящий в музее, — уже не самолет.

Точно так же не может быть и соловья без соловьиной песни.

* * *

Мой маленький Дагестан и мой огромный мир. Два ручья, которые сливаются в один поток, достигнув долины. Две слезинки, которые вытекают из двух глаз и текут по двум щекам, но рождены одним горем или одной радостью.

Капли на щеки поэта упали,
На правой щеке его и на левой.
То капля радости — капля печали,
Слезинка любви — и слезинка гнева.
Две маленьких капли, чисты и тихи,
Две капли бессильны,
пока не сольются,
Но, слившись, они превратятся в стихи,
И молнией вспыхнут,
и ливнем прольются.

Перевел Н. Гребнев

Мой маленький Дагестан и мой огромный мир. Вот моя жизнь, моя симфония, моя книга, вот моя тема.

Орел, который не улетает от высоких скал на широкие просторы долины, — плохой орел.

Орел, который не возвращается с широких просторов долины на высокие скалы, — плохой орел.

Но орлу легко. Он родился орлом и не может, если даже захочет, превратиться ни в чайку, ни в ворона. Трудно писателю стать орлом, если он не родился с качествами этой благородной и мужественной птицы. О человеке, который не научился играть на кумузе, у нас утешительно говорят: ничего, он научится играть на том свете.

Сколько писателей берутся за перо и садятся за бумагу, руководствуясь не чувствами любви или ненависти, но единственно чувством обоняния!

Ведь и гость, пришедший в аул и думающий, в какую бы саклю зайти,

выбирает себе наконец саклю по запаху дыма из трубы. Один дымок пахнет кукурузной лепешкой, а другой — вареной бараниной.

Ведь и жених иногда из двух девушек, из которых одна пуста, а другая умна, выбирает пустую только за то, что у нее больше денег.

Ведь есть и писатели, которым безразлично, о чем или о какой стране писать. Они похожи на тех спекулянтов, которые думают, что, чем дальше они уедут, тем дороже продадут свой товар.

Они напоминают мне также некую Пархалше, которая считала, что в родном ауле нет для нее подходящего парня, надеялась на женихов из другого аула, но в конце концов, как нетрудно догадаться, осталась старой девой.

* * *

В молодости я совершил поступок, о котором мне тяжело вспоминать.

Меня потом много и долго ругали мои друзья, и это было для меня наказанием. Но главное мое наказание я ношу в себе самом, и уж никто никогда не накажет меня больше.

Отец говорил: если совершишь недостойный, позорный поступок, сколько бы потом ни молился, сделанного назад не воротишь.

Отец еще говорил: человек, совершивший позорный поступок, а потом через несколько лет начавший раскаиваться, подобен тому, кто хочет погасить долг старыми дореформенными деньгами.

И еще отец говорил: если ты позволил сделать злу все, что оно хотело, и выпустил его из сакли на волю, что толку бить то место, где это зло сидело?

Зачем запирать двери на тяжелый замок после того, как быков уже угнали?

Все это так. И я знаю, что после драки кулаками не машут. Но читатели мои нет-нет да и напишут снова, напомнят, разбередят рану. Они как бы кидают камешки в мое окно и как бы говорят:

— Выгляни, покажись, Расул Гамзатов. Расскажи нам, своим читателям, как и почему все случилось.

— О чем я должен вам рассказать?

Вопрос вопросов. Стрелу, попавшую в тело, можно выдернуть. Но можно ли выдернуть стрелу, попавшую в сердце?

— Да вот. В тысяча девятьсот пятьдесят первом году ты написал стихи, очерняющие Шамиля, а в тысяча девятьсот шестьдесят первом году написал стихи, восхваляющие Шамиля. Над теми и над другими стихами стоит имя: Расул Гамзатов. Теперь мы хотим узнать — один и тот же это Расул или два разных. И какому Расулу верить.

Мой дорогой читатель, я не знаю твоего возраста, может быть, ты совсем еще юн. Были ли у тебя в жизни рубежи, границы, которые приходилось преодолевать? Мне пришлось перейти одну границу — я любил, не пытаясь серьезно разобраться в своем чувстве. Потом мне пришлось раскаиваться в этом.

Бывает, что окна соседей разделяет узкая улочка. В каждом окне по соседу друг против друга. И вот они ругаются, стараются обвинить в дурных поступках старший младшего или младший старшего... Я похож на этих бранящихся соседей, но и в том и в другом окне — я сам. Только в одном окне молодой, а в другом такой, как сейчас.

Блеск времени ослепил меня, как красивая девушка ослепляет глупого парня. Я смотрел на все, как жених на невесту, не замечая ни малейших изъянов.

Если говорить серьезно, я был тенью времени. Известно же: какова палка, такова от нее и тень. Было официально решено, что Шамиль английский и турецкий агент и что главная его цель — разжигание вражды между народами. Я верил тому дому, в котором это было утверждено, я верил и хозяину того дома. Тогда-то я и написал стихи, разоблачающие нашего Шамиля.

Теперь мне говорят иногда, чтобы утешить:

— Мы слышали, будто ты написал эти стихи по специальному заказу, что тебя заставили их написать.

Неправда! Меня никто не насиловал, не принуждал. Я сам, добровольно, написал стихи о Шамиле и сам отнес их в редакцию. Просто я был похож тогда на иных горцев, которые листают Коран, не зная ни одной буквы по-арабски, и, значит, совершенно ничего не понимая, и все-таки испытывают сладкий восторг.

Я был тенью времени. Я не знал тогда, что поэт не может быть тенью, что он всегда огонь, источник света, независимо от того, слабенький ли это огонек или большое солнце. Свет не отбрасывает тени, от света — только свет.

Может быть, я понял это несколько поздновато. Что ж, даже яблоки бывают разных сортов. Одни созревают быстро, другие наливаются только к осени. Я, как видно, отношусь к осеннему сорту.

Так вот и было дело. Что касается моей раны, то она со мной.

* * *

Дагестан — ты мое лицо. Я запрещаю трогать тебя.

Горцы бывают очень терпеливы в ссоре. Много недобрых слов наговорят они друг другу, и каждый терпит и отвечает на обидные слова своими обидными словами. Но так происходит до той поры, пока недобрые обидные слова касаются только самих поссорившихся. Горе, если нечаянным, неосторожным словом будет задета честь матери или честь сестры, — в дело идут кинжалы.

Дагестан — ты мать для меня. Пусть помнят об этом все, кому придется со мной ссориться. Можно обидеть меня любым обидным словом — все стерплю. Но не трогайте моего Дагестана.

Дагестан — моя любовь и моя клятва, моя мольба и моя молитва. Ты один — главная тема всех моих книг, всей моей жизни.

Иногда просят рассказать только о твоем вчерашнем дне, о старинных обрядах и обычаях, о легендах и песнях, о свадьбах и саблях, о битвах и дружбе, о железных мюридах и верных девах, о благородстве и мужестве, о крови юношей и о слезах матерей.

Иногда просят рассказать только о твоем теперешнем дне. О совхозах и колхозах, о бригадах и звеньевых, о библиотеках и театрах, о твоих трудовых подвигах.

Ни о том, ни о другом, ни о вчерашнем, ни о сегодняшнем я не могу рассказать. Для меня есть один Дагестан, который прожил тысячелетие. Его прошлое, настоящее и будущее слились для меня воедино. Не могу дробить его на разные времена.

История других государств и земель давно уж написана не только кровью, но и чернилами, пером по бумаге. Не только солдатами и полководцами, но и писателями, историками. Историю Дагестана писали сабли. И только двадцатый век вручил Дагестану еще и перо.

* * *

Моя поэзия создает меня, а я создаю мою поэзию. Друг без друга мы мертвы — больше того, нас просто нет. У меня есть мышцы, и у меня есть кости. Постороннему взгляду не дано заглянуть и определить, которые кости у меня целы и крепки, а которые были сломаны, но потом срослись. Однако лучи рентгена просвечивают меня насквозь, и все, что есть во мне скрытого и тайного, открывается взгляду посторонних.

Моя душа скрыта еще глубже и надежнее, чем мои ребра, мой позвоночник, мои легкие. Но лучи поэзии просвечивают меня, и каждое движение моей души становится доступным для людей. Душа моя как на ладони, открытая и прозрачная, просвеченная волшебными лучами поэзии, и люди видят меня насквозь.

Тысячи проводочков и ячеек у современной вычислительной машины. Ей задают сложнейшие программы из многих цифр. Электрический ток бежит по бесчисленным ячейкам и проводам. Никакому глазу, никакому мозгу не охватить всех процессов, которые происходят в этой сложной машине. Но потом появляется число — как последний ответ, как результат.

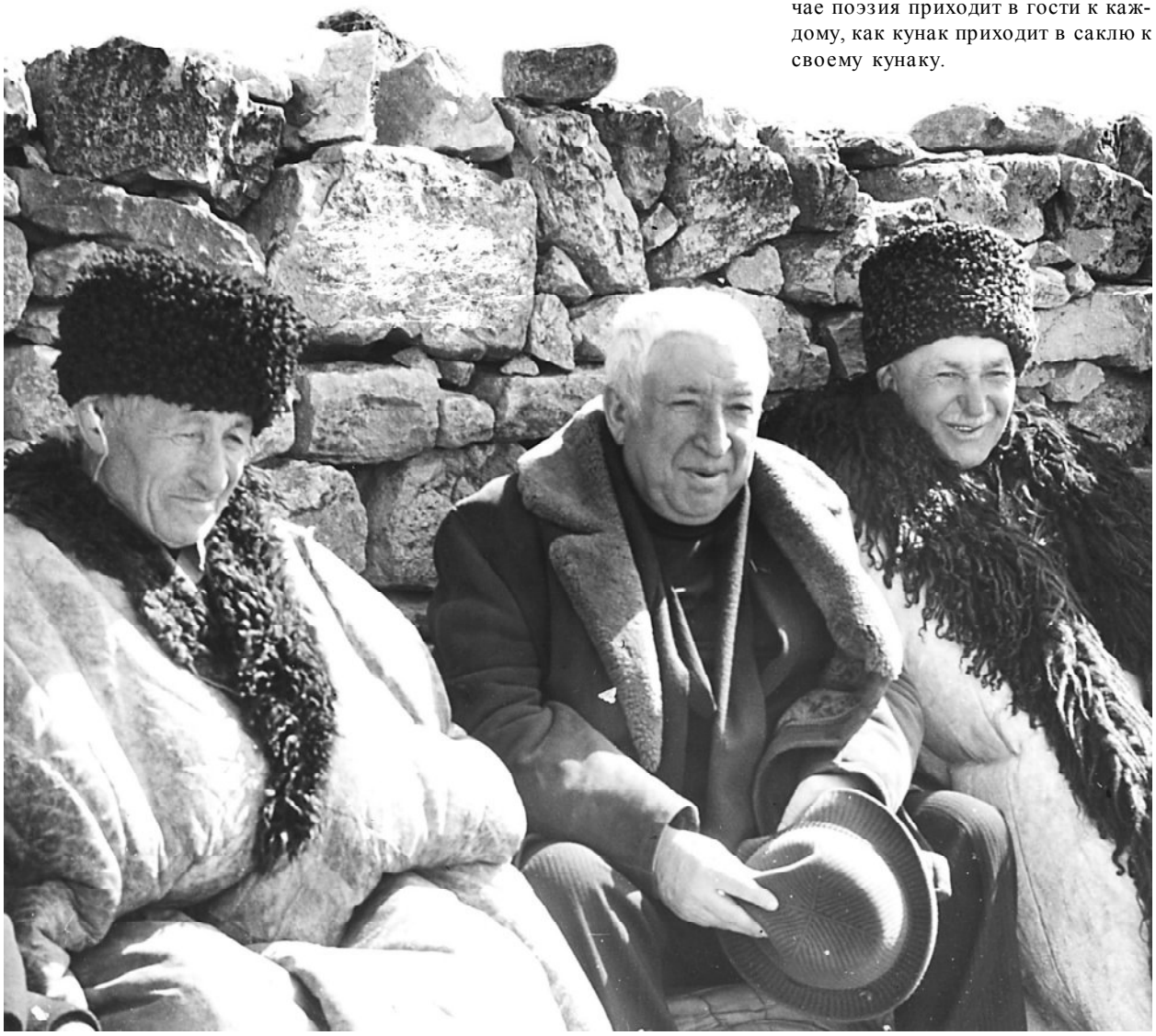
Никто не может знать, какие впечатления, какие токи любви и ненависти бегут по бесчисленным проводам моего организма. Но потом получается стихотворение — самое конечное и самое высшее, что может породить или произвести моя душа из тех жизненных впечатлений, которые протекают сквозь меня.

Я немало поездил по земле. То я ходил пешком, то ехал в седле, то летел в самолете, откинувшись в кресле и как будто бы задремав, то лежал в поезде, забравшись на верхнюю полку, то мчался в автомобиле.

Увидев меня на пешеходной тропе или на коне, люди могли бы сказать: вон Расул Гамзатов. Он один идет (или едет), наверное, скучно ему одному. Но я никогда не бываю один. Всегда со мной моя сестра – Поэзия. Ни на минуту мы не разлучаемся с ней. Даже во сне я иногда сочиняю стихи или вспоминаю свои уже написанные стихи, или читаю стихи других поэтов.

Раньше я думал, поэтов на земле очень мало. Наверное, поэтам очень скучно среди других людей. У каждого в жизни свой интерес — то, о чем можно поговорить с товарищем или соседом: работа, жена, зарплата, выходной день, родимый дом, рыбная ловля, кино, болезни... Конечно, о всех этих вещах поэт может, думал я, говорить с людьми, но кто разделит его поэтическое восприятие мира, его поэзию?

Потом я понял, что людей—непоэтов нет. Каждый человек в душе немного поэт. И уж во всяком случае поэзия приходит в гости к каждому, как кунак приходит в саклю к своему кунаку.



У нас в народе любовь к песне так же естественна и понятна, как любовь к детям. Да, мы все поэты. Разница между нами только та, что одни пишут стихи, потому что они умеют их писать. Другие пишут стихи, потому что им кажется, что они умеют их писать. Ну а третьи не пишут стихов совсем. Может быть, они-то, эти третьи, и есть настоящие поэты?

* * *

Моя книга — мой Дагестан. В каких очертаниях я вижу тебя? С чем сравню? С парящим орлом? Но орел не дело рук человеческих, его творила природа, и от нашей мысли в нем нет ничего. Тогда, может быть, с самолетом? Но самолет летает слишком высоко над землей, а когда катится по земле, то вокруг него только пейзаж аэродрома. Не люблю, когда на землю взирают с высоты и говорят о ней с высоты.

Нет, я вижу очертания такого аппарата, который летает, как самолет, ездит, как поезд, и плавает, как корабль. Я в нем и летчик, и машинист, и кормчий. Наша отправная станция — наш аэродром, наша пристань, наше депо — тысячелетний бессмертный Дагестан. Отсюда мы можем мчаться по воздуху, по суше и по воде в любые края земли. Туда, где я уже побывал, или туда, где побывала хотя бы моя мечта. Мы едем, летим, плывем. В окнах видны белоснежные горы, изумрудные сочные луга, широкие реки, безбрежные океаны. Бурная весна, кроткая осень, жестокая зима и знойное лето проплывают мимо наших окон. А сколько пассажиров вокруг меня! Тут и мюриды Шамиля с повязками, сквозь которые проступает кровь, и горцы-партизаны, и мои современники — люди разных профессий. Вокруг меня все, кого я когда-либо видел, встречал, с кем разговаривал и кого запомнил.

* * *

Я не знаю, что такое талант, как не могу сказать, что такое поэзия. Но иногда — то на пути к дому, то в чужой стороне, то во время сна (как бы приподняв полу моей бурки), то когда я ступаю по зеленой траве (как бы переливаясь в меня из живой зелени и разливаясь в крови), то во время еды, то во время музыки, то в кругу семьи, то в кругу шумных друзей, то когда я поднимаю на руки ребенка, как бы благословляя его на долгий путь, то когда я подпираю плечом, помогая нести, гроб с останками друга, провожая его в последний путь, то когда я смотрю в лицо своей любимой — вдруг меня посещает нечто редкое, удивительное, загадочное и могучее. Оно бывает то веселое, то печальное, но всегда побуждает к действию, всегда заставляет меня говорить. Оно приходит без приглашения и без спроса.

Оно приходит, и за ним мерещатся и Махмуд в черкеске, с пандуром в руках, с его любовной страстью, так и не выплаканной до конца в его песнях, и мой отец с нежной грустной улыбкой, и Эльдарилав с чашей яда в руках, и Марин с окрашенными кровью губами, зашитыми жестоким наибом; за нимИ мерещатся далекие образы великанов — Данте, Толстого, Шиллера, Блока, Гете, Бальзака, Достоевского... Иногда мне кажется, что брезжит сквозь пронизанный светлым лучом туман образ самого бога.

— Что ты такое? — спрашиваю я у этого нечто.

— Я твой талант и твоя поэзия.

— Откуда ты?

— Я есть повсюду.

— Тебе столько же лет, сколько мне?

— О нет, мне одна секунда и мне тысяча веков. Во мне наивность ребенка, страсть безумного юноши, мудрость старца. У меня нет возраста. Я костер, который не может погаснуть. Я песня, которую никто не может спеть до конца. Я полет, который никто не в силах завершить. Я очень далеко от тебя, и я в тебе самом. Носить меня — радость и наслаждение, и носить меня — горькие муки. Нет ничего легче меня и нет ничего тяжелее меня. Если я есть, то от дрожания скрипичных струн могут расколоться холодные скалы. Если я есть, то от игры на зурне будут плясать дикие туры в ущельях гор. Если я есть, то кинжал выпадает из рук убийцы, а влюбленные сливаются в поцелуе.

Когда снимали чохто с Пати из аула Анди, я был там. Когда похищали Мариам, перекинув ее через седло скакуна, я был там. Когда Жанна д'Арк обнажала свой меч перед воодушевленным ею войском, я был там. Когда человек, придумав себе крылья, прыгнул с колокольни, я был там. Когда Магеллан или Колумб поднимали паруса, я был там. Когда писалась «Сикстинская мадонна», я был там.

Поле моей деятельности — все времена и все земли. Есть разные континенты и государства, партии и правительства, классы и нации. Но есть люди. У людей есть умы и души. На всех материках им свойственны любовь и ненависть, отвага и страх, благородство и хитрость, самоотверженность и ложь, святость и клевета. Умы и души людей — вот поле моей битвы, вот поле моих сражений и побед, вот поле моих свершений.

* * *

Где мое рабочее место? За столом, конечно, за моим рабочим столом. Но оно и на горной тропе во время прогулки, когда я обдумываю свои стихотворения и слова, звуки приходят ко мне, а я их бракую и отбрасываю в сторону. Оно и в поезде, когда я еду в другую страну, ибо именно в это время может прийти ко мне замысел нового стихотворения. Оно и в самолете, и в трамвае, и на Красной площади, и на берегу ручья, и в лесу, и в приемной министра. Всюду на земле мое рабочее место, мое поле, где я пашу и жну.

Когда я работаю? В утренние или вечерние часы? Сколько времени длится мой рабочий день? Восемь или шесть, или, может быть, двенадцать или даже больше часов? Но если больше, то почему я не бастую и не веду борьбу за восьмичасовой рабочий день?

Дело в том, что я работаю всегда, пока себя помню. Во время еды и в театре; во время собраний и во время охоты; во время чаепития и на похоронах; во время езды в автомобиле и на свадьбе. Даже во сне ко мне приходят строки, образы, замыслы, а то и почти готовые стихи. Значит, даже во сне продолжается мой рабочий день. Давно бы надо было устроить забастовку!

Как я работаю? Вот на это ответить труднее всего. Иногда мне кажется, что моя работа похожа на все другие. Иногда я вижу, что она своеобразна, и ее нельзя сравнивать ни с одной работой, которой заняты люди на земле.

Иногда мне кажется, что все вокруг работают, а я тунеядствую. Иногда мне кажется, что я один работаю, а все остальные бездельничают по сравнению со мной.

В дни юбилея к поэту обращается и стар и млад. Вот что говорит о своем друге замечательный дагестанский ученый, историк Расул Магомедов...

ПОСЛАНИЕ

Расула Гапшиминского Расулу Цадинскому

С Расулом Гамзатовым меня связывают давние и близкие дружеские отношения. Ведь я дружил еще с его родителями, долгое время был их соседом, а детей Гамзата Цадасы, Расула и Гаджи, помню еще юношами. И когда нынешний, 2003-й год был объявлен в республике годом Расула Гамзатова, мог ли я оставаться в стороне?

80 лет – срок немалый. И оглядываясь в такую даль, я не собираюсь давать обстоятельный обзор того, что сделано моим другом за эти годы – о поэте и общественном деятеле Р. Гамзатове пусть расскажут литературоведы и журналисты. Но из глубин моей памяти выплывают разные случаи, так или иначе связанные с Расулом, – и лучше начинаешь понимать, как менялись времена и как поразному воспринимались слово и личность Расула, как умел он каждый раз найти подобающее место и сказать нужное слово, отвечающее зову времени. Ведь мы переживаем сейчас такое время, в котором многим трудно найти свое место, зато легко потерять себя. А может быть, тут дело в моей профессии: историки вообще склонны привязывать все на свете к меняющимся временам. Впрочем, мой отклик на юбилей моего друга не более чем маленькие заметки о большой и яркой жизни.

Года три назад Расул подарил мне свое «Избранное» с трогательной надписью. Опубликованные там вещи большей частью были мне знакомы – но не все. Из коротких его заметок о жизни довелось мне узнать кое-что о моем друге. Оказывается, в начале его поэтического пути серьезной проблемой для него было то, что он появился на свет и вырос в семье известного поэта. Да, Гамзат Цадаса был незаурядным, редкостным человеком, и в дагестанской литературе он останется навсегда. Бесспорно, большим подарком судьбы для Расула было вырасти под влиянием такого отца, с первых лет жизни иметь такого руководителя и советчика. Но начинающий поэт боялся до конца жизни остаться в тени прославленного предшественника – правда, мы узнали об этом из его воспоминаний только в последний год минувшего XX века. Боялся он напрасно: своеобразие стихов его не подлежит сомнению, со стихами Гамзата Цадасы их сближает только склонность к юмору, даже самоиронии.

Но в чем-то Расул все же был прав. Во всяком случае, я, встречая в 40-50-х годах его первые стихи, не мог тогда отделаться от чувства: вот стихи сына моего соседа и друга, хотя писал он совершенно в другой манере. Насколько помню, в первый раз я расстался с этим чувством, когда мне в руки попала его поэма «Год моего рождения». Ну, казалось бы, что там необычного? Молодой человек размышляет о своей еще недолгой жизни, о ее первых годах – они совпали с началом общественных перемен после революции. О своем месте в обществе. Жанр гражданской лирики в те времена был широко распространен. Но и опасный для поэта, что понимали не все: очень ведь легко было сбиться на рифмованное повторение в общем верных, но общеизвестных (а потому малоинтересных) истин. Не то у Расула: ему как-то удавалось (а как – до сих пор не могу понять) взволнованно размышлять обо всем этом как о чем-то глубоко личном, «пропущенном через себя» – и передавать свое волнение читателю.

Я не стал бы так долго останавливаться на этой давней его вещице, если бы не одно важное обстоятельство: эту свою способность превращать все, о чем он говорит, в нечто личное и тем самым делать его общеинтересным, передавать свое волнение всем другим, поэт Расул Гамзатов сохранил до сегодняшнего дня. По-моему, это самое отличительное свойство его стихов, да и прозы.

Насколько помню, та поэма Расула увлекла меня. Как и почти все последовавшие за нею его вещи. Видимо, они обладали этим отличительным свойством.

Поэма была замечена и в столице. Ну что же: в Дагестане заявил о себе хороший поэт – не хуже остальных собратьев по перу, проживающих в других местах нашего тогдашнего обширного Отечества. К этой приятной мысли все как-то стали привыкать…

И вдруг в начале 60-х – внезапный, совершенно неожиданный взрыв! – вышел сборник стихов Р. Гамзатова «Высокие звезды». Нынешнему, даже приобщенному к литературе человеку просто невозможно себе представить, что простой стихотворный сборник с тюльпаном на обложке может вызвать такую бурю общественных эмоций. За ним тогда гонялись, его буквально рвали из рук. Стихи оттуда читались на студенческих смотрах и вечерах – очень хорошо помню огненную декламацию студента-филолога Муху Алиева со сцены ДГУ и обрушившийся водопад аплодисментов… Доходило до курьезов: этот небольшой стихотворный сборничек стал тогда вровень с дефицитнейшими, продававшимися из-под полы! Дагестанец, ехавший в Москву ради скорейшего «продвижения» какого-нибудь решения или дела в центральных инстанциях, старался раздобыть этот сборник как лучший подарок «ответственному человеку»: популярность этого сборника (да и его автора) в столице в те годы была поистине запредельной.

Говоря спортивным языком, наш Расул вошел тогда «в первую десятку» поэтов Советского Союза и не покидал ее уже никогда…

А между тем было это не так-то просто. В истории отечественной литературы бывали, скажем, периоды застоя и упадка – и тогда даже довольно средние стихотворцы становились вдруг «первыми поэтами своего времени»: вспомним Надсона, Апухтина в 80-е годы XIX в. Но во времена взлетов литературы стать таковым было куда труднее: среди современников Пушкина мы видим очень сильных поэтов – Языкова, Батюшкова, Дельвига, Гнедича, не говоря уж о Жуковском. И все признают их талант – но вспоминают о них как о «поэтах пушкинской поры»… Советская поэзия в те 60-е годы переживала как раз высочайший подъем: на авансцену вышла шумная, яркая плеяда очень талантливой молодежи – Р. Рождественский, А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Б. Ахмадуллина. Они были «на слуху» у всех, собирали тысячные аудитории; вновь обрели голос вынужденно молчавшие поэты старшего поколения – А. Ахматова, Б. Пастернак, В. Луговской, А. Тарковский; зазвучали поэты-фронтовики – Б. Окуджава, Б. Слуцкий, Е. Винокуров. В их сиянии слабый талант поблек бы как звездочка при восходе солнца. Наш земляк Расул однако засиял в Москве именно в эти годы.

Была и другая опасность: вольно или невольно подпасть под стилевое влияние тех, кто считался тогда самым авангардным, самым передовым – и кто знает, удалось бы тогда или нет сохранить в этом «авангардном хоре» свой голос, свое лицо? Кто знает… Однако Расул тогда уже обладал своим голосом, который с тех пор не терял. И что еще важнее – голос этот уже отличали и слышали его преданные читатели, не только сотни тысяч наших земляков, но и миллионы «всесоюзных», большинство из которых именно через его стихи познакомились с Дагестаном, с его культурой. Ведь были же времена, когда для советских людей всех национальностей наша республика ассоциировалась не с терроризмом, не с криминалом, не с тревожными новостями по ТВ, не с беженцами, а с высокой поэзией… Дай бог, чтобы они вернулись.

Между тем время в стране повернуло к «застою». Поэты как-то поутихли, зато появились диссиденты. Развитие многонациональной страны с неизбежностью поставило проблему «единства в многообразии» – где оптимальная мера в их соотношении? Не обернется ли богатство разнообразия расползанием и распадом? Не приведет ли сближение к нивелировке и объединению? Где критерии культурной ценности, различия традиций и косности? Оглядываясь назад из 2003 года, можно, конечно, резюмировать, что многие сегодняшние и вчерашние проблемы возможно было разглядеть уже в 60-70-е годы недавнего XX века – однако жившим в те времена и представить себе невозможно, чем кончится дело в 1991-м году и что начнется в 1994-м. Тогдашнее руководство, видимо, уже ощущало какое-то беспокойство: появилась концепция «новой исторической общности». На мой взгляд историка, ей с самого начала не хватало ясности, да и «новизна» была вроде «римского мира и гражданства», «османизма» и т.п. Возможно, широкое и серьезное обсуждение привело бы к большей ясности и разрядило бы ситуацию, но откуда бы взялся такой смельчак?

И вот в одном из центральных «толстых» журналов появляются главы книги «Мой Дагестан». Жанр определить трудно. Это проза, но автор ее – поэт Расул Гамзатов, что само по себе было полной неожиданностью для всех нас. Не могу привести достаточно близкого литературного примера, когда бы проблемы столь серьезные, острые, моментами даже опасные, были бы облечены в столь блестящую литературную форму и усваивались бы так легко – подобные впечатления на современников производили, может быть, повести Вольтера и его последователей. Написано увлекательно, но, читая, буквально «проваливаешься» в текст – оторваться невозможно. Но когда, наконец, все-таки приходится захлопнуть книгу – одолевают мысли. О такой книге никак не скажешь: «С глаз долой – из сердца вон». Прерывается чтение – начинаются размышления, которым оно «дало старт», и притом размышления самые серьезные…

Можно уверенно сказать, что глубинные проблемы, растворенные в этом блестящем тексте, ощущались отнюдь не только читателями-земляками. Сама столичная публикация книги указывает на это. Но еще более указывают на это массовые издания книги Расула в республиках Советского Союза: выходит, что это поэтическое повествование, где каждое слово – о маленьком горном крае – затронуло какие-то очень глубокие струны самых разных народов державы.

Один мой знакомый, досадуя на ограниченность кругозора своих коллег, как-то назвал их «учеными от Яламы до Гудермеса». Что ж, язвительно, но справедливо. Расул Гамзатов всю свою жизнь пишет только о том, что он знает в совершенстве – он пишет о Дагестане и его людях. Но почему же тогда с такой жадностью набрасывались на его книги на Украине, в Закавказье, в Средней Азии, в российской глубинке, как и в обеих столицах? Наверное, не столь важен предмет, сколь глубина проникновения. Язык не повернется назвать Расула «поэтом от Яламы до Гудермеса»: этот певец дагестанских гор известен всему миру.

* * *

Известность Расула в те годы, по-видимому, уже перешагнула пределы страны: все чаще и чаще его посылают за рубеж. «Ну и что? – скажет какой-нибудь нынешний старшеклассник. – Были бы деньги! С ними хоть в хадж езжай, хоть «челноком», хоть туристом!» Но старшее поколение читателей прекрасно меня понимает: в те годы политические традиции были суровые. Отношения с Западом – натянутые, на Востоке – неспокойно, а тут еще кризисы – то чехословацкий, то афганский… За рубеж попадали либо те, для кого это было службой, либо те, кто мог поддержать престиж страны – в особенности за пределами социалистического лагеря.

В том, что Расул достойно представит всю нашу страну где угодно, сомнений не было. Думаю, постепенно он объехал большинство стран мира и уж во всяком случае побывал на всех материках (кроме Антарктиды). Мне же запомнилось другое – как здорово умел он делиться впечатлениями. Почти за каждой такой поездкой следовала встреча с читателями – с более или менее широкой аудиторией. И тут скучать не приходилось. Помню несколько таких встреч, главным образом со студентами ДГУ – вот где проявились и его острая, избирательная наблюдательность, и его неподражаемый юмор. Было и еще кое-что: глаз его замечал такие «мелочи» и подробности, о которых не услышишь ни от дикторов «Времени», ни из передач Юрия Сенкевича – может быть, малоинтересные для среднего «невыездного» гражданина, но впечатляющие для жителей Дагестана. От него мы узнавали многое о горской диаспоре, от него мы услыхали впервые о Халилбеке Мусаеве, его судьбе и картинах, да и о многих других – причем в те годы, когда и име-

на-то их упоминать было рискованно. Вообще же мне, историку, Расул с его живыми рассказами о дальних странах, которые и по телевизору-то не часто увидишь, – он чем-то напоминал Марко Поло, повествующего своим землякам в конце XIII в. о дальних странах и чудесах мира.

Но и Расул, по-видимому, запоминался жителям тех стран, где он побывал. Когда времена смягчились, я и сам однажды оказался в составе официальной дагестанской делегации, посланной в Кашмир для установления культурных контактов. В беседе с главой правительства штата все никак не удавалось объяснить ему: что это за страна – Дагестан, и где она находится. Он то путал нас с Афганистаном, то предполагал нас в Средней Азии… И тут в отчаянии, как утопающий за последнюю соломинку, ухватился за имя нашего поэта – и недаром! Наконец-то недоумение на лице моего собеседника сменилось понимающей улыбкой: «О! Расул Гамзатов!..» Дальше разговор пошел уже легче – ведь мы земляки этого известного в Индии человека…

Поразмыслим, однако, над этим фактом. Нет сомнения, что любая страна в мировом общественном сознании связывается обычно с самыми известными ее уроженцами – учеными, политиками, полководцами, спортсменами… Так или иначе, они становятся как бы ее живыми символами. В XIX веке таким человеком для Дагестана был, несомненно, Шамиль. Как мне кажется, в XX веке человеком-символом для Дагестана стал Расул Гамзатов. Разумеется, речь тут не об их сопоставлении – я все-таки историк. Просто хочу отметить непреложный факт: из ныне живущих дагестанцев наиболее известным в мире вот уже более 20 последних лет остается Расул Гамзатов. На мой взгляд, он весьма достойно представляет нашу Страну гор в мировом общественном мнении. С человеком-символом нам повезло, и я очень рад тому, что этот «статус» он сохраняет» и в XXI веке – подольше бы!

* * *

И все же в корне неверным было бы представление о Расуле последних 20 лет, как об эдаком туристе, постоянно сидящем верхом на чемодане с наклейками (как предки его – на коне). Вспомним хотя бы, что с 60 по 90-е годы – 30 лет с небольшим перерывом – Расул был неизменным членом Президиума Верховного Совета СССР. Как поэт справлялся с ролью политика – об этом не мне судить. Вот единственное его воспоминание об этом: «Я долгое время был в Верховном Совете СССР, но больше всего запомнил одно заседание: в зал Кремлевского дворца залетела ласточка, и все ей аплодировали. Она словно напоминала депутатам: весна наступила, а вы тут говорильней занимаетесь». Своеобразный взгляд на работу законодательного органа, не правда ли? Но вполне достойный поэта. Другие же говорят, что, работая в Верховном Совете, Расул старался помогать землякам и, по мере возможностей, способствовать интересам Дагестана (лоббировать – как нынче говорят). Не самая плохая оценка, не так ли? Да и периодическое избрание в верховный представительный орган мировой державы тоже о чем-то говорит. В это же время Расул оказался во главе Союза писателей Дагестана – он возглавляет его до сих пор.

Но все же есть дела, исполняемые по велению долга и дела по велению души. Расул не перестал писать стихи, мало быть хорошим поэтом, мастером слова – надо пережить то, о чем взялся писать, надо иметь моральное право на такую тему. Это право Расулу дали Магомед и Ахильчи – два его старших брата, не вернувшиеся с фронта. О них, о солдатах той страшной войны, песня «Белые журавли». В этой песне – боль семьи Гамзатовых, а потому и боль всех наших людей, потерявших своих близких на той великой войне.

В музыкальном нашем мире, что ни день, то новость: сколько же разных песен появилось. А много ли из них осталось в памяти людей? И сколько из этих оставшихся поют до сих пор? Трудно сказать – кто же их упомнит! А «Журавли» не забыты до сих пор – ни в Дагестане, ни в России, ни в бывших советских республиках – ныне независимых странах. Одна из «двух нитей», продолжающих соединять нас всех…

* * *

Но вот грянули новые времена – и многое переменилось. Расул перестал ездить по дальним странам и именно тогда, когда многие его собратья по перу сорвались с мест и оказались в местах более спокойных и благополучных, – похоже, дорогу на Родину они забыли, а если кое-кто и наведывается, то уже как турист-иностранец. Наш поэт и сам подчас любил посетить те страны – во времена, когда спокойно было в его собственной стране. Но с тех пор, как его страна оказалась в беде, он не покидал ее ни разу.

Пережили мы и период внутреннего разброда – временами вопрос вставал о целостности Дагестана, дискуссия возникла и о нашем вхождении в Российскую Федерацию – обсуждалась возможность выхода из России. Кто не помнит это время «национальных фронтов», затяжных митингов, всевозможных акций и инициатив, борьбы амбиций? Пожалуй, любая из тогдашних группировок не отказалась бы увидеть самого известного дагестанца в своем президиуме – хотя бы ради престижа.

Расул отошел в сторону – он предпочел остаться с большинством народа. «И если я сегодня не кричу, это не значит, что я молчу», – сказал он тогда (1992 г.). Впрочем, не пристало мне говорить за него – обратитесь к его статьям, интервью, выступлениям тех лет. Я отмечу лишь то общее, чем проникнуты они все, и что было близко мне самому. Расул – всегда за стабильность. Расул – всегда за единство Дагестана. Во всех случаях, в любой ситуации. И когда отбою не было от орущих о солидарности с сепаратистами – не только в Махачкале, но и в Москве – надо было иметь немалое мужество, чтобы сказать как он – громко, коротко и внятно: «Мы с Россией!». Рядом со словами были и дела. Как мы помним, в советское время во всех областях и республиках РСФСР были отделения Союза писателей. Сейчас они уцелели лишь в нескольких «субъектах федерации» – среди них и Дагестан. Сохранение у нас профессиональной писательской организации со всей унаследованной от советского времени базой – личная заслуга Расула Гамзатова перед нашей культурой: это признают и его поклонники, и его открытые недоброжелатели. Воистину, как говорили в старину: жаждая света в темноте, лучше молча зажечь самую малую свечу, чем громко и непрестанно проклинать тьму!

Дорогой Расул! Оглянись: 80 лет прожиты недаром. Ты создал несколько хороших книг – их прочли миллионы людей. Ты прославил свой родной край – и в нашей стране, и во всем мире. Ты сохранил вокруг себя круг старых, испытанных временем друзей. Это уже немало. Этого вполне достаточно для человека, чтобы и дальше двигаться избранной дорогой, пока хватает сил, чтобы делать свое дело и делиться с людьми своим талантом. Здоровья тебе и успеха, а друзья тебя всегда поддержат!

Твой друг и читатель
Расул МАГОМЕДОВ

Из Москвы прислал свои строки полномочный представитель дагестанской культуры в столице страны, писатель Шапи Казиев...

«Я просто писал стихи о любви»

Почтенный возраст юбиляра располагает к биографическому взгляду на его творчество, но последние произведения мастера, их масштаб и великолепие свидетельствуют, что поэзия Гамзатова переживает новый расцвет.

Если XIX век в истории Дагестана связан с именем имама Шамиля, то век XX, несомненно, будет украшен поэтической кроной Расула Гамзатова.

Горцев считают людьми суровыми и сдержанными в чувствах. Но послушайте их песни, полные страстной любви и откровений, и окажется, что любовь для горца — это вся его жизнь.

Аулы горцев напоминают античные амфитеатры, где вместо крова —звездное небо. И поэтам, отважившимся донести свое слово до людей, приходится вступать в диалог с вечностью. За хорошую песню поэтам дарили коней, за плохую — могли с позором изгнать из аула, а когда поэт отваживался петь то, что было неугодно правителям, горцы в складчину покупали быка, чтобы заплатить штраф.

«Горы без поэзии — просто нагромождение камней, — говорит Гамзатов. — Солнце — небесное тело, излучающее тепловую энергию, пение птиц — зов самок, обращенный к самцам, а трепет сердца — просто ускорение кровообращения».

Расул Гамзатов родился в дагестанском ауле Цада, что по-аварски значит «В огне». Когда над Хунзахским плато встает солнце, Цада долго пламенеет в его лучах.

Расул был третьим из четырех сыновей знаменитого поэта и ученого Гамзата Цадаса. В 11 лет, изумленный самолетом, который совершил посадку неподалеку от аула, Расул сочинил об этом свое первое стихотворение. Еще через 2 года он уже начал публиковаться. Ступить на поэтическую стезю, когда все вокруг знали наизусть стихи его отца, было если не дерзостью, то, во всяком случае, большой смелостью. Объезжать своего Пегаса было нелегко, зато крылья его донесли поэзию Расула до всех уголков планеты.

В годы войны вышел его первый сборник стихов на аварском языке. Первая книга Гамзатова на русском «Земля моя» вышла в 1948 г., в период его учебы в Литературном институте. Москва открыла ему другой мир, другую литературу, другие горизонты. Его лучшими переводчиками стали друзья по Литинституту Я.Козловский и Н.Гребнев. Покоренные уникальным талантом Гамзатова, они открывали его миллионам читателей во всем мире.

В свою очередь, Гамзатов переводил на аварский А.Пушкина, М.Лермонтова, С.Есенина, называя их своими учителями. Лучшие произведения классиков мировой поэзии и многонациональной советской литературы в переводах Гамзатова стали желанными гостями в горских саклях. А стихи Гамзатова уже звучали на грузинском, армянском, татарском и многих других языках, став впечатляющим примером взаимодействия культур братских народов.

Сокровища национальной поэзии и великая русская литература питали родник творчества Гамзатова, который очень скоро превратился в реку, устремленную к океану духовной культуры человечества.

Невероятная популярность Гамзатова отнюдь не мешала его неустанным поискам первозданной чистоты слова и исповедальной предельности чувств.

Он обогатил русскую литературу новыми образами, а дагестанскую — новыми формами и жанрами. Афористичные надписи и письмена перекликались с изящными сонетами и элегиями, собирая на поэтическое пиршество в горах традиции Востока и Запада.

Вдохновляющая жажда жизни и суровая требовательность к своему творчеству рождают поэзию, которая легко заглядывает в даль, увлекает читателя с первых строк и больше уже не отпускает.

Юношеская страстность и, вместе с тем, чеканность мысли, пронзительная точность характеристик, завораживающе образная речь, обращенная куда дальше, чем просто к собеседнику... Все это рождает ощущение, что Расул Гамзатов — нечто большее, чем наше представление о нем.

С годами в поэзии Гамзатова все

явственнее проступал дар Гамзатова-мыслителя. А его глубокие философские размышления, великолепная публицистика и блистательный ораторский дар давно уже сделали Гамзатова общепризнанным народным трибуном.

Достаточно вспомнить его поэмы «Высокие звезды», «Четки лет», «Берегите друзей», «Письмена», «Остров женщин», «Последняя цена», «Чаша жизни», «Черный ящик», «Времена и дороги», чтобы оценить его уникальный вклад в многонациональную отечественную литературу.

К вершинам мировой поэзии причисляют образы Матери, Женщины, Родины, любовную лирику Расула Гамзатова.

Суровые ветры времени не обходили Гамзатова стороной, но он всегда предпочитал политической карьере поэтическую судьбу.

Дагестан, все, что люди мне дали,
Я по чести с тобой разделю,
Я свои ордена и медали
На вершины твои приколю.

Герой Социалистического Труда, лауреат неисчислимого множества званий и наград, он писал жене из Кремля: «Сижу в Президиуме, а счастья нет». Но едва ли кто-нибудь еще сделал для Дагестана больше, чем Гамзатов: и как писатель, и как общественный деятель. Не случайно имя Расула Гамзатова стало культурным символом республики.

Ярким событием стала постановка в Ленинграде балета «Горянка». Музыку М.Кажлаева, написавшего балет по одноименной поэме, Гамзатов назвал лучшим переводом своих стихов.

Эпическое полотно Гамзатова «Мой Дагестан» открыло читателям пленительную красоту Страны гор и ее древней культуры.

Высоким образом народной трагедии стали «Журавли» Р.Гамзатова и Я.Френкеля. Печальная память о войне, на которой погибли два старших брата Расула Гамзатова, и колокола Хиросимы, зовущие людей к миру, отразились в удивительной песне, которая вознесла глубоко личное переживание до уровня общенационального явления.

Памятники «Журавлям» взмывают в небо в самых разных уголках планеты. Скоро поднимется еще один журавлиный клин на Поклонной горе в Москве.

Когда поэту случается оказаться в больничной палате, муза посещает Гамзатова чаще, чем врачи. В его палате не видно лекарств — все занято новыми рукописями.

Врачи стараются лечить поэта. Поэзия Гамзатова врачует эпоху.

Вклад поэта в копилку духовных ценностей нашей цивилизации весом и бесспорен.

НЕОТПРАВЛЕННОЕ
письмо Расулу Гамзатову

Мне грустно. Я сегодня плачу. За окном холодная осень. Мерзнут тополя. Только вчера они расстались со своими листьями. О, как больно было им расставаться! «Хочу: жи-и-ить!» – будто кричал падающий желтый лист, судорожно кувыркаясь в воздухе. «Не уходи, не оставляй меня, не все еще песни мы с тобой спели! Верни-и-ись!» – взывало дерево, протягивая вслед сквозь ветер свои ветви. Чем выше дерево, тем сильнее треплют его холодные ветры, стараясь согнуть его. Холодно моему сердцу. Руки сами тянутся к небольшой книге с переводом Вашей поэмы «Берегите матерей». Только она в эти минуты может помочь мне выстоять, пережить то, что разрывает мне сердце.

Как же Вы, уважаемый Расул, не зная меня, могли так точно узнать, какой образ, какие слова поддержат меня в трудную минуту?!

Да что я говорю?! Разве я одна такая одинокая, со сломанным крылом? Нет, нас миллионы. У каждой своя судьба. Мне больно. Но больно и дереву, а оно стоит гордое, сильное, непреклонное, как Хандулай – баба из Вашей поэмы.

Разрывается сердце от боли, я вновь и вновь читаю поэму, читаю отрывок о черных платках. Горькие рыдания облегчают мне душу. Чёрные платки… О, сколько их на этой земле! Я знаю, если бы просили Вас, дорогой Расул, на планете не осталось бы ни одного чёрного платка, ни одна мать не плакала бы, глядя на своих сирот, оставшихся без отца. Об этом говорит все Ваше творчество. Огромное человеческое, материнское спасибо Вам за это!

И Вы, как то высокое дерево, котороЕ всю жизнь пытали холодные ветры, выстояли. И сейчас, когда Вам, как никогда, нужно внимание, Вы думаете не о себе.

Вы не хотели отмечать свой юбилей. «Пир во время Чумы» – так Вы назвали его.

Но, дорогой наш Расул, разве Вы принадлежите только себе?!

Поэты не могут принадлежать только себе хотя бы потому, что они как никто другой ответственны за все, что происходит вокруг.

Разве юбилей хорошего поэта, автора произведений, воспитывающих высокую нравственность, любовь к родине, матери, ко всему живому – только лишь пир?! Нет! Это – повод достучаться до сердец человеческих, повод напомнить сбившемуся с истинного пути о его назначении как человека.

Чем чаще будут звучать слова истины (тем более в поэтической форме), тем лучше.

Юбилей поэта – не пир во время чумы, а – борьба с чумой. Простите меня за то, что будучи моложе Вас, осмелилась прекословить Вам. Но Вы и Ваша поэзия давно принадлежите народу, Вашему любимому Дагестану.

Если Вам по душе
Мир и дружба людей,
Почитайте Расула.
Если любите Вы
Матерей и детей,
Почитайте Расула.
Если дороги Вам
Тропы гор, ширь равнин,
Почитайте Расула.
Если вы почитаете
Свой Дагестан,
Почитайте Расула.

Эти строки я посвящаю Вам, уважаемый Расул Гамзатович. И это не всё, что я могла бы сказать. Живите долго! Да услышат Вас люди!

Гюлбагдат Омарова,
поэтесса

Расула Гамзатова знают и любят в нашей республике все: мужчины и женщины, молодые и старые. Но у каждого эта любовь своя. Разные поколения воспринимают окружающий мир поразному. Как воспринимает Расула Гамзатова нынешняя молодежь? Не претендуя на истину в последней инстанции, свое видение поэта высказывает Джамал Рабаданов.

ПИСЬМО СПЕЦКОРА СПЕЦКОРУ

Здравствуйте, Расул Гамзатович! Простите за фамильярность, но я пишу Вам как коллега коллеге. Как специальный корреспондент «Дагестана» специальному корреспонденту Дагестана. Как спецкор журнала в республике спецкору республики в мире.

Знаете, я не любитель поэзии. В ней много романтики: поэты обычно витают в облаках, а я из числа реалистов. Мне не нравится в стихах и то, что мысль приходится втискивать в форму, а слова, которые как нельзя более подходят для выражения чувств, менять в угоду рифме на другие. И, тем не менее, Ваши книги я читал, и они мне нравятся, но… давайте все же о прозе, о прозе жизни. Она вовсе не так скучна, как кажется на первый взгляд. Она о настоящем.

Думаю, что и Вы цените в людях их честность. Врезалась в память приводимая Вами фраза горцев, встречающих гостя: «Входи, если ты, это на самом деле ты». Для кого-то она чересчур проста, кому-то она кажется неумной шуткой, а я нахожу ее очень глубокомысленной. Возможно, горцы вкладывали в эту фразу совсем другой смысл, но я понимаю это так: если ты открыт и честен, если ты настоящий, то мы рады тебя видеть.

Позавчера мне звонила бывшая однокурсница, которая только начала пробовать себя в журналистике. Она решила поделиться со мной историей своего первого материала. Он рассказывал о трехлетнем малыше, которого сдали в Дом ребенка собственные родители. Материал был очень эмоциональным и, признаюсь, тронул даже меня, хладнокровного и флегматичного. А после его выхода в свет в редакцию позвонило пятеро желающих усыновить ребенка. Ну, как тут не порадоваться за молодчину-однокурсницу, сделавшую доброе дело, и за того карапуза, который, наверняка, уже обрел новых родителей?

А ведь Вы таких добрых дел сотворили не один десяток и даже, может, не одну сотню. Я слышал это от людей, хорошо с Вами знакомых. Вы помогали даже тем, кого не знали: устраивали молодых на работу, доставали путевки в санаторий, решали всякие проблемы. Предполагаю, что это – проявления бескорыстного стремления творить добро, как бы громко это не звучало, а не барский жест, не дешевый трюк сильного мира сего.

С болью смотрю на то, каким стал тот «былинный» Дагестан, о котором Вы писали, как изменились люди, его населяющие. Это уже не те благородные, гостеприимные, отзывчивые дагестанцы, о которых я читал в Ваших книгах. Неписаный кодекс горца многие из них променяли на законы рыночных джунглей. Это уже не те гордые орлы, среди них много двуликих воронов. И больше стало фальши, лицемерия, меньше искренности и доброжелательности.

Мне кажется, самое важное в таких условиях для человека – быть человечным. Не участвовать в несправедливостях, которые творятся сплошь и рядом. Они были, есть и, вероятно, будут, но пусть без моего участия. А Вы, я знаю, не воровали, не предавали, не убивали. Вы были и остаетесь настоящим человеком. И в смутное время не пошли, как многие, в политику: Вы предпочли жить с чистой совестью.

Благодаря Вам в мире имеют представление о Дагестане. Вы, пожалуй, единственный по-настоящему известный в России и за ее пределами дагестанец. В другой стране Вы имели бы большую известность, жили бы намного лучше. Но Вам не нужно другой страны: настоящий орел – не перелетная птица, он не меняет гнезда.

Вы – патриот до мозга костей. Вы любите свой язык, свой народ и свою родину, хоть и знаете, что она далеко не красавица. Моя знакомая как-то сказала, что наше государство похоже на нерадивую хозяйку, у которой на кухне беспорядок, дети не кормлены, сама она не ухожена. Но при этом, добавила, эта хозяйка очень мила, и я люблю ее. А по-моему, эта хозяйка просто уродина, и я не испытываю к ней никаких чувств. Я понимаю, что родился в неудачное время. И знаю, как трудно сводить концы с концами. Я неглуп, простите за нескромность, в меру честолюбив и хочу достичь чего-то в этой жизни. И я понял, что достойно жить здесь у меня не получится. Что ж, буду искать себя там, где я нужен, и не без сожаления расстанусь с тем, к чему привык. И я не один такой. Самые целеустремленные, самые толковые молодые люди

стремятся, во что бы то ни стало, увы, покинуть отчий край.

Другой мой знакомый, журналист, отбирающий с молчаливого согласия редакции львиную долю гонорара у молодых внештатных авторов, как-то сказал, делая разметку: «А зачем молодым деньги? Им не надо содержать детей и жену». Затем, ответил я ему, чтобы не висеть на шее у родителей, чтобы встать на ноги, почувствовать уверенность в себе, обзавестись семьей, родить детей. А сейчас у нас за честный труд платят гроши, почти все несправедливо, все наизнанку, и новое поколение – это жесткие прагматики, составляющие общество потребления. Они целеустремленные, что хорошо, но наглые, что очень плохо, и они считают, что высшая ценность – деньги.

Вы – поэт любви и дружбы, понятий сегодня редких, теряющих актуальность год за годом. Вы – автор «лирического рассказа о прошлом и настоящем Дагестана» – книги «Мой Дагестан». Но можем ли мы с Вами быть уверены в будущем? И в тех, в чьих руках это будущее окажется? Эти люди «проходили»» Вас в школе, они знают, что Вами положено гордиться, но у них другие ценности, другие идеалы. К Вам, своим отцам, они относятся, как я предполагаю, я даже в этом уверен, более чем снисходительно. Мало кто из них знает наизусть хотя бы Ваше четверостишие. Некоторые в курсе того, что вы автор «Моего Дагестана», но читали его, к сожалению, единицы, да и те вряд ли смогут объяснить, о чем эта книга. Может, потому, что Вашей книги нет в продаже? Может быть. Но я думаю, что причина в атмосфере, в которой они выросли.

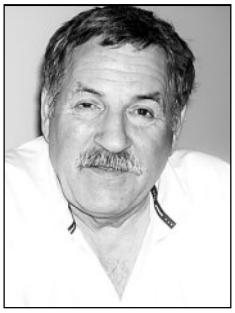
Чему я завидую, так это тому, что Вы сберегли свое «лекарство» от старости – чувство юмора. Мне известна Ваша знаменитая улыбка, в которой одна искренность, Ваши шутки очень остроумны. В Ваших стихах много юношеского задора и веселых ноток. Вы ищете во всем радость и стараетесь поделиться ею с людьми. Я тоже не прочь чему-то обрадоваться и громко рассмеяться, да вот беда – поводов маловато.

Ну вот, пожалуй, и все. Самое трудное в газетных статьях – как и в жизни – сводить концы с концами. Но, кажется, мне это удалось: начал во здравие, и закончил пожеланием здоровья. Если вы дочитали до этого места, то извините за слишком странное и пространное письмо. И если бог есть, то пусть он пошлет Вам здоровья – это, наверно, единственное, в чем Вы сейчас нуждаетесь. В ответ пожелайте, пожалуйста, удачи, она мне понадобится.

В преддверии юбилея знаменитого дагестанского поэта интересно было выяснить, что стоит за именем «Расул Гамзатов» в сознании людей разного рода деятельности, так или иначе имеющих к нему отношение. С ними беседовал Джамал РАБАДАНОВ.

ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ

Расул Гамзатов известен и как драматург. Его поэма «Горянка», сплетенная с музыкой Мурада Кажлаева, и сегодня не сходит с театральных подмостков. Кому как не Исламу КАЗИЕВУ, режиссеру, актеру театра и кино, заведующему кафедрой актерского мастерства факультета культуры ДГУ говорить о драматургии Гамзатова:



– Казалось бы, «Горянку» должна была постигнуть участь многих давно забытых постановок советских драматургов, которые, что называется, не вписались в условия нового времени. Но она на удивление актуальна сегодня, она «долгоиграющая». Я думаю, причина в том, что проблемы, поставленные в поэме и созданной по ней пьесе, и возникающая вокруг них конфликтность актуальны сегодня не меньше, чем три десятка лет назад, когда «Горянка» была создана. Так же не утихает полемический спор между поколениями. Так же актуальна фраза русской учительницы, восклицающей: «Позорна любовь без любви!». И, что интересно, Гамзатов выступает в «Горянке» не как сторонний наблюдатель, не как комментатор, он вмешивается в действо, он присутствует в роли молодого поэта.

Расул Гамзатов – один из тех немногих, кого я могу назвать своим духовным учителем. Он, без преувеличения, – явление всемирной литературы. Каждый раз, читая его стихотворения, чувствуешь тогдашнее волнение автора, перечитываешь всегда по-новому, переосмысливаешь жизнь, находишь ответы на возникшие вопросы. В миру он – человек отзывчивый, простой, и в этой простоте его величие.

Хочу рассказать один забавный случай, произошедший со мной в студии «Мосфильм», где обсуждали в узком кругу фильм, созданный по мотивам «Горянки» с одноименным названием. Я играл в этом фильме роль деляги Османа, и Расул Гамзатов взял меня с собой в студию, несмотря на то, что находиться мне там не полагалось. После просмотра фильма состоялось обсуждение. Одна из кинокритиков отметила, что исполнитель роли Османа, который по замыслу – герой отрицательный, вызывает симпатии. «Что вы?! – возразила другая. – В нем проглядывает звериная сущность. Вы только посмотрите, какие у него хищные, раздутые ноздри!». Тут Гамзатов улыбнулся и сказал последней: «Слушайте, зачем вы так? Вот же он сидит рядом, посмотрите, разве он похож на зверя?!».

Накануне его восьмидесятилетия я бы хотел пожелать этому замечательному человеку, чтобы он еще долго-долго оставался с нами. Долголетие как поэт он уже приобрел, так пусть ему будет ниспослано обычное человеческое долголетие.

Немало стихотворений Гамзатова было «переложено на музыку» и спето. Чего стоит песня «Журавли»! Он любит слушать песни и часто повторяет, что в поэзии должна присутствовать музыка. Народная артистка ДАССР, заслуженная артистка РСФСР Муи ГАСАНОВА – тот человек, который спел много песен на стихи Гамзатова:

– Мы познакомились в далеком 57-м году, когда он приезжал в Гуниб с грузинским писателем. Тогда я, кроме работы в исполкоме, участвовала в районной самодеятельности. Ему, как он потом признался, очень понравилось мое пение. Затем во многом благодаря Гамзатову меня пригласили в Махачкалу, где и начался мой творческий путь. И в этом же 57-м меня пригласили на Всемирный фестиваль в Москву.

Мы сдружились и продолжаем дружить по сей день. Не было ни одного его творческого вечера, где бы я не присутствовала, а он был в числе первых, кто поздравил меня с моим юбилеем. Я доверяю ему как старшему брату, с ним можно поделиться самым сокровенным, он знает обо всех поворотах моей судьбы. Его стихи очень «удобны» для меня как певицы. А еще я знаю, что в трудную минуту он придет на помощь, потому что Расул Гамзатов – удивительно добрый, отзывчивый человек.

Он посвятил мне целый цикл песен: «Мой бубен», «Гуниб», «Песня о матери». Почти все я пела на родном аварском языке. И только песня «Мой бубен» на музыку Экимяна – моя любимая – на русском языке. Но это не мешает мне сказать, что Расул Гамзатов – поэт не только Дагестана, но и всей страны, всего мира.

Наш творческий союз сложился, я уверена, что и он так считает, очень удачно. Мы объездили когда-то всю республику. А в сентябре я обязательно поеду в Москву, где состоится заключительная часть празднования 80-летия Расула Гамзатова.

Благодарю судьбу за то, что она послала мне этого удивительного человека. Что пожелать ему накануне юбилея? Крепкого здоровья, все остальное – любовь, слава, благополучие у него уже есть.

В творчестве Гамзатова, в его поэтических произведениях ощутимо неиссякаемое чувство юмора. А число его друзей, которых он очень ценит, и сейчас растет с каждым днем. Это значит, что все больше и больше людей, знакомых с его творчеством, познакомятся и с ним лично. О своем первом впечатлении от знакомства с ним, о его остроумии рассказывает директор Молодежного центра культуры Министерства по делам молодежи и туризму РД Карен МКРТЧАН:

– Расул Гамзатов – это явление. Певец жизни, любви, дружбы, в его произведениях чувствуется жажда жизни. А о нем, как о человеке, красноречиво говорит вплетенная в стихотворную ткань фраза: «Если есть сто мужчин, то один из них – это я».

Познакомились мы совсем недавно, когда в числе приглашенных на встречу с ним людей оказался и я. Надо сказать, что я принял предложение быть режиссером заключительной части торжеств, посвященных его юбилею. Так вот, я, без ложной скромности, человек, знающий вроде толк в юморе, был буквально ошеломлен его шутками, тостами. При том, что он сохранил необыкновенную для его возраста трезвость, ясность мыслей. Гамзатов в беседе моментально реагирует на каждый поворот темы, экспромтом выдает такие перлы! Мне кажется, не возникало такой ситуации, когда ему нечего было сказать в ответ, какой бы оборот не принял разговор.

В его устах любая фраза звучит как проверенная временем мудрость. «Болеть вредно для здоровья!» – сказал он, и мне почему-то от такой незамысловатой вроде бы фразы стало очень смешно. А чего стоит его излюбленный прием,

известный как «Абуталиб сказал…»! Один мой друг как-то сказал, что время от времени следует апеллировать к мудрости древних, выдавая свои мысли за их афоризмы. В конце концов, говорил он, древние сказали все, что можно было сказать, а проверять, на самом ли деле эти слова принадлежат тому или иному гению никто не станет.

Он привык к заслуженному вниманию к себе, но и сам очень внимателен к окружающим. Полушутя-полусерьезно упрекает своих друзей: мол, вы меня совсем забыли, хотя знает, что это не так. Или же притворно возмущается, когда говорят тосты в его честь: «Что вы меня все хвалите и хвалите?! Хватит! Поругайте хоть немножко». Это то, что я называю «кокетством великого». При этом он очень самокритичен.

Плохо, что для нового поколения он, как говорится, не является примером для подражания. Они знают, что Расул Гамзатов – это символ Дагестана во всем мире, но для них самих поэт – уже легенда, легенда о которой вспоминают лишь в дни юбилея.

По-настоящему талантливых писателей в Дагестане не так уж много, как хотелось бы. Молодых и талантливых – и того меньше. Но они есть. Молодая поэтесса Марьям КАБАШИЛОВА рассуждает о том, насколько современно, в ее понимании, творчество Расула Гамзатова, говорит о месте и значении его в мировой литературе.

– К сожалению, я не так хорошо, как хотелось бы, знакома с творчеством Гамзатова. Конечно, я читала «Мой Дагестан» и его лирику, последнюю – даже в подлиннике, на аварском языке. Но этого, по-моему, недостаточно для глубокого понимания. Достаточно прохладно воспринимая в целом произведения дагестанских литераторов, Гамзатова, признаюсь, читала с удовольствием.

Каждый человек имеет право писать стихи, и можно только уважать в нем такое стремление. Конечно же, надо творить, чтобы совершенствоваться, ничуть при этом не сомневаясь в себе. Но не все люди, разбирающиеся в поэзии – поэты, и очень мало людей, которые – поэты от Бога. К числу последних, пожалуй, можно отнести Гамзатова. Однако меня вводят в недоумение слова многих, которые, забыв о трезвости суждений, возвеличивают его чуть ли не до ранга полубога. Безусловно, Гамзатов – поэт очень талантливый, так же как Вознесенский, Евтушенко, Кушнер, но гением поэта может назвать только время. А Гамзатов, слава богу, сегодня наш современник.

В молодости, мне кажется, он написал все самое значительное, наполненное любовью к жизни, к Родине. В его поздних произведениях можно заметить философское видение мира, меня поразило ощущение умиротворенности после их прочтения. Нравится «Горянка», лирика, посвященная женщине: любви он отдается полностью до последней частички. А вот патриотические стихотворения Гамзатова мне не по душе по той простой причине, что я считаю себя космополитом, и все «дагестанское» мне претит. Мне нравится, что в его творчестве нет бытовых мотивов, которые присущи творчеству многих наших писателей. И вообще, с каждым новым прочтением его поэзии открываешь для себя что-то новое.

Свидетельством популярности человека является наличие дружеских жаржей, пародий, анекдотов, смешных историй, героем которых он выступает. Георгий Каланджиев не мог обойти Расула Гамзатова...

ЗАРИСОВКИ

* * *

Надпись на обложке второй книги «Мой Дагестан»

Книга первая – Абуталиб,
И во второй – Абуталиб.
Влюблен в него поэт,
Ну, прямо скажем, влип.
Он и для третьей книги
черпает в нем силу…
Ведь сказано у мудреца:
Уж ежели напал на жилу,
Старайся разработать до конца.

* * *

Весь зацелован: с головы до пят –
Нет нецелованного места…
Уже есть слухи: люди говорят,
Поэтом скуплен весь «Доместос».
Не каждому оно по средствам,
Такое моющее средство.

* * *

Редакция газеты «Дагестанская правда». Мы, Владимир Портнов, Вацлав Михальский и я сидим в кабинете у заведующего отделом, писателя – Дмитрия Ивановича Трунова. Вдруг дверь открывается и в ней появляется Расул Гамзатов. Не заходя, прямо из двери он спрашивает, обращаясь к Дмитрию Ивановичу:

– Дмитрий, ты имярек не видал?

– Нет, – отвечает Трунов.

Дверь тут же закрывается. Трунов – вслед ему:

– Расул!

Дверь снова приоткрывается.

– Что, Дмитрий? – спрашивает он.

– Ты знаешь, – говорит Трунов, – тут из Молдавии тебя ищет молодая красивая женщина. Ты с ней не встретился?

– Нет, – говорит Гамзатов. – А что она хочет?

– Понимаешь, она на тебе делает диссертацию.

– Вах! Она – на мне, а я ничего не знаю.

ИСПОРЧЕННАЯ ПЛАСТИНКА

Случилось это, наверное, в 1967 году, а может в 1968. Расул Гамзатов не так давно вернулся из Индии и привез свое знаменитое стихотворение.

В Индии считается, что змеи
Первыми на землю приползли.
Горцы верят, что орлы древнее
Прочих обитателей земли.

Я же склонен думать, что вначале
Появились люди, и поздней
Многие из них орлами стали,
А иные превратились в змей.

Коллектив Приборостроительного завода с нетерпением ждет опаздывающих дорогих гостей во главе с Расулом Гамзатовым. Наконец, гости прибыли. Актовый зал завода переполнен. В почетном президиуме свободных мест тоже, разумеется, нет. Все места заняты огромным количеством друзей поэта, в основном – москвичей. К гостям с приветственным словом обратился директор завода – Колыванов Юрий Иванович. Мне была предоставлена честь приветствовать поэта и гостей от имени интеллигенции завода, что я с удовольствием и исполнил.

Поэтов встречают, чтобы слушать стихи. И чтение началось.

К трибуне вышел какой-то москвич. Нам объявили, что это мастер художественного слова. Холеный, с красным лицом, сытость у него так и лезла наружу.

Он начал:

«В Индии считается, что змеи…»

Зал, затаив дыхание, слушает. Но, прочтя еще три-четыре стихотворения, он снова:

«В Индии считается, что змеи…»

В зале – легкий шумок. Недоумение… В президиуме, вижу, краснеет Расул Гамзатов, он многозначительно смотрит в сторону трибуны, но его гипнотический взгляд не возымел действия. Мастер продолжает читать. И через некоторое время мы слышим опять:

«В Индии считается, что змеи…»

Расул Гамзатов резко встает со своего места и, обращаясь к залу, говорит: «Извините, но мне кажется, что эта пластинка испортилась, и нам надо ее заменить».

Тут же из президиума встали двое, быстро прошли к трибуне, взяли под руки все еще не смолкающего мастера художественного слова и унесли. Замешательство длилось мгновенье, не более.

Встал Юрий Иванович Колыванов и, обращаясь к Расулу Гамзатову, сказал: «Дорогой Расул Гамзатович, славный коллектив нашего завода так любит вас и Ваши стихи, что никакая испорченная пластинка не может испортить эту искреннюю любовь».

Зал разразился аплодисментами.

СЛЫШАЛ ОТ РАСУЛА

Улица Пушкина. Легкие сумерки. Несколько молодых людей стоят с Дмитрием Ивановичем Труновым. Навстречу идет Расул Гамзатов и, еще не дойдя до них, говорит: «Дмитрий, сегодня я был в обкоме, и там опять тобой недовольны, опять тебя ругают. Я сколько раз говорил тебе, когда рассказываешь «неприличные» анекдоты, говори, что слышал их от Расула Гамзатова».

• • •

* * *

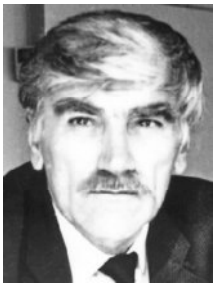
Удивился – «Вах!» – Расул в Нью-Йорке,
В ресторане не найдя хинкал.
Следом все теперь там вторят: «Вау!» –
Вот каков кавказский аксакал.

* * *

Клином в небе журавли летели.
Крик их превращался в мощный гул.
«Птицы, тише, что-то вы зазнались,
Кто бы знал вас, если б не Расул».

* * *

– Вам нравится Пушкин? – спросили Расула.
Ответил поэт, поднимаясь со стула:
– Да, Пушкин хорош, и стихи – просто шик,
Но жаль, что не знал он аварский язык.



Если представить многотысячных почитателей творчества Расула Гамзатова в одном лице, то что бы такой читатель сказал поэту? Это попытался представить Далгат Ахмедханов, и вот какой у него получился диалог...

НАЕДИНЕ С ПОЭТОМ

Здравствуй, Расул! Я – твой читатель. Давай поговорим, поэт. Давно хочу открыть тебе сердце, открыть как другу, с которым хочется остаться наедине. И повод есть: тебе скоро восемьдесят. Восемь десятилетий ты ходишь по земле. Это не так уж много, но и не мало. Я долго слушал тебя. Теперь послушай ты.

Впрочем, не знаю: найдется ли у тебя время. Так как занят. Может, ты в дороге? Или в гостях? Или сам принимаешь друзей, и за твоим столом звучат тосты и шумят веселые речи? А может, перед тобой белеет чистый лист, и ложатся на него строчки новых стихов? Но, что бы ты ни делал, где бы ни был – далеко или близко, ты всегда рядом со мной. Я всегда слышу твой голос. И ты тоже услышишь мой. Ведь мы – земляки, и, думаю, мы поймем друг друга.

Знаешь, я хочу сказать тебе добрые слова. И хоть не принято у нас, в Дагестане, в глаза хвалить друг друга, но и не принято лицемерить. К тому же настало, пожалуй, время откровенного разговора. И если ты говорил обо мне в своих книгах, не стесняясь, я тоже не боюсь сказать тебе правду. Я думаю – ты сильный человек, а сильного не собьет с ног даже слава.

Ты много сделал для меня, Расул. Ты поешь на весь мир то, что давно теснилось в моей душе и никак не могло вылиться наружу. А у тебя чистый, крепкий голос, он поет родные и самые верные для меня мелодии. Но не это все же самое главное. До тех пор, пока стоят наши горы, пока бурлят наши реки, пока шумит седой Каспий – а так будет вечно, я буду благодарен тебе за другое. За то, что ты сделал дл моего Дагестана, для нашей Родины. Нет весов, на которых можно измерить долг человека перед родной землей. Никто никогда не расплатится с ней сполна, отдав даже жизнь. Но никто никогда не скажет тебе, Расул, что ты отдал меньше других. Ты можешь гордиться, что твои хурджины полнее многих иных, что твой конь несет великую ношу, что песня твоя прославила на весь мир нашу Родину.

Но хватит слов, давай послушаем песни. Их много у тебя. Не все одинаково хороши – ведь нельзя подняться до альпийских лугов, шагая порой у порога сакли. Но все твои песни на моих устах. Есть такие, что повторенные стократ, летят по всему миру. Не хочу выбирать. Сегодня, не хочу говорить – эта лучше, а эта – хуже. Они все – твои дети, они все – мои друзья, мои братья и сестры.

У тебя широкая душа, Расул. Я вижу, в ней уместилось все, что я думаю о людях, о жизни, о своем Дагестане. У тебя большое, горячее сердце. Иначе ты не смог бы сказать так, как хотел бы сказать я, спеть так, как хотел бы спеть я. У тебя, Расул, хорошо слышат уши и зорко смотрят глаза. Иначе ты не услышал бы, что слышу я, не увидел бы, что вижу я.

И люблю малиновый рассвет я,
И люблю молитвенный закат,
И люблю медовый первоцвет я,
И люблю багровый листопад.
Без зурны могу и без чунгура
Наслаждаться музыкою я,
Иначе так часто ни к чему бы
Приходить мне на берег ручья.
Я без крова обошелся б даже,
Мне не надо в жизни ничего,
Только б горы, скалы их и кряжи
Были возле сердца моего.
Как форель, родник на горном склоне
В крапинках багряных поутру.
Чтоб умыться – в теплые ладони
Серебро студеное беру.
Вижу я цветы долины горской
Их чуть свет пригубили шмели.
Сердцем поклоняюсь каждой горстке
Дорогой мне сызмальства земли.
На колени у речной излуки,
Будто бы паломник, становлюсь.
И хоть к небу простираю руки,
Я земле возлюбленной молюсь.

Расул, ты в своей книге сказал так: «Когда у тебя спрашивают, кто ты такой, можно предъявить докумен-

ты, паспорт, в котором содержатся все основные данные. Если же у народа спросить, кто он такой, то народ как документ предъявляет своего ученого, писателя, художника, композитора, политического деятеля, полководца».

Это правда. Народ поступает так. А это значит, что я, твой читатель, поступаю так. Хочу рассказать тебе один случай. Приезжали как-то к нам итальянцы. Они снимали многосерийный фильм о Советском Союзе и большое место в нем хотели уделить Дагестану. Они много ездили, много снимали, а перед отъездом итальянский режиссер сказал: «Каждую страну представляют ее люди. Назовите человека, который мог бы с полным правом представить Дагестан». Ему ответили: «Имя этого человека – Расул Гамзатов». И подарили книгу твоих стихов. «Читай, – сказали ему, – вот наш поэт! В его книгах – наш Дагестан».

Мне ль тебе, Дагестан мой былинный,
Не молиться, тебя ль не любить,
Мне ль в станице твоей журавлиной
Отколовшейся птицею быть?
Дагестан, все, что люди мне дали,
Я по чести с тобой разделю,
Я свои ордена и медали
На вершины твои приколю.
Посвящу тебе звонкие гимны
И слова, превращенные в стих,
Только бурку лесов подари мне
И папаху вершин снеговых.

Да, Расул у тебя много наград. Но, по-моему, самая большая твоя награда – это я. Ты поешь для меня, и что стоили бы твои песни, если я не хотел бы их слушать. Но твой пандур настроен в один лад с моим сердцем, твои пальцы перебирают струны моей души, и сегодня я уже не различаю: где кончаешься ты и начинаюсь я, где кончаюсь я и начинаешься ты. У нас с тобой одна папаха на голове, один конь под седлом. На этом коне сидит, эту папаху носит – наш Дагестан.

Я готов поклясться головой:
Пусть аварцев всех на свете горстка –
– И у нас родится Глинка свой,
И умы встревожит Пушкин горский.
Проплывет за тридевять земель
Песнь, рожденная на горных склонах,
И однажды горский Рафаэль
Нарисует горскую Мадонну…
Долго шел народ мой без дорог,
Слишком много испытал он горя:
Современник, мы нашли исток,
Наши сыновья дойдут до моря.

Да, наши сыновья давно уже в пути. Мы верим в них, как наши отцы верили в нас, Расул. По-моему, мы свято выполняем их наказ. Ты как думаешь, поэт? Впрочем, зачем спрашивать! Я знаю и так. Ты хорошо сказал об этом. Сказал за себя и за меня. Такие слова просятся на музыку. Это вечная песня горных орлов, песня-клятва.

С головами поникшими
Над отцами погибшими
Встали мы.
Над легендой повитыми
Их могильными плитами
Встали мы.
Им, как будто бы мысленно,
Тихо мы и не выспренне
Говорим:
«Листья вашего дерева,
А не серая тень его –
Это мы!
Эхо вашего голоса,
Зерна вашего колоса –
Это мы!
Битв минувших не отблески,
А законные отпрыски –
Это мы!
Меж годами посредники,
Вашей славы наследники –
Это мы!
Всех имен ваших словники,
Ваших кровников кровники –
Это мы!
Ваших помыслов вестники,
Вашей правды наместники –
Это мы!
Ваших давних наветчиков
Превратили в ответчиков –
Это мы!
Продолжение повести
Вашей чести и совести –
Это мы!
Ваших судеб защитники,
Не лохматые битники –
Это мы!
Ваших дум воплощение
И грехов отпущение –
Это мы!
Верность вашим обличиям,
Верность вашим обычаям –
Мы храним!
Верность вашему воинству
И мужскому достоинству –
Мы храним!
Верность вашему мужеству
И великому дружеству –
Мы храним!
Верность вашей душевности
И святой вашей верности –
Мы храним!
Сами ставшие взрослыми,
Вам клянемся мы веснами,
Снегом собственных глаз
И огнем над метелями,
Хлебом и колыбелями –
Быть достойными вас!

Хорошая песня, Расул. Она сверкает, как кинжал в руках джигита, она, как птица над головой, как знамя, которое вьется над отчим домом. Ты крепко держишь его в своих руках. Пусть руки твои не слабеют, пусть конь твой не спотыкается. Что для этого нужно? Ты сам ответил на этот вопрос:

«Не бойся врагов, стихотворец!
Взгляни,
Как верных друзей твоих
много везде!» –
«А если в день черный
изменят они?» –
«Не бойся!
Жена не оставит в
беде!» –
«А если изменит жена?»
–

«Ничего!
Есть отчие горы
в рассветном дыму». –
«Чего же боятся тогда?» –
«Одного:
Опасной измены себе самому!»

Ты храбрый человек, Расул. Потому что знаешь, откуда грозит опасность, и смело смотришь ей в глаза. Что ж, лучше сто врагов впереди, чем один сзади. Но, я думаю, что нет врагов и нет границ, что помешали бы тебе говорить со мной так, как говорим мы до сих пор. А больше нам ничего не нужно. Уже встревожил ум горский Пушкин, уже нарисовал горский Рафаэль горскую Мадонну…

Изрек пророк:
«Нет бога, кроме бога!»
Я говорю:
«Нет мамы, кроме мамы!..»
Никто меня не встретит у порога,
Где сходятся тропинки, словно шрамы.
Вхожу и вижу четки, на которых
Она в разлуке, сидя одиноко,
Считала ночи, черные, как порох
И белы дни, летящие с востока.
Кто разожжет теперь огонь в камине,
Чтобы зимой согрелся я с дороги?
Кто мне, любя, грехи отпустит ныне
И за меня помолится в тревоге?
Я в руки взял Коран тисненый строго,
Пред ним склонялись грозные имамы.
Он говорит:
«Нет бога, кроме бога!»
Я говорю:
«Нет мамы, кроме мамы!..»

А вот еще:

Я вас прошу: и ныне и всегда
Вы матерей своих жалейте милых.
Не то, поверьте мне, вас ждет беда –
Себя вы не простите до могилы.
А я вдруг задыхаюсь среди дня,
Вдруг просыпаюсь с криком среди ночи.
Мне чудится, что мать зовет меня.
Мне кажется, я слышу крик:
«Сыночек!»
Вы, приходящие ко мне сейчас,
Велик ли прок
от ваших взглядов слезных,
Своих живых – я заклинаю вас –
Жалейте матерей, пока не поздно.

Спасибо, Расул. Твои слова, как зерна для весенней нивы, как дождь в засуху, как солнце в осеннее ненастье. У меня огромное сердце, поэт, к нему надо столько ключей, сколько людей на земле. Но ты нашел всего один, который заменил все другие.

Но ты хитрый, Расул, и хитрость твоя мудра: я вижу в руках твоих большую связку ключей. Ты открыл ими много сердец, а впереди еще больше работы. Мысли твои – это твои ключи. И есть среди них такие, что особенно близки мне.

Знай, мой друг, вражде и дружбе цену
И судом поспешным не греши.
Гнев на друга, может быть, мгновенный,
Изливать покуда не спеши.
Может, друг твой сам поторопился
И тебя обидел невзначай,
Провинился друг и повинился –
Ты ему греха не поминай.
Люди, мы стареем и ветшаем,
И с теченьем наших лет и дней
Легче мы друзей своих теряем,
Обретаем их куда трудней.
Люди, я прошу вас, ради бога,
Не стесняйтесь доброты своей.
На земле друзей не так уж много,
Опасайтесь потерять друзей.

Где нашел ты такие слова, Расул! Как сумел сделать их песней! Может, знаешь ты тайну? Может, знаешь язык, на котором пишет народ свою вечную книгу? Все листают ее страницы, но не все умеют читать. И не все, кто прочел – умеют понять. И не все, кто понял – умеют рассказать. Только добрый человек может сделать это, только очень добрый. Такой, чтобы люди для него были братья. Я знаю, ты такой. Ты понял свой народ, рассказал о нем миру.

Умеешь ты печаль сурово
Встречать без слов, без суеты.
И без веселья показного
Умеешь радоваться ты.
И не твои ль напевы схожи
С полетом медленным орла,
А пляски – с всадником, чья лошадь
Летит, забыв про удила.
В теснине горной, где повита
Туманом кряжистая цепь,
Душа твоя всегда открыта
И широка всегда, как степь.
Живешь с соседями, не ссорясь,
Ты, сняв свой дедовский кинжал,
И я уже не темный горец,
И ты иным сегодня стал.
У ног твоих гремят составы,
С плеча взлетает самолет.
Люблю, как сын большой державы,
Тебя, мой маленький народ.

Птица сильна крыльями, голос силен песнями. Крылья крепнут в полете, голос – в песнях. Твой голос, твои крылья, Расул, окрепли в странствиях по земле. Разные страны встречал ты на своем пути, разных людей. Говорят: большое видится на расстоянии. Ты увидел его поэт…

Можно кричать – и никто не услышит даже на соседней улице. Можно сказать шепотом – и тебя услышит весь мир. Важно – что кричать и что говорить. Ведь так, Расул?

Шар земной, для одних ты арбуз.
На куски
Разрезают тебя и кромсают зубами.
Для других ты – лишь мяч,
и, толпясь, игроки
То хватают тебя, то пинают ногами.
Шар земной для меня
не арбуз и не мяч,
Шар земной, для меня ты –
лицо дорогое,
Я слезинки твои утираю –
не плачь –
Кровь смываю твою
и пою над тобою.

Хорошо сказал… Далеко слышно… Ты, вообще, хороший собеседник. Умеешь слушать, умеешь говорить.

Знаешь, Расул, наверно, каждый, кто слышал тебя, говорил своей жене то, что ты сказал своей:

Жена моя, просьб у меня не много,
Но эту ты исполни, ради бога.
Прошу: цени друзей моих вчерашних,
Всех тех, кому когда-то был я мил,
Которых издавна еще до наших
С тобою лет любил я и ценил.
Пусть странными сочтешь ты
их повадки,
Не уличай их ни в какой вине,
Все малые грехи и недостатки
Ты им прости, как ты прощаешь мне.
Спеши друзьям навстречу, дорогая.
Открой им дверь и взглядом их не мерь,
Считай, что это молодость былая
Нежданно постучалась в нашу дверь.
Нас с каждым годом меньше остается.
О, жены всех моих друзей былых,
Вы и меня стерпите, коль придется,
Во имя дорогих мужей своих.

Если уж мы заговорили о женщинах, то я лучше помолчу. Тебе есть что сказать, а мне – что послушать. И хотя я – это миллионы, а ты – один, но, что касается женщин, то и один в поле воин. Я готов, я – весь внимание.

С годами изменяемся немало.
Вот на меня три женщины глядят.
«Ты лучше был», – одна из них сказала.
Я с ней встречался десять лет назад.
Касаясь гор заснеженного края,
Вдали пылает огненный закат.

«Ты все такой же», – говорит вторая,
Забытая пять лет тому назад.
А третья, рук не размыкая милых,
Мне жарко шепчет, трепетом полна:
«Ты хуже был…
скажу, что не любил их…»
Каким я был, не ведает она.

Продолжай, я слушаю тебя.

Не верю в чудеса и в провиденье,
Но пусть вступает смерть в свои права,
Пускай возьмет меня в свои владенья
И, взяв, отпустит года через два.
Чтоб, возвратившись
из предела дальнего,
Я мог оставленное оглядеть,
К тебе вернуться, если ты печальная,
А если нет, так снова умереть.

Мой сосед, глаза прищурив карие,
Говорил, мы слушали рассказ.
Вдруг с кувшинами горянка старая
Тяжко прохромала мимо нас.
И тогда старик, рассказ свой комкая,
Взглядом ту горянку до угла
Проводил и прошептал вдогонку ей:
«До чего же хороша была?»

Ты веселый человек, Расул! Я часто вижу на твоем лице улыбку, усмешку, а иногда ты хохочешь во все горло. Я думаю, ты родился, плача и смеясь одновременно. И сейчас твои стихи то звенят булатом, то ласково шепчут, они то плачут, то смеются. Не будь так, я не мог бы стать тебе другом. Ибо ничто так не ценится в кругу друзей, как умное – а особенно – остроумное слово.

Три однокашника моих –
В обличье честности – три вора.
И попадут в тюрьму не скоро
Три однокашника моих –
Они порою шумно пьют
В пылу тщеславья пресловутом.
Я ими прозван «баламутом».
– Чего ты хочешь, баламут?
Есть три соседа у меня;
Хоть в руки книг они не брали,
А вот профессорами стали,
Чтоб руки греть, как у огня.
Наука, стоя у стола,
Теперь прислуживает плутам.
– Эй, ты, прослывший баламутом,
Что лезешь не в свои дела?
Сама жена меня корит,
Что был я в жизни неуклюжим,
Что стать не смог ученым мужем,
Что пить не с теми надлежит.
И, как отбившийся от рук,
Молчу я с видом виноватым,
Не ставший даже кандидатом
Филологических наук.

Удивительное дело, Расул. Слушая тебя, я будто гляжу на мир сквозь увеличительное стекло, я будто держу его на своих коленях. Это редкое чувство! Но не этим ли ты взял меня в плен? Но хочу признаться: мне хорошо в плену. Я с радостью открываю двери твоих книг и вхожу без стука. Здесь мой дом. Здесь все для меня родное.

Был я молод, беден, жизни рад,
Даль вокруг казалась голубою.
Я, казалось, был самим собою
Только пять минут тому назад.
Молодость моя ушла и сила,
Бедность – все, чем раньше был богат.
Кажется, сейчас, что это было
Только пять минут тому назад.
Как всегда спешит с уходом лето,
Осень и зима прийти спешат.
Я не знал, не думал я про это
Только пять минут тому назад.

Подожди, поэт. «Не торопись, как деды завещали», – ведь это твои слова. Вспомни, ты говорил и другое…

Всю жизнь ищу, всегда я жду чего-то.
И на аэродромах каждый раз
Слежу за следующим самолетом,
А не за тем, который сел сейчас.
Дней следующих быстры вереницы.
Я что-то все ищу, все не найду.
Весною снова прилетают птицы,
Я вижу их и следующих жду.
Твердят слова, одно другого лестней,
Все превозносят песню, что я спел.
Мне ж ведомо:
лишь в следующей песне
Я то скажу, что в этой не сумел.
Мгновенно все, лишь ожиданье вечно,
И я всю жизнь себя надеждой льщу:
На перекрестке следующем встречу
Ту женщину, которую ищу.
И безнадежней был бы каждый вечер
И жили бы мы хуже, чем живем,
Когда б не это ожиданье встречи
С рожденным где-то следующим днем.

А теперь, поэт, я скажу о твоей прозе.

Ты написал книгу «Мой Дагестан». И я хочу тебе сказать так: «Друг мой, Расул! Сын Гамзата из Цада! Ты обратился ко мне в своей книге. И вот я отвечаю тебе. Я не сразу сделал это. Но согласись, мне тоже надо было подумать – ты прав, говоря: торопливый ручей не добежит до моря. Ты сейчас не видишь моего лица. Но ты его хорошо знаешь, хотя я не сидел с тобой за одной партой, не поднимал с тобой рог с вином. Но мы шли рядом с тех пор, как ты написал первую строчку. Я – многолик и многоязык, у меня столько характеров, сколько бьется на земле сердец. Ведь я – твой читатель!

«Мой Дагестан» – назвал ты свою книгу. Недавно я вновь перечитывал ее. Я снова морщил лоб, но не надо искать слов, чтобы разгладить морщины. Просто я много думал. Я снова сидел за столом, на котором стоял настоящий дагестанский хинкал, я снова смеялся, и снова на мои глаза порой набегали слезы. Спасибо тебе за это.

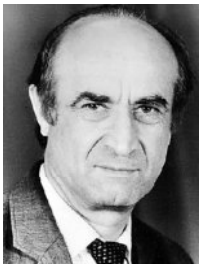
Ты просил меня подчеркнуть верную мысль, а неверную подчеркнуть дважды. Я подчеркивал на каждой странице. Подчеркивал – и дважды, и трижды, и четырежды. Не потому, что мысль была неверна, а потому, что была она дважды, трижды, четырежды верной. Спасибо тебе и за это.

Ты просил выкинуть книгу, если я обнаружу ложь. Я ставлю твою книгу на почетное место в своем доме. Но берегись: ты дал обещание – сдержи его. Ты говорил: «Это еще не черкеска, но материал для черкески. Это еще не ковер, но лишь нитки для ковра. Это еще не песня, но лишь то биение сердца, от которого песня должна родиться!».

Что ж, поэт… вторая часть твоей книги взрастила песню, которую родила первая часть. Но эта книга бесконечна. И я верю в тебя! Я верю, что новую черкеску наденет каждый дагестанец, что твой ковер расцветет красками родной земли, что новая песня полетит над всем миром.

Звезды ночи, звезды ночи
В мой заглядывают стих,
Словно очи, словно очи
Тех, кого уж нет в живых.
Слышу, с временем не ссорясь,
В час полночной тишины:
«Будь как совесть, будь как совесть
Не вернувшихся с войны!»
Горец, верный Дагестану,
Я избрал нелегкий путь.
Может, стану, может, стану
Сам звездой когда-нибудь.
По-земному беспокоясь,
Загляну я в чей-то стих,
Словно совесть, словно совесть
Современников моих.

Счастливого пути и здоровья, Расул!..



Тем, кто встречался с Расулом Гамзатовым, хотя бы мимолетно, надолго запомнится общение с ним. Почему? Разве это объяснишь! Такова аура его личности, обаяние его неповторимого таланта. О своих встречах с поэтом рассказывает известный в нашей республике врач, доктор медицинских наук, автор популярных книг Ибрагим Шамов...

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С РАСУЛОМ

Мое знакомство с Расулом Гамзатовым произошло где-то в 1977-78 годах, когда Расул заболел и меня попросили проконсультировать его. Хотя нет, одна удивительная встреча с Расулом состоялась лет на пять раньше.

Я ехал из Москвы домой поездом Москва–Махачкала. Где-то за Орлом в купе зашел молодой человек кавказского типа.

– Вы дагестанец? – спросил он.

Я ответил, что да. Тогда он рассказал свою историю. С его слов, он едет откуда-то (кажется, из места заключения), что у него не было денег, чтобы взять билет до самой Махачкалы, он взял до Орла, надеясь встретить знакомых в поезде и занять денег у них. Знакомых в поезде не оказалось, и теперь его хотят ссадить с поезда. Не могу ли я помочь ему.

Я сказал, что денег на весь проезд я дать не могу, но часть дам. И дал ему 25 рублей. Он ушел. А спустя минут десять дверь моего купе открылась вновь, и на пороге появились Расул Гамзатов и тот молодой человек. Расул поздоровался со мной, правда, даже не спросил, кто я, а сказал:

– Вы верите ему? Вы дали ему денег?

Я сказал, что дал, сколько мог, а верю я или нет – это уже роли не играет.

Расул внимательно посмотрел на меня и сказал:

– Вот это, наверно, правильно. – И добавил, обращаясь к молодому человеку: – Пойдемте, я дам вам остальные деньги.

Как выяснилось позднее, Расул Гамзатов ехал в этом же вагоне и тот парень подошел к нему с такой же просьбой и сказал, что я дал часть денег. Такая вот необычная встреча без знакомства.

У МЕНЯ ДОМА

10 января 1982 года Расул Гамзатович с семьей — женой Патимат и двумя дочерьми – Патей и Салихат пришли ко мне в гости. Вместе с ними пришли и их давние друзья, педагоги из университета Симонов Святослав Сергеевич и его супруга Нина Викторовна Мелик-Саркисова.

Расул был грустнее обычного. Его настроение передает фраза, сказанная им по телефону. Расул кому-то позвонил от меня, а тот, видимо, спросил «как дела», на что Расул ответил:

– Здоровье все лучше, настроение все хуже. И добавил: – Ты же знаешь, я бросил пить, – и засмеялся своим заливистым, заразительным смехом.

Все вместе мы долго осматривали мою коллекцию иранской медной посуды, которой Патимат Саидовна не переставала восторгаться. Затем Расул Гамзатович перешел к осмотру моей библиотеки и очень хвалил ее. Я показал ему полку, заполненную его книгами.

– Прекрасно, – сказал он. – Надеюсь, когда я буду устраивать выставку своих книг, ты мне не откажешь дать часть, потому что у меня многих из этих книг уже давно нет.

Я обещал.

Мы сели за стол. Вначале Расул почти ничего не ел и не пил, затем стал пить пиво. Постепенно настроение его улучшилось, и мы увидели обычного Расула – остроумного, веселого человека и большого мудреца. Первый тост он предложил выпить за нашу семью.

– За семью моего давнего друга и достойного дагестанца Ибрагима и за Лиду, – сказал он. И тут же, шутя, добавил: – Лида, отчество твое все от меня скрывают, ты уж прости меня. За их детей – Сережу и Руслана.

После этого пошли тосты за друзей Гамзатовых – светлую личность Святослава Сергеевича и его жену Нину Викторовну.

Разговор оживился, мои дети сидели тихо, Патя иногда что-то вставляла в разговор взрослых, а Соля довольно часто отпускала реплики по разным поводам.

Коронным блюдом в этот вечер был кубачинский хинкал, однако на стол подавались и другие блюда – хIялукуцце – тонко раскатанное тесто с заправленным внутрь творогом, картофельным пюре, тушеные бараньи ребра и другое. Расул Гамзатович попробовал всего понемногу и сказал:

– Лида, я вижу, ты одна кормишь трех своих мужчин гораздо лучше, чем три моих женщины одного мужчину.

Все засмеялись.

Тут в тостах произошла заминка, и тогда Расул вдруг сказал:

– Ты, наверное, Ибрагим, возражаешь, но я хочу предложить тост за здоровье Расула Гамзатова…

– Вай, Аллах, – воскликнула Патимат, – у Расула такие повороты…

– Расул Гамзатович, – сказал я, – не только не возражаю, но хочу добавить несколько слов. Сегодня я получил очередной номер «Крокодила» и, открыв предпоследнюю страницу, увидел ваш портрет и сообщение, что вам присуждена премия за сатирические стихи. Так что разрешите вас поздравить и пожелать еще много разных премий в Новом году.

– Боже мой, – вскричал на это Расул, – я хотел скрыть этот факт, чтобы скрыть от жены деньги, которые получу в качестве премии, а ты выдал меня!

Тут выяснилось, что он недавно награжден также премией итальянской Академии искусств за оригинальность поэзии. Мы дружно поздравили его и с этой премией. Тут кто-то спросил: почему его наградила Академия искусств.

– Я же артист, разве вы не знаете? – сказал Расул Гамзатович. – Я же начинал работу в Аварском театре в качестве суфлера.

– Как? – удивились все.

– Да, да. Хотите, расскажу?

Все потребовали рассказа.

– Это было еще в тридцатые годы, – начал он. – В то время театр только зарождался, артисты были в диковинку,

люди не привыкли к театральной игре и воспринимали все по-своему. В тот вечер один из артистов по ходу действия должен был обратиться к артистке со словами: «Голубка моя…». Артист вышел на сцену и, обращаясь к артистке, протянул к ней руки и с чувством произнес: «Голубка моя»… Тут вдруг из зала какая-то женщина взобралась на сцену, схватила артиста за руку и закричала: «Я тебе покажу голубку! А ну, пошли!..» — и утащила его со сцены. Позже выяснилось, что это была жена артиста, впервые попавшая в театр, которая решила, что ее муж решил ей изменить. Пока все, пораженные случившимся, стояли в растерянности: артистка – на сцене, постановщики – за сценой, не зная, что предпринять, замерли и зрители, – продолжал Расул Гамзатов, – я решил спасти положение. Вылез из суфлерской будки и, как был в чувяках на босу ногу, подошел к артистке, протянул к ней руки и сказал: «Голубка моя…». Зал разразился хохотом, зашелся аплодисментами, артистка пришла в себя, и спектакль благополучно покатился дальше. А я чуть было не стал артистом.

Все стали с шумом-гамом обсуждать артистический путь Расула Гамзатова. А Нина Викторовна подошла к полкам с книгами, достала томик Артура Хейли и попросила его у меня, чтобы прочитать.

– Нина, – сделав укоризненное лицо, сказал Расул. – Ну зачем тебе такое большое образование?..

Нина Викторовна тут же нашлась:

– Расул, – сказала она, – это не для образования, это для профессии, мне на хлеб.

Разговор перешел на книги. Все стали говорить, что в последнее время стало очень трудно приобрести хорошие книги, что некоторые люди стали ими спекулировать. А Расул вставил:

– Да, – сказал он, – я об этом слышал, поэтому хотел подписаться на весь тираж выходящего сейчас моего пятитомника, а потом заняться спекуляцией…

Все вновь засмеялись. Часам к десяти вечера стали собираться домой.

– Первой партией езжайте вы: Патимат, Патя и Слава – две женщины и один защитник. Второй партией будут Соля и Нина, тогда выйдет, что я у них – тоже защитник…

Все поднялись, стали шумно прощаться. А Расул внезапно спросил:

– А почему вы не спрашиваете, почем лапша?

– А почему мы должны спрашивать про лапшу? – удивилась Патимат Саидовна.

– А потому, – сказал Расул, – что когда горец только приезжает в Москву и входит в ресторан, он кричит официанту: «Еще бутылка давай!». Когда же он уезжает из столицы, то спрашивает: «Почем лапша?».

– Вечно ты со своими шутками, – сказала Патимат.

Патимат, Патя и Святослав Сергеевич одеваются и выходят из дома. После их отъезда мы возвращаемся в комнату. Расул замечает, что бутылка коньяка осталась почти нетронутой и говорит:

– Эх, бутылка, бутылка, если бы были прежние времена, я крикнул бы: давай вторую. А теперь ты почти полная стоишь одна-одинешенька…

Уходя, он вновь пошутил:

– Завтра приду вновь, раз так много осталось недопитого и недоеденного, тем более что ты так редко меня приглашаешь.

– Как же редко, – притворно возмутился я, – ведь я совсем недавно настойчиво приглашал вас…

– Ну да, недавно, – сказал Расул. – А, может, это было год назад?

– Как это год назад, – начал было я, но вдруг сообразил, что Расул просто «поймал» меня – ведь это действительно было в декабре «прошлого» 1981 года. Расул засмеялся и тепло попрощался с нами.

РАСУЛ БОЛЕЕТ В МАХАЧКАЛЕ

Следующая моя встреча с Расулом Гамзатовым состоялась 28 января 1982 года. Днем ко мне на работу пришли Зияутдин Айдемиров, зав. медслужбой писательской организации, и Лева, студент вечернего отделения Дагмединститута, исполняющий обязанности фельдшера, и сообщили, что Расул Гамзатович приболел и просил зайти меня.

– Горский поэт умирает, а ты не показываешься, – встретил меня Расул.

– Расул Гамзатович, я думал, что вы давно в Москве. Вы же сказали, что 14-го января уезжаете.

– Четырнадцатого? Нет, такого не помню. Может быть четвертого, но это будет в феврале. И зачем думать, когда можно каждый день звонить и интересоваться, жив ли я еще, – опять пошутил он и добавил: – Они (Расул показал на Зайнутдина и Леву) замерили мне давление, оно оказалось 140 на 90, и убили меня, решив положить в больницу, — трагический тон Расул дополняло скорбное выражение его лица.

Я понял, что настроение у него в этот раз было хорошее. На лице играла его знаменитая улыбка, глаза смотрели с лукавинкой.

Я измерил давление, Лева тут же снял электрокардиограмму. Все оказалось для его лет в пределах нормы, что еще добавило ему настроения. Но затем я прощупал печень и нашел, что она увеличена.

– Было бы удивительно, если бы она не увеличилась, – прокомментировал это сообщение Расул Гамзатович. – Эти лакские юбилеи меня довели до ручки (речь шла о предстоящем юбилее композитора Мурада Кажлаева, которому в то время исполнилось 50 лет).

Мы с врачами сели к столу и стали писать назначения.

– Патимат, – сказал Расул, – дай гостям немного выпить. И, обращаясь ко мне, добавил: – Я-то пить не буду. Ты науськал на меня Патимат, и я дал слово, что три месяца алкоголя в рот не возьму.

– Да ты уже много слов давал, но не помню, чтобы ты их сдерживал, – сказала Патимат Саидовна.

– В этот раз я твердо решил, — заявил Расул.

– Тем более, сегодня не стоит заниматься выпивкой, – сказал я. – Я за рулем, а остальным медикам нельзя по долгу службы.

– Раз вы так бережете свое здоровье, – опять пошутил Расул, – тогда, Патимат, дай нам: кому – кофе, кому – чай.

Разговор за чаем вновь коснулся юбилеев.

– Что хочешь делай, – сказал мне Расул Гамзатович, – но завтра я должен чувствовать себя хорошо, потому что не могу не быть на юбилее Мурада.

– Говорят, он сочинил кантату, где есть такие слова: «Гип-гип, ура, идет Мурад», – сказал я.

Расул заразительно смеется и говорит:

– Узнаю Мурада. Когда был мой пятидесятилетний юбилей, я прилетел накануне с какой-то конференции и едва успел привести себя в порядок, чтобы явиться на торжество. Мурад же к своему пятидесятилетию за полгода вперед всех поднял на ноги.

– Говорят, – продолжил я излагать сплетни, – Ширвани Чалаев отказался выступать на его вечере.

– Да они терпеть не могут друг друга, – сказал Расул.

– Кто же из них виноват?

– Знаешь, Мурад – тот тоньше, культурнее, в нем уже мало горского. Ширвани же – полный горец, но слишком уж гордый. Ну, подумай, он прислал письмо Мураду, в котором пишет: «Я не люблю тебя как человека и поэтому не могу выступить на твоем вечере». Как будто эти его патия и антипатия здесь кого-либо интересуют. Ты же председатель Союза композиторов Дагестана (Ширвани Чалаев в это время занимал этот

пост), так спрячь подальше свои амбиции и выступи от имени композиторов.

– Это, видимо, он сам понял, одумался и будет выступать, – сказал я (накануне я встречался с Ширвани и он сказал мне об этом).

– Да, – сказал Расул Гамзатович. Затем, немного помолчав, добавил: – Странный этот Союз композиторов. Я в своем Союзе стараюсь поднять молодежь, ищу ее, поддерживаю, подталкиваю молодых, стимулирую их рост, добиваюсь расширения Союза. А композиторы борются за то, чтобы никого не принимать в свой Союз, создают какие-то непонятные группировки. – И, улыбнувшись, добавил: – У меня сто писателей и ни одной группировки, а у них шесть композиторов и шесть группировок.

Незаметно разговор перешел на другие темы.

– Знаешь, я сегодня всю ночь не спал, – сказал Расул Гамзатович, – перечитывал Есенина, Маяковского, Лермонтова. Есенин велик, но у него много такого, что непонятно для чего написано. Маяковский сейчас для меня как поэт что-то не звучит. Лермонтов гигантом был и остался, хотя очень настоящ Тютчев (это именно так и было сказано — настоящ). Да, счастливцы, они умерли в молодом возрасте…

– Что же тут хорошего!? Толстой жил 80 лет, разве это плохо?

– Ну, он был слишком серьезным человеком, не то, что мы, поэты, – сказал Расул.

На этой ноте в тот день наша встреча и завершилась.

ЮБИЛЕЙ МУРАДА КАЖЛАЕВА

31 января 1982 года состоялся вечер, посвященный 50-летию Мурада Кажлаева. Расулу Гамзатову дали слово сразу после выступления председателя Союза композиторов Ширвани Чалаева.

Расул вышел к трибуне, двумя руками поднял над головой красную папку приветственного адреса и сказал:

– Дорогой друг Мурад. Прежде всего хочу выполнить поручение. Наш многочисленный коллектив писателей прислал этот адрес тебе. Здесь не написано ничего плохого, поэтому не заставляй меня его зачитывать… От себя скажу: то, что ты есть у нас — это большая удача для Дагестана. Я очень рад, что ты такой молодой, а так много успел сделать. Мы говорим присутствующей здесь Елене Михайловне спасибо за то, что вернула нам родившегося в Баку дагестанца. Она нарекла новорожденного Мурадом, что означает «желанный». Я думаю, Елена Михайловна не обидится, если я скажу, что Мурад желанный не только для нее, но и для нас, для всего Дагестана. Мурад, сын дагестанца, был воспитан Бакинской консерваторией, но он вернулся на родину и прекрасно выполняет здесь заветы дагестанского народа. Когда у нас кто-то отправляется в путь, ему дают наказ: «Что у нас хорошее – возьми туда, что там хорошего — привези сюда». Ты взял все, что есть хорошего в дагестанской музыке и подарил всему миру. Домой же ты принес музыку и ритмы разных народов, сделал их родными для нас, приобщил Дагестан к музыке мира. Молодец, Мурад! Еще Толстому понравилось горское «долалай», хотя он и не понимал его смысла. Ты сделал понятным для всех это наше «долалай». Я не знаю, что появилось раньше — слово или музыка. Наверное, это два крыла, нужные для полета. Конечно, бывает музыка без слов и слова без музыки. Но только с появлением музыки слова приобретают крылья. Дорогой Мурад! Ты пришел в мир не для того, чтобы нравиться кому-то, а чтобы пойти своей тропой. Для того, чтобы издали было видно, сын какого народа идет, я дарю тебе бурку!

Расул накинул бурку на плечи Мурада Кажлаева, тот состроил грозную рожу, лихо подкрутил усы и положил руки на «кинжал». Зал долго аплодировал.

ВНОВЬ В БОЛЬНИЦЕ В МАХАЧКАЛЕ

Следующий раз наша встреча с Расулом Гамзатовым состоялась вновь в больнице, куда он поступил из-за простуды и повышения давления. Когда я вошел, Расул, как всегда, встретил меня шуткой:

– Мне теперь придется чаще болеть, чтобы мой друг Ибрагим заходил ко мне, – сказал он, когда я поздоровался.

– Как самочувствие, как спали, – спросил я.

– Да они же тут усыпляют меня таблетками, чтобы я никуда не ходил, – стал жаловаться Расул.

– Да, – сказала Патимат, – тебя удержишь. Он никого не слушается и прямо раздетый выскакивает во двор. Недавно распарился в бане и тут же, в одной рубашке, выскочил на улицу провожать кого-то, вот и простыл.

Осмотр показал, что в легких ничего особо серьезного нет, явления бронхита, а давление повышено умеренно.

Сообщаю ему об этом, делаю назначения.

— Ну, хватит нам медицины, пойдем завтракать, — говорит Расул. — Правда, у нас завтрак скудный, без мяса…

В это время вошел Зияутдин Айдемиров. Еще до того, как стал работать зав. медслужбой писательской организации, он написал несколько рассказов и повесть. А когда он стал работать в организации врачом, его приняли в члены Союза писателей. Расул шутил по этому поводу: «Приняли его на свою голову в Союз. Если и прежде он мало думал о медицине, то теперь совсем ее забыл и думает только о литературе».

В этот раз Расул сразу обратился к нему:

– Ты сказал Абакару (одному из писателей), чтобы вечером он принес бурку и адрес на торжественное заседание.

– Нет, – ответил Зияутдин.

– Почему? Ты что, сразу домой уходишь?

– Как сразу, – растерялся Зияутдин.

– Ну, как? Приходишь на работу в 11, а уходишь в 12, – пояснил Расул, подмигивая мне.

– Да нет, что вы, – начал оправдываться Зияутдин. – Я просто вчера был у Ибрагимхалила, а быть у него – значит потерять целый день.

– А кто это, – поинтересовался я.

– Старый революционер, немного пишущий, – пояснил Расул. – Энгельс говорил, что англичане переходят из социалистов в либералы в сорокалетнем возрасте, а наш Ибрагимхалил остается революционером в восемьдесят. Хотя все это – дело вкуса. Например, Берлингуэр – сам коммунист, жена – социалистка, невестка или дочь – христианская демократка, а сын – еще кто-то. Пять человек – четыре партии.

В это время проведать Расула зашел поэт Владимир Портнов, и разговор переместился на писательские и неписательские разные разности. Зияутдин вспомнил, что Владимир Солоухин где-то цитировал высказывание Расула, вложенное им в уста одного из старейших лакских поэтов, Абуталиба – «Если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки», – как восточную мудрость.

– Солоухин прекрасно знал, откуда взялось это высказывание, но я рад, что мои мысли становятся «восточной мудростью», – пошутил Расул.

– По-видимому, это самая высокая оценка писателя или поэта, если его мысли становятся народной мудростью, – сказал я.

– Да… прошлое, – задумчиво сказал Расул Гамзатович. – На костях лучших людей оно построено, это прошлое… Ладно, оставим эту тему, лучше расскажи мне, узнику этих стен, как там – на воле, – обратился он ко мне.

Я рассказал ему то, что знал, и мы расстались.

НА ДАЧЕ

22 июля 1982 года Расул Гамзатович заболел и прислал за мной машину с Ле-

вой. Мы забрали с собой электрокардиограф и покатили к нему на дачу возле селения Манас, на берегу Каспия.

Дача – двухэтажное, довольно скромное здание. Расул был на первом этаже и встретил меня, как всегда, шуткой:

– Не уберегли Расула, – сказал он, делая скорбное лицо, и добавил: – Какая-то полоса наступила – больше болею, чем живу. Работы – край непочатый, а выполнить ее не могу.

Мы поднялись на второй этаж, в спальню. Расул сел на кровать и спросил:

– Ты когда приехал из Москвы?

– Вчера.

Расул изобразил на лице испуг и сказал Леве:

– Ибрагим только что с дороги, а ты вытащил его ко мне.

Я встречался с Расулом много десятков раз, при самых тяжелых для его здоровья обстоятельствах, и не помню, чтобы он когда-либо терял чувство юмора. И на этот раз было так же, однако было видно, что он несколько угнетен состоянием своего здоровья. Лицо его было чуточку отечным, несколько покрасневшим.

Осмотр выявил, что имеется на исходе ангина, осложненная глубоким бронхитом или очаговым воспалением легких. В целом же состояние не было тяжелым. По мере того, как я давал оценку его состоянию, Расул Гамзатович значительно оживлялся, становился активнее. Сняли электрокардиограмму, и она оказалась даже лучше, чем обычно. Когда я сообщил ему об этом, он вовсе обрадовался, энергично сел в постели и спросил:

– Можно мне завтра поехать к армянам? Приехали мои друзья – Бабаджанян, Мирзоян с делегацией музыкальных деятелей, я же не могу с ними не встретиться.

Я сказал, что это нежелательно.

– Ну, а в Москву мне полететь можно?

– Когда?

– Ну, хотя бы двадцать третьего июля.

– Но ведь двадцать третьего – это завтра.

– Ай-я-яй! Я как-то не подумал. А двадцать четвертого?

– Если это очень обязательно, я что-нибудь придумаю, – сказал я.

– Обязательно или нет: теперь зависит не от меня, а от тебя, – сказал Расул Гамзатович. – В Москву пришел Марш мира. И там должен состояться ряд встреч. В том числе должна быть беседа о женщинах. Мне, как знатоку женщин, – лукаво улыбаясь и принимая горделивую позу, сказал Расул, – предстоит вместе с Валентиной Терешковой обсудить этот вопрос.

– Причина веская, – соглашаюсь я, – но окончательное решение примем завтра. Пока же сделаем уколы.

Лева собирается делать укол. По окончании инъекции идем вниз – пить чай. Заходит разговор о писателях Дагестана, и я сказал:

– Слышал, что Портнов уезжает в Москву. Наверное, ему поначалу будет трудно. По-видимому, он надеется на помощь Вацлава Михальского, который, говорят, там неплохо устроился…

Я хотел добавить «и на вас», но Расул опередил меня:

– Скорее, он надеется на меня, – сказал он. – Я, наверное, не откажу, но что-то очень уж непонятным мне становится поведение некоторых писателей. Я бегаю, делаю для них все, а они принимают все это как нечто само собой разумеющееся. Тот же Портнов, наверное, мог бы устроиться лучше, если бы заранее со мной посоветовался, а так он что-то все делает тайком.

Мы засиделись за разговором и уехали домой поздним вечером.

В БОЛЬНИЦЕ В МОСКВЕ

Приехав как-то в Москву зимой, в декабре, я узнал, что Расул Гамзатович лежит в больнице, и решил его проведать.

Расула я застал сидящим за столом, заваленным исписанными листами бумаги.

– О, друг, приветствую тебя, — вскричал он и по обыкновению обнял и расцеловал меня. И тут же, что называется, с места в карьер, продолжил: – Хорошо, что ты пришел. Сейчас ты выслушаешь и исправишь мое сегодняшнее выступление на вечере, посвященном 85-летию Фадеева.

Не дав мне вымолвить ни слова, он взял исписанные листы со стола и начал читать. Текст поражал, как и все, что выходило из-под его пера в часы вдохновения. Великолепие Расула, образность Расула, глубина Расула, неожиданные повороты мысли и находки Расула воссоздавали яркий образ Фадеева.

Сидя в кресле, Расул по-озорному перекинул одну ногу через ручку кресла и в такт чтению покачивал ею. Одновременно он жестикулировал правой рукой: то вытягивал ее вперед, когда говорил о деяниях Фадеева, то стремительно рассекал воздух рукой, рассказывая о военном периоде его жизни, то сжимал пальцы в кулак и, подняв его высоко над головой, грозил им невидимым врагам Фадеева, а то – голос его звучал ровно и спокойно, когда он говорил о равенстве для Фадеева людей всех национальностей. Лицо Расула также отражало все движения его духовного состояния: то делалось мягким и нежным, то изображало гнев и возмущение.

– Многие говорили, что Фадеев сделал ошибку, согласившись исполнять несвойственную ему работу в секретариате Союза писателей, – гремел голос Расула Гамзатова. – Лучше бы, говорили они, Фадеев всего себя сосредоточил на писательской деятельности. Но, – голос и кулак Гамзатова вздымались вверх, – Фадеев, что бы он не делал, парил орлом, а не чирикал воробьем, и его ошибки для родины и народа были полезнее, чем все дела иных его критиканов.

Мне запомнилось, что все им написанное было взято не из книг или из статей. Свое мнение о Фадееве он извлекал из своего сердца, из своей памяти, своего ума.

– Ну, как? – спросил он меня после окончания чтения.

– Пожалуй, лучше сказать невозможно, – ответил я.

– Ну, раз ты, человек, которому от меня ничего не нужно, так говоришь, значит, что-то получилось.

– Будет ли напечатано это выступление? – спросил я.

– Нет, наверное. Да это и не главное для меня. Ладно, давай оставим эту тему и попьем чай.

Принесли чай для меня и кофе для Расула. После того, как они были выпиты, я решил, что настало время заняться делом.

– Как поживаете, что сказали здешние врачи о здоровье?

– Они говорят, что неудобно чувствовать себя очень здоровым в этом больном мире, – отшутился он и добавил: – Но я скоро выздоровею – меня лечит очень красивая врач, поэтому я не могу не выздороветь.

Затем Расул спросил меня:

— А ты знаешь, что здесь лежит Умаханов и его жена? Если хочешь, пойдем проведаем их.

Мы поднялись на пятый этаж. Магомед-Салам Ильясович встретил нас сердечно, обнял и усадил за стол. После обычных расспросов про здоровье, Расул Гамзатович спросил Умаханова, где тот собирается встречать Новый год. Наверное, дома, у сына, ответил тот.

– Ну что вы, давайте, съездим в «Континенталь», — предложил Расул.

– Нет, – возразил Умаханов. – Кто же встречает Новый год в рестора-

не? Его надо встречать дома, в семейном кругу. Я всего один раз в жизни встречал этот праздник в ресторане. Это было в Баку, в дни моей молодости.

– Вот видите, я тоже человек еще молодой, – в шутливом тоне вскричал Расул. – Я должен встретить Новый год в шумном месте.

Умаханов посмеялся, и мы вскоре вернулись к Расулу в его палату.

– Я сейчас вызову машину, подвезу тебя, а сам поеду на вечер Фадеева, – сказал он.

Одевшись, он осмотрел себя в зеркале и неожиданно спросил:

– Ну, как тебе мой вид?

– Хороший.

– Хороший или отличный? То-то же, – довольно сказал он, когда я подтвердил, что его вид может быть оценен «на отлично».

Мы вышли на улицу и стали прогуливаться у ворот, в ожидании машины. Выходящие сотрудники больницы узнавали и приветствовали Расула Гамзатовича. Одна из врачей спросила его:

– Расул Гамзатович, где вы будете встречать Новый год, наверное, дома?

– И дома, и в ресторане, и здесь, и всюду, где есть хорошенькие женщины. Я не могу встречать Новый год в одном месте, – ответил он. – Когда женщины смеясь отошли, Расул Гамзатович улыбаясь сказал мне: – На новый год я должен целовать женщин, а тебе это не обязательно.

– За что же мне такое наказание, а вам такая награда, – пошутил я.

– А за то, – сказал Расул Гамзатович, – что ты пишешь о лечении и соединяешь свою теорию с практикой, леча больных. Я же пишу стихи о любви, и если я не буду целовать женщин, то окажусь голым теоретиком, и женщины перестанут читать мои стихи.

Тут он вспомнил, что сегодня (24 декабря) его жене Патимат исполнилось 50 лет. Я знал, что она находится дома, в Дагестане, и поэтому спросил:

– А вы телеграмму ей послали?

– Конечно, послал, – ответил он. – И следующего содержания: «Дорогая! Поздравляю тебя со стосорокадевятилетием своего рождения. Из них тридцать семь ты посвятила мне, двадцать два года — Зареме, двадцать — Пате, семнадцать — Салихат и три — Шахришке. Я еще никогда не видел такой красивой стосорокадевятилетней именинницы. Твой Аполлон — Гамзатов».

Тут подъехала машина, мы сели в нее и поехали в город, где он сердечно попрощался со мной и пошел в ЦДЛ, а я поехал домой к брату.

РАСУЛ ГАМЗАТОВ ШУТИТ

ХАНСТВО, СМЕШАННОЕ С ХАМСТВОМ

Характеризуя некоторых наших начальников, Расул Гамзатович сказал:

— У этих людей ханство смешано с хамством.

— А может, они ханского рода? — спросил я.

– Если бы! Они даже вблизи ханов не стояли. Но почему-то хотят быть ханами.

ПЯТЬ РЮМОК

По какому-то событию сидим у Расула Гамзатовича в его новом доме по улице Чернышевского. Я – не любитель спиртного. Поэтому, выпив первую рюмку, вторую я только поднимаю и собираюсь ставить на стол. Расул делает огорченное лицо и говорит:

— На одной ноге не ходят.

Я понимаю намек и выпиваю вторую рюмку. А третью поднимаю, но уже решительно ставлю на стол.

Расул Гамзатович смотрит на рюмку и говорит:

— Две рюмки пьют только на похоронах.

Сказать мне нечего, приходится выпить и третью. Мне тут же наливают четвертую.

— Ну, уж четвертую можно, наверное, не выпить, — говорю я.

Ты же человек основательный, на которого можно опереться, — говорит Расул. — У устойчивого стула 4 ноги, следовательно, опора требует четвертой.

Пьем по четвертой.

Я сижу и думаю: «Ну, теперь-то все». Но Расул Гамзатович говорит:

– Подними свою руку — видишь, на здоровой руке должно быть пять пальцев. Да и у кремлевской звезды пять лучей. Не откажешься же ты выпить за нашу пятиконечную звезду.

Как тут не подчинишься!

БОЛЬШОЙ НОС

Дагестанский педагогический институт. Вечер поэзии. Расул Гамзатов отвечает на вопросы.

Какой-то ехидный голос из зала:

— Расул, все у тебя хорошо, вот только нос большой.

Ни минуты не задумываясь, Расул Гамзатович отвечает:

— О-о! Большой нос это очень хорошо. Вот недавно я ехал в Хунзах, случилась авария. Нос разбился, зато я остался невредимым!

Зал так и покатился со смеху.

ХОРОШИЙ ЯЗЫК

Расул болеет. Врач говорит Расулу:

— Покажите язык.

Расул высовывает язык.

Врач смотрит на язык и говорит:

— Да, язык у вас нехороший.

Расул делает удивленное лицо и говорит:

— Как же так? Почему же читатель все время говорит, что язык у меня хороший?

А ОН НЕ ИЗ НАШЕГО АУЛА

На XIV съезде писателей Дагестана Расул Гамзатович делает доклад. Разумеется, он, как всегда, говорит, а не читает по бумажке. В один из моментов, он стал перечислять известных дагестанских писателей:

— Сулейман Стальский, Гамзат Цадаса, Омарла Батырай, Эффенди Капиев, Рабадан Нуров, Ирчи Казак... – сказал он и тут, видимо, сбился с мысли и запнулся.

В это время, какой-то остряк из зала крикнул:

— Абдуллаев!

Разумеется, что никакого такого известного писателя Абдуллаева у нас не было, но остряк, по-видимому, решил испытать Расула на прочность.

Однако Расул среагировал мгновенно:

— А он не из нашего аула, — сказал он.

Зал захохотал и зааплодировал, а Расул продолжил свою мысль:

— ...Ахмедхан Абу-Бакар, Мугутдин Чаринов...

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ГИМНАСТИКА

Как-то, придя к Расулу Гамзатовичу, я сказал:

— Расул Гамзатович, кажется, Народное собрание сегодня у нас формировало новое правительство.

— Да, да, — сказал Расул. — Они сегодня занимались производственной гимнастикой.

— Как так? — спросил я.

А очень просто, — ответил Расул Гамзатович. — В бытность моей работы в Президиуме Верховного Совета нам зачитывали всякие решения, которые были уже давно приняты наверху. А мы должны были проголосовать за них. Вот это мы тогда и называли производственной гимнастикой. Сегодня у нас то же самое: кого и кем поставить – уже давно решено наверху, а Народное собрание производственной гимнастикой только занимается...

Где бы и как бы не свела судьба с Расулом Гамзатовым, это останется в памяти человека навсегда. Своими впечатлениями о встречах с поэтом делится начинающий литератор, недавний выпускник Литинститута Джабраил Алиев.

МОИ ВСТРЕЧИ С ПОЭТОМ

Лет 15 назад, прочтя книгу Расула Гамзатова «Мой Дагестан», я был поражен искренностью этого произведения. Самобытная и неординарная летопись о Дагестане, о людях, о совести человека перед самим собой и обществом. Настольная книга для молодого поколения. А затем и мне посчастливилось встречаться с патриархом современной дагестанской литературы.

ВСТРЕЧА ПЕРВАЯ

Лето 1981 года. Жаркий полдень, август. Мы с приятелем шагаем по проспекту Калинина в Махачкале. Настроение прекрасное. Недавно нам обоим исполнилось по 16 лет, и оба мечтаем стать великими писателями.

Проходим мимо парка имени 50-летия Октября и видим много народу. Оказывается, в этот день было намечено открытие летнего кинотеатра «Победа» (сейчас это заброшенное строение). Ждали приезда Расула Гамзатова. Присоединились к толпе и мы. А неподалеку паслась лошадь, очень красивая. Вся белая, как ранний чистый снег, только на лбу несколько черных крапинок. Она мирно щипала траву, временами взбрыкивая, видимо, отгоняла назойливую мошкару.

Через полчаса приехали почетные гости и среди них Расул Гамзатов. Оркестр сыграл праздничный туш, и на трибуну взобрался, тяжело дыша, довольно полный мужчина, какой-то чиновник из министерства культуры. Его большая лысая голова ярко блестела под лучами солнца, и он то и дело отирал ее носовым платком.

О чем говорил чиновник, я не помню. А вот речь Расула Гамзатова запомнил. Поэт сказал несколько слов о кинотеатре, о том, насколько он необходим людям, которые летними вечерами отдыхают в парке. Потом речь зашла о Дагестане, достоинствах республики. Расул Гамзатов стал рассказывать, как в давние времена наши джигиты похищали на лошадях грузинских красавиц, и в этот момент та самая лошадь вплотную подошла к толпе. Ее белая голова с черными крапинками высилась над людьми как монументальное изваяние. Директор кинотеатра засуетился, пытаясь лошадь отогнать, то и дело удивляясь, как она незаметно сумела пройти в открытые двери. А Расул Гамзатович пошутил:

– У нас, как мы видим, не только люди увлекаются кино, но даже и лошади.

Директор после этих слов забегал еще шустрее, подгоняя «белую красавицу» тонкой хворостинкой.

Когда мероприятие подошло к завершению, мы с приятелем прокладывая себе дорогу локтями, ринулись навстречу Расулу Гамзатову. На счастье у меня в руках была какая-то книга, а у приятеля оказалась тетрадь. Мы попросили автограф и гордо заявили, что тоже хотим стать писателями. Расул Гамзатович внимательно посмотрел на нас и сказал:

– Для этого надо много учиться.

– Мы учимся, – дружно ответили мы.

Приятель писателем так и не стал. Он поступил в политехнический институт и выучился на инженера. А я через несколько лет все-таки поступил в Литинститут.

ВСТРЕЧА ВТОРАЯ

После окончания школы я устроился в Махачкале на работу в типографию имени Кирова наборщиком. Тогда все книги и журналы набирались вручную, и художественной литературы выпускалось довольно много. Часто в типографию наведывались писатели, чтобы узнать, насколько успешно набирается его книга. Помню, приходил Сугури Увайсов. Осведомившись, насколько быстро идет набор его произведения, он выходил на балкон и долго, о чем-то задумавшись, стоял там. Причем прогулка на балкон совершалась у него как летом, так и зимой. Из-за этого Увайсова рабочие называли «задумчивый писатель».

Поэт Адалло появлялся обычно по утрам. Напоминал он мне английского денди. Неизменно в белом шарфе. На голове широкополая фетровая шляпа, в руках трость, скорее всего изделие кубачинских мастеров. Разговор о публикации своей книги вел с пристрастием. Торопил, обещал магарыч. На его лице никогда нельзя было увидеть улыбки. Оно всегда было мрачным и напоминало неотесанный бутовый камень. Тот год был для него юбилейный. Книга должна была выйти к 50-летию, на дворе был 1982-й год. Помню, книга его вышла в срок. Адалло сухо поблагодарил коллектив, сказал, что принесет магарыч, но так и не принес.

А в один из зимних дней в типографию пришел Расул Гамзатов. Его сопровождали какие-то люди. Было это, кажется, под Новый год. Поэт поздравил всех с наступающим праздником и пожелал всяческих успехов. Запомнилось, что только Расул Гамзатов не спрашивал, насколько быстро идет верстка его книги. А набирали мы тогда его поэму «Берегите матерей». Все обступили поэта, задавали вопросы. Потом попросили прочитать стихи. Один из сопровождающих заметил, что поэт торопится. Но Расул Гамзатов сказал, что просто так не уйдет, и действительно прочитал одно стихотворение на русском языке. Потом коротко рассказал о своей поездке на Кубу, и о встрече с легендарным революционером Че Гевара.

ВСТРЕЧА ТРЕТЬЯ

В армии я служил в ракетных войсках на полигоне «Плисецк». Это в Архангельской области. Там почти всегда холодно. Часто любили шутить: июнь еще не лето, июль уже не лето. Кругом тайга на многие километры. Иногда зимой по утрам совсем не выходили на зарядку, так как мороз стоял под 50 градусов. В общем, не служба была, а скука смертная.

И вот однажды заместитель командира по политической части объявляет, что ожидается приезд писателей. Солдаты обрадовались: хоть какое-то новое событие. Прошла неделя, вторая, месяц. Наконец, командир построил солдат и торжественно строгим голосом, сказал, что вести надо себя прилично, внимательно слушать, о чем будут говорить писатели.

После обеда полк направился в клуб. Меня как комсорга назначили распорядителем. Я должен был проследить, чтобы никто не убежал обратно в казарму. А если таковой найдется, то объявить ему комсомольское взыскание. Но желающих уйти не нашлось. Всем хотелось увидеть живых писателей. В общем, в клуб я вошел уже последним.

На сцене выступал старейший русский писатель Леонид Леонов. В то время ему уже было 85 лет. Но выглядел он очень бодро. Рассказывал, в основном, о том, как начиналась его литературная деятельность, и как ему довелось воевать в гражданскую войну. Потом поведал о своих встречах с поэтом Сергеем Есениным и писателем Дмитрием Фурмановым, автором легендарного романа «Чапаев».

Когда Леонид Леонов завершил выступление и медленной старческой походкой удалился за кулисы, к моему удивлению вдруг объявляют, что выступать будет Народный поэт Дагестана Расул Гамзатов. Поэт прочитал на аварском языке три стихотворения, которые поочередно переводчик тут же переводил на русский язык. После этого ансамбль «Меридиан», который приехал вместе с бригадой писателей, исполнил песню «Журавли».

Выступил и прозаик Виталий Закруткин. Он тихим голосом рассказал о своей дружбе с Михаилом Шолоховым, который в тот год, совсем недавно, умер (1984 год).

Всем писателям перед отъездом сделали какие-то подарки. Расулу Гамзатовичу досталась солдатская шапка-ушанка и китель.

ВСТРЕЧА ЧЕТВЕРТАЯ

В сентябре 1991 года я отобрал несколько своих рассказов и отправился в Союз писателей, в русскую секцию. Встретила меня поэт и переводчик Марина Ахмедова. Она оставила рассказы у себя и попросила, чтобы я пришел через два дня. В назначенный день должно было состояться заседание Союза писателей.

– Смотри обязательно приходи. Поговорим о твоих рассказах, – сказала Марина Анатольевна.

Я был удивлен:

– Но ведь я не член Союза писателей.

– Все равно. Посидишь, осмотришься, увидишь, как проходят заседания.

Через два дня я был в Союзе писателей. Приехал за полчаса до начала. Литераторы сновали по коридору, курили, шумно переговаривались. Ко мне подошла Марина Ахмедова и сказала, что мои рассказы обсудим после собрания.

Приехал Расул Гамзатов. Так получилось, что все писатели выстроились вдоль стены. Мне ничего другого не оставалось, как тоже встать в «строй». Расул Гамзатов поочередно поздоровался с каждым за руку. Он напоминал умудренного в сражениях полководца, который совершает обход своей армии. Во всяком случае, тогда мне на ум пришло именно это сравнение.

На заседании обсуждались обычные насущные проблемы. Невыплата гонораров, резкое сокращение печатной продукции, низкие зарплаты литераторов. Хорошо помню, как тогда старейший писатель (ныне покойный) Хизгил Авшалумов грустно проговорил:

– За публикацию последней книги я получил гонорар 3 тысячи рублей, столько стоят туфли, которые мне понравились вчера в магазине. Сегодня пойду их покупать.

Наступило тягостное молчание. Еще три года назад за хороший гонорар можно было купить автомобиль «Москвич».

Потом Муталиб Митаров (старейший поэт) сказал, что хотя коммунистическая партия и распалась, но он до конца останется в душе коммунистом. Его приветствовали дружными аплодисментами. Но Митаров никак на них не среагировал. Выражение его лица оставалось каменным.

– Пять лет лежит в издательстве моя рукопись, – раздраженно воскликнул он. – Видимо, еще пять лет будет там пылиться.

Опять наступило молчание. Как я заметил, тягостные паузы во время заседания наступали часто. В конце его Расул Гамзатов предложил выбрать семь человек на какой-то московский форум. Кого именно выбрали, сейчас не помню.

Все это действо проходило грустно и тихо. Наступала великая ломка. Ломка в умах, в душах, в идеологии. Так же грустно и безмолвно все разошлись после заседания. Только я и Марина Ахмедова задержались ненадолго, чтобы обсудить мои рассказы. Спустя неделю они стали публиковаться в газетах и журналах. Самый большой гонорар я получил в размере 25 рублей. Такова была стоимость в конце 1991 года одной буханки хлеба.

ВСТРЕЧА ПЯТАЯ

Через два года, в 1993 году, я по какому-то незначительному делу зашел в Союз писателей. Там царила суматоха. Из комнаты в комнату перетаскивали стулья и столы. Громко разговаривали. Иногда громкий говор переходил даже в крик. Всем распоряжался сухощавый, чуть сгорбленный пожилой мужчина в больших роговых очках и с тощей бородой, похожей на уголок домотканой скатерти. Очкарик был каким-то уполномоченным из Москвы. В тот день, как оказалось, отмечали юбилей Расула Гамзатова. Исполнилось тогда поэту 70 лет.

Я постучался в дверь и вошел в кабинет председателя Союза писателей. Посреди комнаты стоял стол, а на нем размещались напитки в красивых бутылках, фрукты. Поэт сидел на мягком кожаном диване. У стола хозяйничала незнакомая мне молодая женщина. Она была очень красива. Шикарные темные волосы до плеч, отточенные брови, изящный породистый нос, чувственный рот. Одним словом – красавица. Я поздоровался с Расулом Гамзатовым, кивнул женщине. Чувствовал я себя неловко. Попал на день рожденья к знаменитому поэту, а сам без подарка. Но тут, к счастью, вспомнил, что у меня в портфеле есть ручка знаменитой фирмы «Паркер», позолоченная, которую я месяц назад купил в Петербурге, когда был там в командировке. Ее я и вручил поэту, поздравив его с юбилеем.

Расул Гамзатов предложил открыть шампанское, разлить по бокалам. Разлили. Выпили. Тут я некстати заговорил о том, как нам, молодым, трудно сейчас печататься, и что денег за опубликованное совсем не платят. Поэт согласился.

– Знаю, молодым трудно в литературе. Но сейчас всем трудно. Как выбраться из этой ситуации, я пока, к сожалению, не знаю. Многое зависит от центра, от Москвы.

Расул Гамзатов тяжело вздохнул и откинул назад седую голову. Я понял, что не надо было касаться проблем молодой литературы. Тем более – в день юбилея. Сейчас, вспоминая ту встречу десятилетней давности, отчетливо вижу перед собой утомленную временем и жизнью фигуру поэта. На его лице, как мне показалось, была печать глубокой усталости. И вся эта суматоха, подготовка к празднику представлялись ему совершенно лишними и ненужными. Впрочем, это, может, мне только казалось.

ВСТРЕЧА ШЕСТАЯ

Когда я поступил в Литературный институт (1994 г.), мне понадобилась справка, что я действительно в нем учусь. Тогда я работал в редакции газеты «Молодежь Дагестана». Когда Мирза Давыдов (тогда заместитель председателя Союза писателей) выписывал мне эту справку, сказали, что приехал Расул Гамзатов. В комнате кроме меня и Мирзы Давыдова находился еще и Магомед Ахмедов. Расул Гамзатов поздоровался со всеми, потом спросил, обращаясь ко мне, где я работаю. Я ответил. А Магомед Ахмедов добавил, что я недавно поступил в Литературный институт. Расул Гамзатов пожал еще раз мне руку и сказал:

– Сейчас у нас не так часто поступают в Литературный институт, поэтому предлагаю это отметить.

Тотчас сбегали в магазин. Пришли писатели из других секций. В комнате заместителя накрыли стол. Была водка и коньяк. Расул Гамзатов от водки отказался, а вот коньяк выпил с удовольствием. А затем спросил меня, какой мастер проводит в институте творческие семинары. Я сказал, что Николай Семенович Евдокимов. Расул Гамзатович был удивлен. Оказалось, что когда-то они учились вместе. А в 1952 году Николай Евдокимов приезжал в гости к своему дагестанскому другу в Махачкалу. Когда я уехал в Москву и рассказал о своем разговоре с Расулом Гамзатовым Евдокимову, то преподаватель замахал руками:

– Видишь ли, Джабраил, я к своему однокашнику в гости приезжал, а он ко мне еще нет. Я немного в обиде. Но передавай привет Расулу Гамзатовичу.

Помнится, при очередной встрече привет я передал, а Расул Гамзатович улыбнулся и сказал:

– Пусть Николай Евдокимов не обижается. Он ко мне в Махачкалу приехал один раз, а я к нему в Москву, получается, приезжаю каждый год. Правда, видимся, действительно редко. Поедешь в Москву – передай ему тоже привет.

Так, пока учился в Литинституте, я являлся своего рода курьером. Приезжая в Москву, передавал привет Николаю Евдокимову, а когда в Махачкалу – Расулу Гамзатову.

ВСТРЕЧА СЕДЬМАЯ

Летом 2001 года я работал в газете «Дагестанская правда» и получил задание подготовить материал о Расуле Гамзатове. В Союзе писателей мне сказали, что поэт чувствует себя неважно, и попросили придти завтра. На следующий день мне сказали, что Расул Гамзатов ждет меня у себя дома. Через полчаса я был у него в гостях.

Расул Гамзатов сам встретил меня и предложил пройти в зал. Чувствовал он себя уже хорошо. Меня хотели угостить вином, но, оказалось, что его выпили гости, которые были до моего прихода. Расул Гамзатов не преминул пошутить:

– Вино выпили, а поблагодарить забыли, обычно так лучшие друзья и поступают.

Решили пить чай. Разговор зашел о прошедшем недавно X съезде писателей. Поэт отметил, что съезд был очень нужен, хотя прошел он не лучше и не хуже других съездов и всех накопившихся проблем, конечно, не решил. Также посетовал, что в Союзе писателей практически нет молодых прозаиков и поэтов.

– С чем это связано? – спросил я.

Расул Гамзатов помолчал и удрученно вздохнул:

– Сейчас не принимают в Литературный институт тех, кто не пишет на русском языке. Это, конечно, плохо. Получается, что в свое время ни Чингиз Айтматов, ни Кайсын Кулиев, ни я не смогли бы в нем учиться. К сожалению, времена изменились, видно, изменились и люди.

– Но есть что-то, что вас радует сегодня?

Лицо Расула Гамзатовича преобразилось, он улыбнулся:

– Меня радует, что наконец-то отремонтировали здание Союза писателей. Теперь я даже могу оставаться ночевать у себя в кабинете.

Это была, конечно, шутка. Смеялся Расул Гамзатов от всей души. Он мог радоваться как ребенок долгожданному подарку. В таком хорошем расположении духа я не видел поэта давно.

ВСТРЕЧА ВОСЬМАЯ

Как-то в начале февраля 2002 года позвонили мне в «Дагестанскую правду» и сказали, что через неделю должно состояться собрание молодых литераторов. Звонил лезгинский поэт Жамидин.

– Желательно и тебе быть там, ведь ты недалеко ушел от молодых. Кстати, сколько тебе лет?

– Недавно исполнилось 37.

– Ну и хорошо. И материал подготовишь в газету, будет выступать Расул Гамзатов.

В вестибюле здания Союза писателей собралась молодежь, около 25 человек. Девушки и парни разного возраста. Было им где-то от 18 до 30 лет. Все, конечно, жаждали увидеть мэтра дагестанской литературы. Но сказали, что Расул Гамзатович задерживается. И тут молодые поэты, чтобы не терять времени, стали читать друг другу стихи. Постепенно чтение превратилось в дискуссию. Тема была довольно банальна: чьи стихи лучше? Потом дискуссия переросла в жесткую полемику. В результате один поэт не выдержал и замахнулся на другого, последний не остался в долгу. Их тут же кинулись разнимать. В этот момент приехал Расул Гамзатов и стал невольным свидетелем шумной потасовки. Он внимательно оглядел молодую литературную поросль и, обращаясь к драчунам, строго сказал:

– Если вы точно так же будете добиваться творческого мастерства, то тогда я вам действительно скажу «молодцы».

Впоследствии на собрании благодаря Расулу Гамзатовичу был сформирован оргкомитет молодых писателей. Председателем был избран молодой лезгинский поэт и переводчик Фазир Джаферов. Появилась у молодых и своя газета «Литературный Дагестан» Правда, на ее страницах иногда появляются не совсем зрелые произведения молодых. Об этом обмолвился и сам Расул Гамзатов, выступая еще на X съезде писателей. А недавно, выступая перед студентами отделения журналистики филфака ДГУ, поэт признался, что «быстропечатанием» грешат, увы, не только молодые…

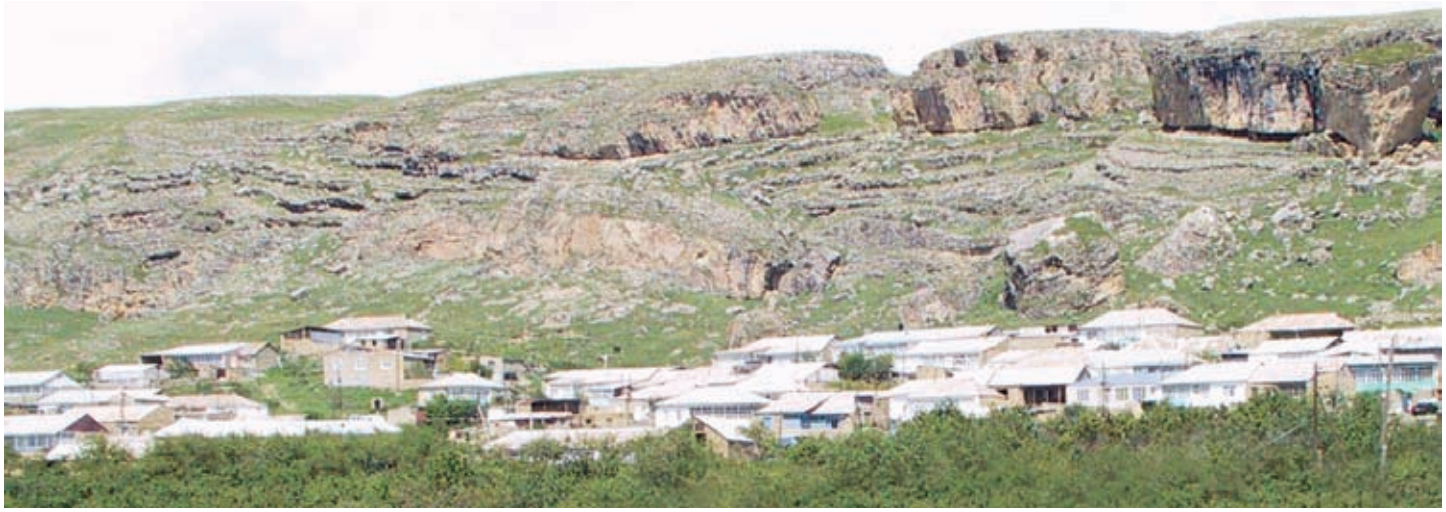
Расул Гамзатов – в семье и на трибуне.

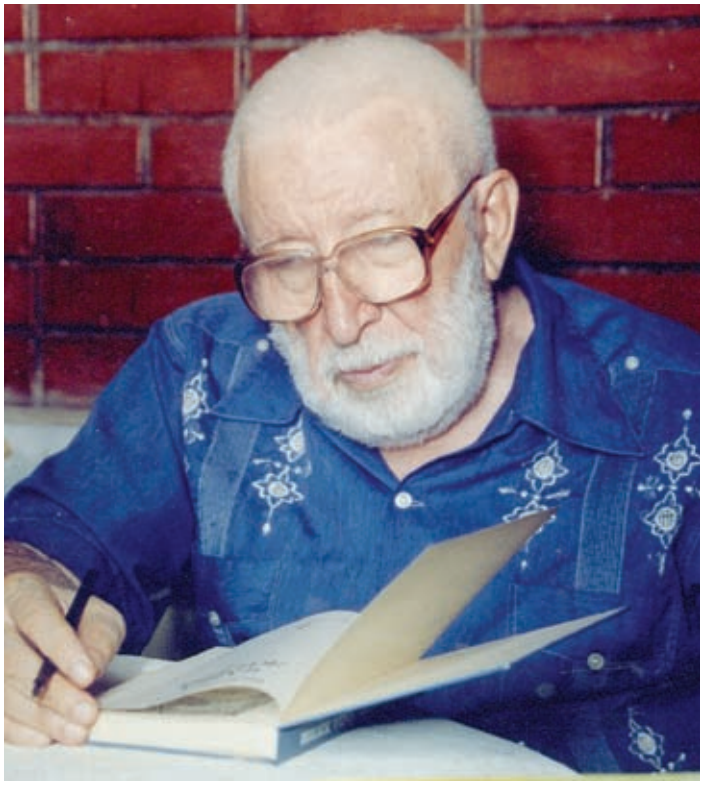
С женой Патимат

Расул Гамзатов: вчера, сегодня… Всегда!

С отцом Гамзатом Цадасой

С композитором
Яном Френкелем





Дом в Цада и его окрестности.
Здесь родился и вырос поэт.

Феномен Расула Гамзатова составляют не только его удивительная поэзия и пронзительная проза. Талант разглядеть необычные грани в привычном, талант осветить их неожиданным поворотом мысли и тонкого юмора делает поэта близким читателю. Вот россыпи, далеко не полные, его наблюдений и размышлений в переводе Мурада Ахмедова...

РОССЫПИ РАЗМЫШЛЕНИЙ

* * *

Отец говорил: лучше большой результат от маленькой работы, чем маленький результат от большой работы. Все зависит от мастерства.

* * *

Гасан сказал: «Прошла моя жизнь. На ишака я садиться не хотел. А конь мне так и не достался».

* * *

Гасан сказал: «Когда попадаю в социализм – мне нравится капитализм, когда попадаю в капитализм – мне нравится социализм. По-моему, у них обоих с головой не все в порядке».

* * *

Гасан сказал: «Люди умеющие лишь воевать и не познавшие мира, если у них исчезнут противники, будут воевать даже сами с собой. Они не знают покоя сами и не дадут покоя другим».

* * *

Мое сердце — сберкасса... О, сколько там хранится бесценных слов, пылающих огнем.

* * *

Ко многим грехам — вражде, пьянству, воровству ведут схожие дороги. Все они начинаются с малого и заканчиваются большим. Вражда начинается с одного небрежно брошенного слова. Пьянство – с одной выпитой рюмки. Крупное воровство – с кражи одного-единственного яйца.

* * *

Все в жизни получивший Магома
От жадности, увы, сошел с ума.
Хоть все ему послал на свете Бог,
Насытиться он все-таки не смог.

* * *

Если кто-нибудь желает разрушения и разложения государства, пусть просит у Аллаха, чтобы было побольше правителей.

* * *

Коль к празднику люди
зарежут овцу,
То ей безразлична судьба ее шкуры.
И плач поминальный к чему мертвецу,
Что больше не слышит
напевы пандура?

* * *

Два человека, пишущие одну книгу, как две руки, что держат одну иголку. Они никогда не сошьют одежду.

* * *

Проклятые деньги имеют три недостатка: хуже всего, когда их нет, плохо, когда их мало, но и когда они есть, их все равно не хватает.

* * *

Сейчас молчит кожаный барабан – его перекричал кожаный кошелек.

* * *

Свет маленькой лампы на столе поэта, который сегодня светит только для него, завтра дойдет до всего мира, озаряя души.

* * *

Когда услышали, что со мной в разладе одна горская поэтесса, сказали: как бы сорока не верещала, охотник все равно не направит на нее ружье.

* * *

— Много ли поэтов в Дагестане?

— Смотря как считать. Если считать по маленькому счету, то невозможно даже сосчитать. Если считать по среднему счету — очень много. Ну, а если посчитать по большому счету, можно перечесть всех на пальцах одной руки.

* * *

Золота на свете меньше, чем серебра,
А серебра меньше, чем меди,
Но и меди меньше,
чем простых камней.

* * *

Когда я зарядил для друга ружье, он выстрелил из него в меня.

* * *

Об одном человеке, написавшем книгу о своей славной и счастливой жизни: какой бы красивой не казалась ослу его жизнь, осел никогда не станет арабским скакуном.

* * *

— Лучше намаз, чем песня.

— Может, и так, но только ни то ни другое не накормит голодного.

* * *

Нет ничего более прекрасного, чем любимая женщина и засеянная пашня.

* * *

Даже перед смертью пальцы певца пляшут, будто бы бьют в бубен.

* * *

Пусть вершина поэзии становится выше и выше, чтобы кто попало не пытался ее покорить.

* * *

Мир, ты, как будто заправский танцор,
Славно танцуешь лезгинку.
Остановы на минуту свой взор —
Беды кругом и поминки.

Мир, ты, как будто бы пьяный певец,
Громкие песни горланишь.
Остановись же на миг, наконец,
Криком лишь души ты ранишь.

* * *

Нельзя давать стричь бороду сразу двоим. Один пострижет коротко, другой захочет постричь еще короче. Точно так же и со стихами в руках редакторов и критиков.

* * *

Злому человеку любимая не приснится даже во сне.

* * *

— Настало время, когда стихи ничего не стоят.

— Наступит и время, когда они будут бесценны. Ведь и мед до поры до времени нужно держать в кувшине.

* * *

Нет раны больнее, чем та, что болит сегодня.

* * *

Эта жизнь как зажженная лампада. В ней пылают наши сердца.

* * *

Большое старое дерево оберегает и от солнца, и от града, и от дождя. Так и старый человек.

* * *

Что с того, что кругом много стульев, если я не могу сесть ни на один из них. Что с того, что кругом много кроватей, если я не могу лечь. Что с того, что кругом множество школ, если я не учусь. Что с того, что пекут много хлеба, если я не могу съесть даже крошку.

* * *

Нет никакой другой песни, кроме песни о любви. Все остальное — репетиция. Нет никаких других стихов, кроме стихов о любви. Все остальное — черновик.

* * *

У ореха, арбуза, песни и любви внутренняя сторона всегда лучше, чем внешняя. У зла, лжи и войны она ужасна.

* * *

Как бы высока не была скала, человек проложит себе путь и сквозь нее, даже если скалу придется взорвать.

* * *

Нож говорит петуху: угомонись, не кричи, не гордись, ты, красный гребешок.

Гордому правителю могильные камни на кладбище говорят: — Иногда посматривай и на нас.

* * *

Собака, не лающая на меня, пусть живет долгие годы. Начальник, который не ругает меня, пусть никогда не лишится должности.

* * *

Когда долг переваливает за тысячу, то берешь еще и еще, думая: будь что будет.

Когда берешься за тысячу дел, то ни одно не доводишь до конца.

Когда придумываешь тысячу стихотворений, не напишешь ни одного хорошего.

* * *

Когда Господь таланты раздавал,
Тебя он почему-то пропустил.
Напрасно ты над этим горевал,
Он завистью тебя не обделил.

Талантливый поэт не виноват,
Что дар ему Всевышний преподнес.
Хоть докучать ему ты вечно рад,
Никто не примет слов твоих всерьез.

* * *

У молодых, что не прислушались к мнению старших, отару овец загрызли волки.

* * *

Тому, кто сам не засеял поле, кажется, что урожай вырос сам по себе.

Тому, кто не написал ни одного стихотворения, кажется, что это дело, которое можно делать беззаботно посвистывая.

* * *

Чем во дворце остаться одному,
В окопе с другом лучше оказаться.
С друзьями не хочу я расставаться —
Без них вся жизнь похожа на тюрьму.

* * *

В наше время мира на земле не найти нигде – повсюду, даже в самых прекрасных уголках, как будто созданных для райской жизни, бушуют войны и вражда.

* * *

У того, кто хвастливо говорит, что у него родится сын, когда ребенок еще в утробе матери, всегда рождается дочь.

* * *

Тот, кто хотя бы раз переплыл реку, намного больше знает о жизни, чем тот, кто долго наблюдал за рекой.

* * *

Если безучастно ждать, когда настанет на земле час правды, то весь мир наполнится ложью.

* * *

Ты очень долго переплываешь реку, которая уже моей руки.

* * *

Даже имея сто колес, поезд может перевернуться, даже имея четыре ноги, конь спотыкается.

* * *

Мне жалко дерево, на котором птицы не поют.

* * *

Самый одинокий дом — дом, где не было гостей.

* * *

На моей даче, на берегу моря, гостили сыновья двух моих родственников — один городской, другой с гор.

Я услышал их спор:

— Ты ведь просто мул, не знающий русского языка, — сказал первый.

— А ты овца, не знающая аварского языка, — отвечал второй.

Не забыть аварское и узнать русское — вот дорога сегодняшнего горца, подумал я.

* * *

— Ты веришь в Аллаха?

— Ты к нему ближе, чем я, сам спроси у него.

— Он не знает.

— Если он не знает, как я могу знать.

* * *

Стервятник никогда не насытится одними лишь курами.

* * *

То, что уму нравится, иногда не подходит для сердца.

* * *

Все перья на крыльях песни сотворены любовью.

* * *

Юноша, который ни в кого не влюблен, не должен писать стихи.

* * *

Лучше лить слезы совести, чем радоваться во хмелю.

* * *

Отец говорил: «Песня не накормит народ, надо засевать пашню».

* * *

Озеро красят лебеди, а свадьбу — жених с невестой.

* * *

Певец без любви — герой без рук.

* * *

Люди заходят в волнующееся море. Кто победит: те, кто следят за волнами на берегу, те, кто зашли и плещутся у берега, или те, кто хотят заплыть дальше всех?

* * *

У войны нет глаз, у зла нет ушей.

* * *

— Когда в мире станет меньше тюрем?

— Когда языки доносчиков оставят людей в покое.

* * *

Тому, у кого ничего не было, дали велосипед. Он рад.

Тому, у кого все есть, дали «Волгу». Он недоволен. Хочет корабль.

* * *

Неполная тарелка воды — для муравья целое море.

* * *

На одном дереве — сто ворон,
Для одного поэта — сто судей.

* * *

Золото, пролежи оно хоть двадцать лет в грязи, все равно останется золотом. Хорошие стихи, сколько бы лет они не пролежали неизданными, все равно прекрасны.

* * *

Назови папой и мамой хоть сто человек, других отца и матери не найдешь. Так же не может стать родиной и чужая страна.

* * *

Если сын умел и хорош, то отцу не придется надевать очки.

* * *

Много певцов там, где нет Махмуда.

* * *

— В чем твое богатство?

— В чужой бедности.

— В чем твоя бедность?

— В чужом богатстве.

* * *

Чем мысли в небесах, лучше сноп в поле.

* * *

Хозяин за всю жизнь не обнаружит у себя дома столько недостатков, сколько их заметит гость, проживший у него всего три дня.

* * *

Если бы вода давала силу, то и лягушка стала бы тигром.

* * *

Радость и печаль будут сменять друг друга все время. Но ты никогда не узнаешь час их прихода.

* * *

Ключей от ее рта нет ни у кого. Эта дверь никогда не закрывается.

* * *

— Как у тебя дела?

— Нужного не имею, а того, что есть, мне не хватает.

* * *

О, безумный мир. Тем, кому нужно солнце, ты посылаешь дождь. Тем, кому нужен дождь, ты посылаешь солнце.

* * *

— Как ты себя чувствуешь?

— Как день, ожидающий ухода ночи. Как ночь, ждущая ухода дня.

* * *

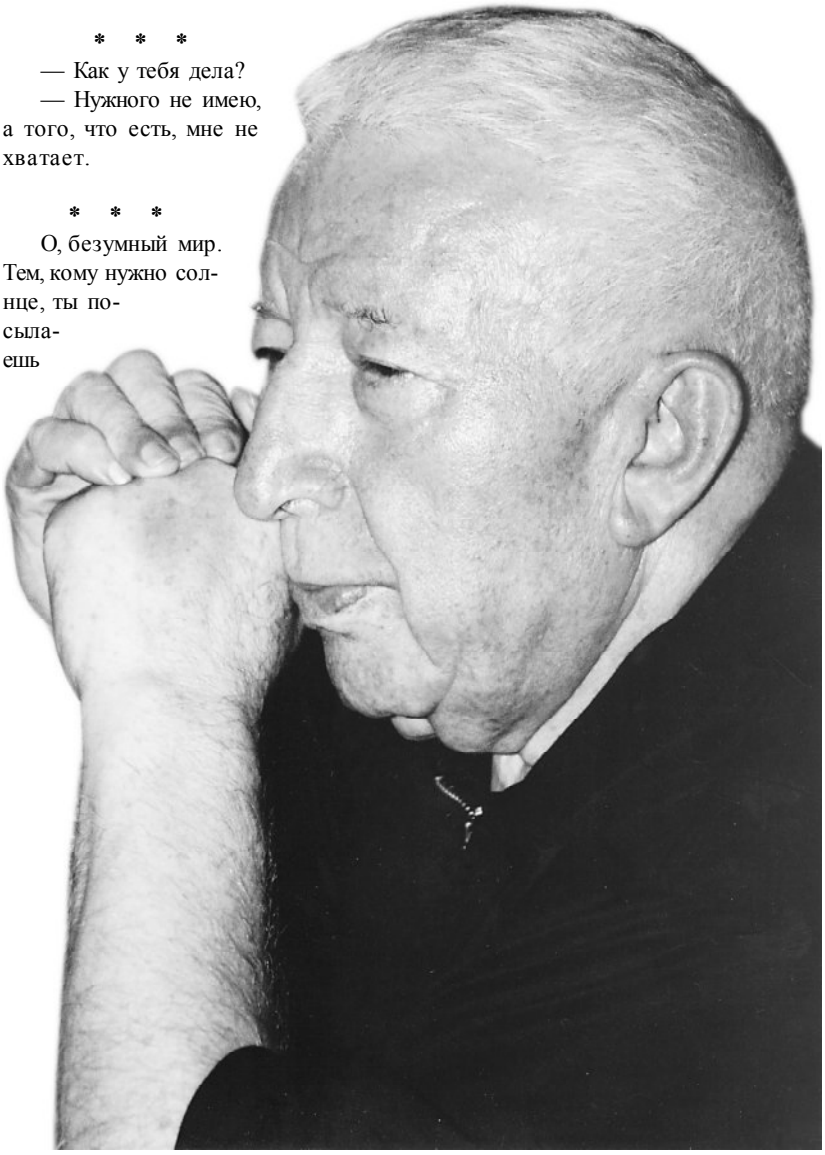
Абуталиб сказал: «Лучше под боком иметь беспрестанно лающего щенка, чем министра, снятого с должности».

* * *

Было время, когда переводчики делали плохих поэтов хорошими, а хороших — плохими.

* * *

Поэт, тебе предстоит длинный и трудный путь. Не заставляй своего коня скакать слишком быстро, чтобы он не устал.



* * *

Плох тот, кто бездарен. Плох и тот, кто, не имея таланта, думает, что он талантлив. Но хуже всех тот, кто, не имея таланта, завидует таланту чужому.

* * *

Дурака его глупость сопровождает и в ауле, и в столице. Сколько бы красивых папах он не поменял, глупость останется.

* * *

«Я бы всю жизнь кормил тебя хлебом и мясом, если бы ты не спрашивал у меня, откуда я их беру», — сказал андиец одному гостю.

* * *

Прямее и легче дороги, чем извилистая тропинка, ведущая в мой аул, на земле я не нашел.

* * *

Гитлеровцы построили много длинных дорог. Но жизненные дороги скольких людей они укоротили!?

* * *

Нынешние дети ничего не знают о моем детстве, а если они и узнают, то все равно не поймут.

* * *

Со временем стареет и сильный человек, и быстрый конь. И мощное дерево с годами начинает глодать червь. Не стареет лишь воспоминание о первой любви.

* * *

Когда андийца стали нахваливать, он сказал: «Теперь даже мачеха не найдет во мне недостатков».

* * *

— Кто это?

— Это тот, кто собирает зеленые плоды, оставляя на деревьях зрелые.

* * *

Самурские леса: дикий виноград, дикие кони, дикие туры… Я их люблю больше, чем сады и парки, сотворенные людьми.

* * *

Увидав корабли с пушками, даже волны морские начинают волноваться.

* * *

Слова, словно бычьи рога. Одни, взявшись за них, заставляют быков пахать, другие, не в силах их удержать, валятся на землю.

* * *

Нынче прямое слово вряд ли поможет кривому пути. Кто ныне струсил, тому не поможет стальная сабля. Сейчас надо держать коня всегда наготове.

* * *

Если бы все, кто на словах жалеет бедных, дали по пятаку, не было бы бедности. Если бы все несправедливые силачи получали кулаком от каждого обиженного ими человека, не было бы несправедливости.

* * *

Мир горит — Махмуд вздыхает: «Муи, Муи».

В Дагестане землетрясение, — он во сне видит ее крыльцо в ауле Бетль.

* * *

Когда горит стог, пламя видят все. Пламя, что горит в моей груди, не видит никто, кроме Махмуда.

* * *

Когда меня ругают, горцы говорят:

— Рассказать, какой человек Расул?

— Ну, расскажи.

— Он сказал, что Хрущев лучше Сталина.

— Больше ничего не говори, и так все ясно.

Неужели я больше ничего толкового не сказал?

* * *

Откуда тебе знать, красива Шахрузат или безобразна, человек, бросающий соль в чай и сахар в суп?

* * *

Бесконечная работа… Думы после завершенной работы. Думы уходят, остается бессонница. Телега жизни уже катится вниз.

* * *

Из чабана можно сделать начальника, а из начальника можно ли сделать чабана?

* * *

После ожогов от солнца он, и увидав луну ночью, прячется, боясь обжечься.

* * *

— Как там магазины, базары?

— Все есть, жалко, что нет денег.

— А когда есть деньги?

— Когда есть деньги, на базаре ничего нужного не найдешь.

* * *

Правы и те, кто хвалят мои стихи, и те, кто ругают.

Ведь я бываю разным.

По большому счету — маленький поэт.

По маленькому счету — большой поэт.

По среднему счету — средний поэт.

В большом мире я — маленький поэт.

В маленьком Дагестане я — средний поэт.

Среди поэтов моего аула я занимаю второе место — первым был отец.

* * *

Один оратор сказал, что он больше думает о том, как сказать, чем о том, что сказать. Так же, по-моему, ведут себя многие молодые поэты. Их стихи похожи на улыбку вежливости, когда не о чем говорить. В этом больше артистизма, чем поэзии.

* * *

Два человека портят застолье: тот, кто хочет заставить пить непьющего, и тот, кто хочет запретить пить пьющему.

Это все равно, что заставить любить нелюбимую и запрещать любить любимую.

* * *

Чтобы найти себе жену, возьми глаза у старших.

* * *

Младенец, плача, становится старше,
Старик, плача, становится младше.

* * *

Чтобы ты спел песню, тебя угостили вкусным шашлыком. Что же сейчас тебе дать, чтобы ты замолчал?

* * *

Прежде чем бить жену, я избиваю папаху. Злость уходит, и я ее надеваю на голову.

* * *

Не ругайте ни соседа, ни даже его собаку. И от того, и от другого отношения испортятся.

* * *

Большое дело надо делать потихоньку.

* * *

Красота женщины может скрыть семь ее недостатков.

* * *

Плох не только тот, кто не заходит в гости, но и тот, кто не умеет вовремя уйти.

* * *

Дом без жены — мельница без воды.

Мир без женщин — песчаная пустыня.

Творчество поэта всегда было и всегда будет лакомым блюдом для литературоведов-гурманов, для всех, кто неравнодушен к меткому и образному языку, точному слову. И у каждого свой подход к накрытому автором столу. Вот каков он у Гаджикурбана Расулова...

О ПАМЯТНИКАХ И ГОЛУБЯХ

В нашем городе все больше и больше памятников. Как людям заслуженным, так и не очень. Не буду останавливаться на том, хорошо это или плохо, нужно или не нужно. Мне ближе памятники другие. Памятники, возводимые не благодарными потомками, родственниками или друзьями. Возводимые не по решению правительства республики или муниципальной власти. Возводимые не на бюджетные средства или общественные пожертвования. Памятники, не засиживаемые голубями. Одним словом – нерукотворные.

Все мы со школьных лет помним пушкинское стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». Помним, что оно написано в русле традиции, идущей еще от стихотворения Горация «К Мельпомене». Но мало кто из не владеющих аварским языком знает, что эта традиция нашла продолжение и в творчестве Расула Гамзатова. Почти сорок лет назад, в 1966 году он опубликовал стихотворение «Памятник», которое к моменту написания данной статьи еще не было переведено на русский язык. Привожу его подстрочный перевод, сделанный аварским поэтом Магомедом Ахмедовым:

Памятник

И я воздвиг памятник самому себе,
Он не высок – камень
надмогильный песни моей.
Но, как бы ни было, на это плато
Я не пришел, чтобы быстро исчезнуть.
Много ветров продуют,
много раз дождь пройдет,
Имя мое не кончится,
огонь мой не погаснет.
Над ними протекут многие годы,
Как быстрая речка
над обточенными водой камнями.

И я был много раз
разным и разным,
Но останусь в сердцах
лишь один – необходимый,
Которого невозможно заменить
сотнями другими,
Как моя лампада,
зажженная мной.

Там на севере гордые финны
Не назовут мое имя,
не упомянут меня.
Но на столетия
рассчитанный мой путь
Увидят вслед идущие
страстные мои поколения.

Они оценят, пусть даже
будет плохим,
Мое миропонимание,
хоть оно и поздно пришло.
И бедному аулу, и шару земному
Звучавшую музыку
струн любви моей.

Я буду чудом века своего,
Воюющим против подлости.
И на карте пленительных песен
Свой остров оставит и горец.

Требуется немалое мужество, чтобы написать такое стихотворение.

С одной стороны, кто из худо-бедно или складно рифмующих не мнит себя великим поэтом, непризнанным гением и без тени сомнения не провозглашает об этом urbi et orbi – городу и миру? Не рисковал ли сорокатрехлетний автор, осмелившись на создание «Памятника», влиться в ряды подобных поэтов? Имел ли Гамзатов достаточные основания для того, чтобы поставить себя в один ряд с Горацием, Державиным, Пушкиным?

С другой стороны, «Памятник» как жанр требует от автора глубокой, точной и всеобъемлющей оценки своего творчества. «Памятник» – это своего рода подведение итогов творческих поисков. Такое стихотворение не переделывается в соответствии с «веяниями времени» – пишется один раз и навсегда. Резонно спросить, а не слишком ли рано был написан гамзатовский «Памятник»?

Для того, чтобы ответить на эти и многие другие вопросы, возникающие при прочтении гамзатовского стихотворения, необходимо проанализировать, в чем дагестанский поэт следует традициям великих предшественников и в чем проявляется его восприятие собственного творчества.

Попытаемся вкратце определить основные положения оды Горация «К Мельпомене» и их преломление в стихотворениях Державина и Пушкина. Необходимо предварительно отметить, что «Памятники» в русле данной традиции создавались и другими поэтами (Батюшковым, Мицкевичем, Брюсовым, Ходасевичем и др.), но они, на мой взгляд, оказали гораздо меньшее воздействие на гамзатовское стихотворение и поэтому я не буду на них останавливаться.

Вот перед нами ода Горация в переводе С. Шервинского:

Создал памятник я,
бронзы литой прочней,
Царственных пирамид
выше поднявшийся.
Ни снедающий дождь,
ни аквилон лихой

Не разрушат его, не сокрушит и ряд
Нескончаемых лет, время бегущее.
Нет, не весь я умру,
лучшая часть меня
Избежит похорон.
Буду я вновь и вновь
Восхваляем, доколь по Капитолию
Жрец верховный
ведет деву безмолвную.
Назван буду везде –
там, где неистовый
Авфид ропщет,
где Дави, скудный водой, царем
Был у грубых селян.
Встав из ничтожества,
Первым я приобщил песню Эолии
К италийским стихам.
Славой заслуженной,
Мельпомена, гордись и,
благосклонная,
Ныне лаврами Дельф
мне увенчай главу.

Итак, каковы же основные положения стихотворения Горация? Поэт сообщает, что он создал памятник прочнее бронзы и выше пирамид; его не смогут разрушить ни дождь, ни ветер, ни время; весь он не умрет – лучшая часть его избежит похорон; он будет восхваляем вечно; он будет назван везде; главная его заслуга в том, что он первым «приобщил песню Эолии к италийским стихам» (то есть греческую лирику перенес на римскую почву); за это он просит увенчать его голову «лаврами Дельф». Основываясь на этих положениях, продолжим наш анализ «Памятников».

Державинский «Памятник» первоначально назывался «К Музе. Подражание Горацию»:

Я памятник себе воздвиг
чудесный, вечный,
Металлов тверже он
и выше пирамид,
Ни вихрь его, ни гром
не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.

Так! – весь я не умру;
но часть меня большая,
От тлена убежав,
по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь славянов род
вселенна будет чтить.

Слух пройдет обо мне
от Белых вод до Черных,
Где Волга, Дон, Нева,
с Рифея льет Урал;
Всяк будет помнить то
в народах неисчетных,
Как из безвестности
я тем известен стал,

Что первый я дерзнул
в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте
беседовать о боге
И истину царям с улыбкой говорить.

О муза! возгордись
заслугой справедливой,
И презрит кто тебя,
сама тех презирай;
Непринужденною рукой
неторопливой
Чело твое зарей
бессмертия венчай.

Нетрудно убедиться, что Державин в основном повторяет те же положения, что и Гораций, только изменяя древнеримские реалии времени на славянские: поэт тоже создает памятник «металлов тверже и выше пирамид»; его тоже не смогут разрушить «ни вихрь», «ни гром», ни «времени полет»; Державин тоже весь не умрет – «часть меня большая, От тлена убежав, по смерти станет жить»; хотя вместо горациевского «Буду я вновь и вновь Восхваляем, доколь по Капитолию Жрец верховный ведет деву безмолвную...» читаем у Державина «И слава возрастет моя, не увядая, Доколь славянов род вселенна будет чтить...», смысл не меняется – Державин тоже будет восхваляем вечно; Державин тоже будет назван везде; Державин считает, что народ будет помнить его за другие, но, как и Горация, именно за литературные заслуги. Единственное новое положение, появившееся у Державина по сравнению с Горацием, заключено в стихе «И презрит кто тебя, сама тех презирай», вызванном обстоятельствами жизни Державина, литературной борьбой того времени. Как видим, Державин в основном подражает Горацию, чем и объясняется первоначальное название стихотворения.

По-иному обстоит дело с пушкинским «Памятником», изначально полемичным по отношению к произведениям предшественников. Не останавливаясь на детальном анализе стихотворения, подчеркну только те положения, которые представляются мне наиболее важными.

Структура пушкинского стихотворения во многом повторяет структуру стихотворений предшественников, но тем разительнее принципиальные отличия.

Exigi monumentum

Я памятник себе
воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру –
душа в заветной лире
Мой прах переживет
и тленья убежит –
И славен буду я,
доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет
по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян,
и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые
я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век
восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью божию,
о муза, будь послушна,
Обиды не страшась,
не требуя венца,
Хвалу и клевету
приемли равнодушно
И не оспоривай глупца.

Первое же положение горациевского стихотворения наполняется у Пушкина иным содержанием. Пушкин сопоставляет свой памятник не с «царственными пирамидами», органическими для Горация и условно-поэтическими для Державина, а с александрийским столпом (в то время – самая высокая колонна в мире), то есть памятником императору Александру I, таким образом и ставя, и решая важный для себя вопрос «поэт и царь». О прочности памятника, о том, что его не разрушат ни дождь, ни ветер, ни время Пушкин прямо не говорит, но все это подразумевается во второй строке. Следующее из рассматриваемых положений представлено у Пушкина вполне традиционно –

«Нет, весь я не умру...». А вот четвертое – уже принципиально иное: «И славен буду я, доколь в подлунном мире Жив будет хоть один пиит». То есть, символом вечности у Пушкина является не горациевские «жрец верховный» и «дева безмолвная» и не державинский «славянов род», а именно «пиит». Пушкин считает, что поэтическая слава долговечнее и пирамид, и государств – уже нет в наше время ни «жреца верховного», ни «девы безмолвной», однако слава Горация не меркнет. Что же касается народа, то славы как таковой в нем Пушкин и не ищет: только «слух» о нем пройдет по России, только «назовут» (другими словами, будут знать о его существовании!) его народы, населяющие Россию, и будет он не славен среди народа, а «любезен» народу, и «любезен» не за поэтические заслуги, а за пробуждение добрых чувств, за воспевание свободы и за призывы милости к падшим... Правоту Пушкина, его поэтическое предвидение в этом вопросе наглядно продемонстрировало сравнительно недавнее проведение 200-летнего юбилея со дня его рождения: абсолютное большинство людей на самом деле могли только «назвать» Пушкина, в лучшем случае – с грехом пополам вспомнить две-три строчки наизусть!

В последнем из традиционных положений Пушкин, в отличие от Горация и Державина, не призывает свою музу гордиться заслугами – напротив, призывает ее быть послушной «велению божию», то есть не требовать награды. Пушкин не только не требует награды, но и в принципе дистанцируется от оценки его творчества и современниками, и потомками, ибо истинное понимание, а значит – и бессмертная слава, ждут его среди поэтов.

А как же обстоит дело с Гамзатовым?

Уже первое положение гамзатовского «Памятника» дает пищу для размышлений: в отличие от предшественников, дагестанский поэт сопоставляет свой памятник не с царственными пирамидами и не с александрийским столпом, а с невысоким надмогильным камнем дагестанских кладбищ. Вряд ли это можно воспринимать как проявление личной скромности поэта или скромной оценки своего литературного труда – такое может быть в любом стихотворении, но только не в «Памятнике». На мой взгляд, высоту гамзатовскому памятнику придает то обстоятельство, что «камень надмогильной песни», хотя и невысокий, все же расположен на горном плато, то есть, с одной стороны, он безусловно выше и пирамид, и александрийского столпа, а с другой, что еще важнее, основанием для памятника, его пьедесталом служит родной край, родные горы – мотив, не встречающийся у предшественников, но очень важный для дагестанского поэта, свидетельства чему несложно найти во многих его произведениях.

Вторая строфа по своему смысловому наполнению – традиционна: как и у Горация и Державина, гамзатовский памятник неподвластен ветру, дождям и времени – «Имя мое не кончится, огонь мой не погаснет». Третья строфа тоже представляет собой по-своему высказанное, но все-таки горациевское положение «нет, не весь я умру, лучшая часть меня избежит похорон».

Что же касается четвертой строфы, то она требует более пристального внимания. На первый взгляд, кажется странным, что дагестанский поэт, в отличие от предшественников, из всех народов именует только «гордых финнов» и при этом в противоположном, в частности, пушкинскому контексте: не «назовет меня всяк сущий в ней язык, И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой Тунгус, и друг степей калмык», а именно «Там на севере гордые финны Не назовут мое имя, не упомянут меня». Но это только на первый взгляд. Гамзатов не пытается в данном случае развить пушкинское противопоставление истинной славы в среде поэтов и «назывной», если так можно сказать, популярности среди народа. Дело в другом: финны, славящиеся своей бесстрастностью, нужны поэту для противопоставления тем страстным поколениям потомков, которые смогут по достоинству оценить его «миропонимание», «И бедному аулу, и шару земному Звучавшую музыку струн любви» поэта.

Что же ставит себе в заслугу Гамзатов? Не факт первенства в какой-либо области литературного творчества, как это было у Горация и Державина – «первым я приобщил», «первым я дерзнул», но и не пушкинскую славу среди «пиитов», а именно эту самую «музыку струн любви» вместе с традиционным «Я буду чудом века своего, Воюющим против подлости...»

Здесь необходимо отметить, что мотив любви, отсутствующий в «Памятниках» Горация, Державина и Пушкина, есть в 55-м сонете Шекспира, тоже написанном под влиянием оды Горация.

Вернемся к гамзатовскому «Памятнику». А где же обращение к музе с требованием награды, как у Горация и Державина, или отказом от венца, как у Пушкина? Может быть, Гамзатов не включил это положение в свой «Памятник» как несущественное для него? Мне представляется, что здесь мы встречаемся не с отступлением от традиции, а со своеобразным продолжением ее: муза Гамзатова, следуя пушкинскому совету, и ничего не требует в награду, и «хвалу и клевету приемлет равнодушно», т.е. мелкие земные дела ее не волнуют. Потому-то и нет обращения к ней. Свидетельством тому является стихотворение «Читателей моих попутал бес...», тоже написанное по мотивам пушкинского «Памятника». Приведу только четыре строки из него:

Был вознесен одними как поэт,
Другими ниспровергнут был обушно.
«Хвалу и клевету
приемли равнодушно» –
Я не забыл мне поданный совет.

Таким образом, две составляющих гамзатовской поэзии, «два крыла» его творчества – «музыка струн любви» и борьба с подлостью позволяют ему быть уверенным в том, что

...на карте пленительных песен
Свой остров оставит и горец.

Эта уверенность сорокатрехлетнего поэта задолго до отмечаемого всей страной в наши дни восьмидесятилетия уже нашла свое реальное воплощение.

Нерукотворные памятники Расулу Гамзатову уже много лет стоят и на Острове Женщин, и в Ауле Поэтов, и в Цадастане, и в душах читателей. И без всяких голубей...

Народного поэта Дагестана переводили много и многие – на языки народов России и зарубежных стран. И конечно же – на языки дагестанских народов. Вот что говорит один из его переводчиков – кумыкский поэт Магомед Атабаев.

ВЫСОКИЙ ПОЛЕТ

Даже великие государственные мужи могут подвергаться переоценке историей. Даже книги больших поэтов могут падать в цене. Но настоящая поэзия бесценна – как воздух, свет, весеннее цветенье, она переоценке неподвластна.

В наше смутное время многие ценности, которые долгие годы мы считали высокими, на которые усердно молились, очень быстро упали в цене. Словосочетания «Пролетарии, всех стран соединяйтесь», «диктатура пролетариата», «классовая борьба», «партийность литературы», «соцреализм» и многие другие, столь привычные недавно, теперь вызывают усмешку. И нередко падают в цене такие понятия, как совесть, честь, добро, милосердие и даже – человеческая жизнь. И уже ломаного гроша не стоят, вызывая лишь улыбку, многие произведения, которые прежде взахлеб хвалили за высокоидейность, воспевание вождей, советской власти, партии, самой счастливой в мире страны, которая, как выяснилось, вовсе ею не являлась.

Но настоящая поэзия… Поэзия Расула Гамзатова… Почему она не подлежит переоценке?

Даже на крутом переломе жизни общества, когда необратимо меняются привычный ее уклад, взгляды людей, их идеалы, поэзия мастера продолжает звучать так же ново и так же прекрасно! Она впитала в себя все лучшее из устного народного творчества, литературы многонациональной нашей Родины и всего мира. Без всего этого Расул Гамзатов, который пишет на родном аварском языке, остался бы лишь аварским поэтом, в лучшем случае о нем знали бы только в Дагестане. Не будь он таким, каков он есть, он не состоялся бы как поэт с мировым именем.

Все это определяет влияние творчества Гамзатова на иноязычные литературы, в том числе и на кумыкскую, которая является частью общедагестанской литературы и прекрасной ветвью тюркоязычных литератур. Разве мало было у нас певцов и поэтов, совсем не читавших иноязычных авторов? Они читали и писали на родном языке, варились, как говорится, в собственном соку. Мало кто о них знает среди читателей других стран, хотя они талантливые люди. Были у нас и стихотворцы, как говорится, «сделанные» идеологией режима. Они теперь постепенно забываются. Они тоже упали в цене. Время беспощадно.

Расулу Гамзатову повезло во многом. Он получил литературное образование в Москве, много читал и ездил, все время находился на переднем крае. Он рано познал, что волнует миллионы людей. И, естественно, он не мог долго вариться в собственном соку, который претил его жаждущей новизны и высоты душе. Но везет многим, однако не всякий стихотворец становится поэтом, которого слышат целые народы. В конечном счете все решают Талант и Труд. Из них и сложено творчество Р. Гамзатова, которое оказало огромное, пока еще не до конца исследованное, влияние не только на современных ему литераторов, пишущих на самых разных языках, но и на ученых-литературоведов, которые с большим интересом вот уже много лет занимаются разными аспектами творческого пути поэта. С его поэзии, переведенной на многие языки мира, началось и активное вхождение дагестанской поэзии в европейскую и мировую литературу.

Расул Гамзатов пришел в дагестанскую поэзию в ту пору, когда она – верная служанка господствовавшей идеологии – неукоснительно соблюдала все установки соцреализма и партийности, воспевала больших и малых вождей, победное шествие страны к сияющим вершинам коммунизма, изображала все в розовом свете. Поначалу отдав дань этой псевдопоэзии, Расул Гамзатов стал мучительно искать выход из этого тупика и, в конце концов, нашел его в том, что пришел к человеку: «Люди, люди, высокие звезды, долететь бы мне только до вас!». Но чтобы долететь, нужно было петь не только о радостях, но и о страданиях и боли. И его поэзия еще тогда начала бороться, как могла, за личность, за ее свободу. Вот почему ее семена нашли благодатную почву. Расула читали, большие и маленькие аудитории встречали его выступления овациями, его книги расходились многотысячными тиражами. Так награждал народ Поэта, который понял его, поэтическим чутьем угадывал его заветные думы и, пропустив через свое сердце, возвращал их в стихах, которые оказались способны долететь до высоких звезд…

И к кумыкам, как и к другим народам, Расул Гамзатов пришел через русский язык, русскую литературу. Одним из первых познакомил кумыкского читателя с поэзией Р. Гамзатова его друг – талантливый поэт Шарип Альбериев – который вместе с ним учился в Литературном институте. Потом он блестяще перевел и издал на кумыкском языке книгу Р. Гамзатова «Высокие звезды».

После Шарипа Расула Гамзатова переводили на кумыкский язык многие: Аткай, А. Аджиев, И. Асеков, А. Акаев, А. Атаев, Бадрутдин, А.-В. Сулейманов, А. Джачаев, Ж. Керимова, которой Расул Гамзатов посвятил свое чудное стихотворение, навеянное его пребыванием в Хиросиме. Тут надо, видимо, добавить, что поэты, как и красивые женщины, редко хвалят друг друга и еще реже посвящают друг другу стихи.

Занимался переводами Расула Гамзатова и я. Переводил стихи, которые будоражили мою душу, были очень близки моему душенастроению и умонастро-

ению: «Родной язык», «Собрания», «Журавли» и др. С особой охотой я работал над переводом «Журавлей», эту песню до сих пор поют на кумыкском языке.

Потом я долго и трудно работал над переводом «Моего Дагестана» и в результате сам стал писать прозой тоже. Вот такое прямое и непосредственное влияние оказало на меня, как и на многих других поэтов, творчество Расула Гамзатова.

Об огромной силе воздействия поэзии Р. Гамзатова в какой-то мере может рассказать и мое стихотворение «Журавли Расула» в переводе Марины Ахмедовой. Вот оно:

Стать человеку птицей не дано,
Но если ты был ранен этой песней
О журавлях, летящих в поднебесье,
В душе ты будешь птицей все равно…

Я тоже был однажды ранен ей,
Как будто бы поэт любовью дивной
Погибшим на войне не дал погибнуть,
А превратил их в белых журавлей.

И с той поры над нашею землей
Они летят величественной стаей,
И с той поры, наверное, мы стали
Глядеть на мир по-новому с тобой.

…На Украине как-то я гостил,
И вот с друзьями вечером дождливым
Я увидал, как, выбившись из сил,
Они летят, курлыкая тоскливо.

Мы пристально глядели в небеса,
Живых и павших молча вспоминая,
И друг мой, эту песню напевая:
«Расула журавли летят», – сказал.

В селе молдавском как-то я зарю
Встречал с друзьями за беседой длинной,
И вдруг, пробитый клином журавлиным,
Наш смех поник, как раненый в бою.

И мир умолк, как будто этот мост
Из белых птиц он выстроил руками…
И молдаванин с белыми висками:
– За журавлей Расула! – поднял тост.

Однажды с другом юности своей
Бродил я по Софии величавой,
И вдруг над нами небо закричало
На языке знакомом журавлей.

Над памятником доблестных бойцов
Они летели, память окликая,
И нас, живых, как будто заклиная
От повторенья участи отцов.

И прикоснулся друг к моей руке,
Когда беззвучно губы его пели:
«То журавли Расула полетели», –
Сказал он на болгарском языке.

…О, мой земляк, неужто ли везде
В пределах нашей голубой планеты
Летят над миром журавли поэта,
И не найти покоя им нигде?!.

Вот так поэзия Расула, словно журавли, облетевшая весь мир, чуждая всякой литературщины, надуманности, высокопарности, но высокая и прекрасная, как мечта, оказала огромное влияние на всех нас, а мне еще подарила стихи, навеянные «Журавлями».

О творчестве Расула Гамзатова и его влиянии на дагестанскую литературу немало прекрасных статей написал Камал Абуков, который буквально влюблен в его поэзию, он, как никто из нас, умеет разобраться в богатой художественной палитре мастера.

Но меня, если сказать честно, больше всего тронули размышления талантливого ученого З.Г. Казбековой, так рано ушедшей из жизни, в ее книге «Дагестан в европейской литературе».

В разделе книги под названием «Р. Гамзатов. Попытка самосохранения» она дает свое прочтение творчества поэта, рассказывает о вхождении Р. Гамзатова в европейскую литературу. «Совершенно иной тип восприятия связан с Расулом Гамзатовым, творчество которого было широко представлено за рубежом», – пишет она. …Гамзатов фокусирует в себе наиболее существенные проблемы развития советской многонациональной литературы и, таким образом, зарубежная рецепция его творчества не может рассматриваться вне динамики тех процессов, которые в ней происходили… Гамзатов – поэт и гражданин – фигура сложная и противоречивая, так как он стал зеркалом всех драматических процессов, определивших развитие советских национальных культур».

Немало интересного найдет читатель в этой талантливо написанной книге.

Неоспоримая и, может быть, главная заслуга Расула Гамзатова заключается еще в том, что на его творчестве воспитывались миллионы людей, и будет воспитываться еще не одно поколение. Высокий гуманизм, страстная проповедь общечеловеческих идеалов делают его нужным многим людям, всем, кому дороги правда, справедливость, дружба, мир, добро, милосердие и любовь.

Нельзя не сказать и о том, что поэзия Расула Гамзатова, вернее, его слава оказали на некоторых авторов, говоря в шутку, не только положительное влияние, но и, так сказать, негативное: многие вдруг захотели стать Расулом Гамзатовым и ударились в стихосложение, уносимые его бурным течением и потеряв жизненные ориентиры. В литературу за многие ее советские годы пришло немало бездарных людей, воображающих себя поэтами, которые стали гоняться за обворожительным призраком славы, требуя себе наград и знаний, аплодисментов и квартир, издания своих бездарных книг и т.д. Это, конечно, другая сторона медали, которую своим талантом и трудом заслужил не только Гамзатов, а все корифеи литературы. Но в этом они не виноваты. У каждого большого поэта были, есть и будут подражатели. Об это тоже надо сказать открыто и честно. Таким горе-поэтам укажи на дверь – они пролезут через окно, через любую щель, даже выломают своим нахальством и хамством стену.

Впрочем, искатели дешевой славы тоже вроде не виноваты: им не дают покоя головокружительные достижения расуловской поэзии, вскружила голову недосягаемая слава Расула, заслуженная благодаря необычайному таланту и трудолюбию. Пытаясь взлететь так же высоко, многие не подозревают, что для такого высокого полета совсем недостаточно упорства и крепких локтей, а нужны прежде всего волшебные крылья, которые даются только редкому из людей – одаренному богом взлетной площадкой, с которой узнается весь мир с его радостями и огорчениями.

Как лучших поэтов мира – Гейне, Байрона, Пушкина, Лермонтова, Есенина – волновала и волнует Расула Гамзатова жизнь простых людей планеты. Гуманистическая и прекрасная, как сама любовь, его поэзия вот уже много лет служит утверждению высоких человеческих идеалов. Каждый дагестанец, весь Дагестан по праву может гордиться таким поэтом и гражданином.

– О, горянка-недотрога,
Тобою плененных давно
джигитов кругом так много.
Кому же сердце отдано?
– Немало в мире поэтов
Мою воспевали красу,
Но сердце мое из джигитов
Покорил Гамзатов Расул.
– Легенды ходят о твоей славе,
Тебя воспеваю и сам,
Кто же тебя так прославил,
Чем же ты богат, Дагестан?
– Хвалить не пристало вроде
Свое величие и красу,
Горы есть у меня, степи и море,
И сын по имени Расул!
(Подстрочный перевод с кумыкского)

Как всякий незаурядный талант, поэт дает пищу для размышлений специалистам в разных областях знаний. Откликнулся на его творчество и ученый Магомед Гасанов, много лет отдавший изучению связей Дагестана с Грузией...

«УКАТИТЬ БЫ МНЕ В ГРУЗИЮ СНОВА...»

Особое место в творчестве Расула Гамзатова занимает тема связей различных народов. Как пишет поэт, он «чувствует гражданскую ответственность за всю планету». На Ташкентской конференции писателей Азии и Африки он говорил: «Мой народ живет у подножия Кавказского хребта, который отделяет Европу от Азии. Но этот хребет не может разделить культуру Европы и Азии, Востока и Запада, ибо человечество было бы духовно в тысячу раз беднее, если бы великая культура Запада и Востока не кормила своими двумя грудями человечество так, как мать кормит детей. Нельзя делить культуру. Культура это не дыня, чтобы ее на части разрезать».

В творчестве поэта важное место занимают взаимоотношения народов Дагестана и Грузии. Они уходят в глубь веков, о чем свидетельствуют археологические, фольклорные, лингвистические, этнографические и другие материалы. Будучи аспирантом, я часто ездил в Тбилиси, в другие грузинские города и села, собирая и изучая их. Мои собеседники-грузины, узнав, что я из Дагестана, говорили, что поэзия Расула Гамзатовича у них очень популярна. Слышать такую оценку творчества нашего знаменитого земляка было весьма лестно. Во время этих поездок я не задумывался о том, что подарить коллегам, друзьям – книги Расула Гамзатова были самым дорогим подарком.

В произведениях поэта, посвященных Грузии, используются традиции устного поэтического творчества, фольклорные жанры и средства.

Дагестанский фольклор богат материалами о связях Дагестана и Грузии. Порой они прерывались набегами в Грузию соседей отдельных дагестанских ханов. Одним из предводителей горцев был хромой Ражбадин, которого Р. Гамзатов назвал «неласковым предком». Песни о нем сложены в трех вариантах.

Содержание песен примерно следующее. Во главе небольшого отряда горцев из разных обществ Ражбадин снаряжается в поход. Спустившись в Алазанскую долину, отряд без особого труда осуществляет свой замысел и с большой добычей возвращается. Но на обратном пути его ждет засада. Ражбадиновцы вступают в бой, но силы неравны. Тогда вожак отправляет своего сына к голодинцам с просьбой прийти на выручку. Исход боя решают подоспевшие на помощь воины из аула Голода. Отряду удается вырваться из окружения и вернуться благополучно домой.

Во время одного из походов горцы захватили в плен Давида Гурамишвили, на юбилейном вечере которого в Грузии в 1955 году выступил Расул Гамзатов.

В статье, посвященной речи Расула Гамзатова на этом юбилейном заседании, Ираклий Андроников пишет, что он (Р. Гамзатов) вышел на трибуну и, обращаясь к залу, сказал:

«Дорогие товарищи! Разрешите мне приветствовать и поздравить вас от имени тех самых леки-лезгин, которые украли вашего Давида Гурамишвили. Дело в том, что с нами произошла неприятная историческая ошибка: мы думали, что крадем грузинского помещика, а утащили великого поэта. Когда мы осознали эту неловкость, мы очень смутились. Но это произошло только

после Великой Октябрьской революции.

Давид Гурамишвили жестоко отомстил нам! Мы держали его в плену только два года и кормили соленым курдюком. А он забрал нас в плен навсегда. И угощает стихами. Но вы должны признать, – сказал Расул Гамзатов, понизив голос, – что известный прогрессивный смысл в нашем поступке был! Ведь если бы мы не украли тогда вашего Давида Гурамишвили и он не убежал бы в Россию, не жил бы на Украине, не описал бы свои скитания и муки – какой праздник дружбы народов мы могли бы сегодня отметить? Как могли бы восхищаться великой книгой «Давитиани», где описана биография Давида Гурамишвили?.. А теперь разрешите поговорить с человеком, который находится здесь и не понимает происходящего.

Расул Гамзатов повернулся к портрету Давида Гурамишвили и сказал: – Дорогой наш друг, великий Давид Гурамишвили! Ты умер в слезах, когда враги мучили твою бедную Грузию. Ты отдал свою рукопись чужим людям и даже не знаешь, попала ли она на твою родину. Ты ничего не знаешь, бедный человек, что случилось за это время, какая слава пришла к тебе, как дружат теперь наши народы, и леки – теперь добрый – качает грузинских детей.

И далее Расул Гамзатов говорил то, о чем говорили и другие на этом торжественном вечере. Однако И. Андроников затем пишет: «Но оттого, что эту речь произносил дагестанский поэт, и она была обращена к портрету человека, который действительно не знал всего этого, речь обрела черты великой поэзии и глубоко взволновала притихший зал. Видя такое необычное действие слов своих, Расул Гамзатов снова обратился к аудитории:

– Дорогие товарищи, я очень люблю Давида Гурамишвили. Но еще больше мне нравятся сидящие в этом зале грузинские женщины и девушки.

Эта речь имела необыкновенный успех. И на другой день Расул Гамзатов стал в Тбилиси человеком таким же любимым и популярным, каким является всюду, где его видели, знают и любят».

А в 1965 году, когда на торжественном вечере, посвященном 800-летнему юбилею великого грузинского поэта и мыслителя Шота Руставели, предоставили слово Расулу Гамзатову, зал долго рукоплескал этому «леки», не давая ему возможности начать свое выступление.

Тема дагестано-грузинских связей получила дальнейшее развитие в стихах Р. Гамзатова, посвященных Грузии: «Нана Гвинепадзе», «Леки», «Над Алазанью», «Грузинским девушкам» и др. В стихотворении «Леки» через образ маленькой девочки обобщены исторические судьбы дагестанских и грузинского народов.

Позади остались реки,
Гор заснеженных хребты.
В дом к тебе явился леки,
Отчего ж не плачешь ты?

Иль тебе в кругу домашних
Целый вечер напролет
О моих набегах страшных
Мама песен не поёт?

Мной пугали в давнем веке
Малышей своих они:
«Спи, не то прискачет леки,
Баю-баюшки. Усни!..»

У развалин древних башен
Вьются стаи голубей,
Никому теперь не страшны
Леки в Грузии твоей.

Родилась ты ясноокой
И тебя в твоих горах
Я, как звездочку, высоко
Поднимаю на руках.

А вот стихи Р. Гамзатова, посвященные дочери И. Абашидзе и вообще грузинским девушкам.

Зачем у вас так много цинандали
Мужчины пьют? Их не пойму вовек.
Меня лишь ваши очи опьянили,
А за столом я стойкий человек.

Припомнив стародавние обиды,
Вы нынче отомстили мне сполна
За то, что вас аварские мюриды
В седые увозили времена.

Как вы со мной жестоко поступили:
Без боя, обаянием одним,
Мгновенно сердце бедное пленили
И сделали заложником своим.

Но, чтобы мне не лопнуть от досады
И не лишиться разума совсем,
Одену вас я в горские наряды,
Назначив героинями поэм.

В ущельях познакомлю с родниками,
Ведя тропинкой, что узка как нить,
И будете вы жить над облаками,
И в дымных саклях замуж выходить.

Искрятся звезды над вершиной горной.
О, девушки грузинские, не лгу:
Я пленник ваш, я ваш слуга покорный,
Живущий на каспийском берегу.

Мне ваши косы видятся тугие,
Мне ваши речи нежные слышны,
Но все, что я сказал вам, дорогие,
Держите в тайне от моей жены!

По мнению известного грузинского литературоведа Г. Цицишвили, «Всесоюзная слава Расула Гамзатова родилась и началась в Грузии. И это не случайно, историко-географическая близость наших народов породила и нашу духовную близость, вызвала перекличку наших сердец, наших поэтов, благославила их братство».

Говоря о роли Р. Гамзатова в развитии литературных связей между Дагестаном и Грузией, исследователь творчества поэта А. М. Магомедов пишет:

«Интерес грузинской творческой интеллигенции к личности и поэзии Р. Гамзатова как явлению и фактору, обогащающему литературные взаимосвязи, свидетельствует о том, что творческие связи дагестанского поэта с грузинской литературой превратились в систему, стали элементами общелитературного процесса взаимовлияния, взаимообогащения, взаимосвязи в рамках советской литературы».

Кто не знает Расула Гамзатова!

О нем я услышал прежде (читал его стихи еще в школе), чем увидел его. Это произошло впервые, когда я учился в Даггосуниверситете. Он приходил на встречи со студентами. В те годы такие встречи бывали регулярными. Однажды он пришел к нам, студентам, с редактором журнала «Огонек» А. Сафроновым. Расул Гамзатович его тогда с мягким юмором назвал «самым толстым редактором самого тонкого журнала».

Расул Гамзатович прост и доступен в общении, он ездит и ходит на встречи, на вечера, на свадьбы без охраны.

Флагман дагестанских поэтов, крупный общественный деятель Расул Гамзатович уже переваливает через восемь хребтов человеческой и профессиональной мудрости. Неувядаемой зрелости, новых значительных свершений, кавказского долголетия Расулу Гамзатовичу. Его жизнь и гражданская муза – достойный пример служения родному Дагестану, седому Кавказу, великой России и планете Земля.

В течение всего нынешнего года в Дагестане, в разных городах России проходили торжества, посвященные в год Расула Гамзатова юбилею поэта. Большой концерт прошел в Москве. О царившей на нем атмосфере делятся впечатлениями журналист Ирина Изопескова и ее собеседники...

ЧЕЛОВЕК-ЭПОХА

Расул Гамзатов – один из тех редких людей, которые избежали участи слушать добрые слова и признания в любви исключительно только по дням рождения. Судьба счастливо сложилась для него: еще в молодые годы он стал признанным классиком не только дагестанской, но, пожалуй, и всей советской литературы. Расуловские «Журавли» встали в один ряд с симоновским «Жди меня», его книги издавались огромными тиражами и практически были в каждом доме.

Эпитеты в превосходной степени всегда сопровождают Расула Гамзатова. Поэтому и неудивительно, что 80-летний юбилей поэта был объявлен национальным праздником не только в Дагестане, но и в Москве, где при участии постоянного представителя Дагестана при Президенте России и московского культурного центра «Дагестан» был создан оргкомитет, который стал осуществлять целую программу празднования юбилея.

В рамках этой программы и состоялся концерт дагестанских артистов в столице.

Имя Расула Гамзатова обладает особым магнетизмом. Даже в отсутствии поэта на вечер пришли тысячи его поклонников, предпочтя искусство Дагестана всемирно популярным песням Пола Маккартни, концерт которого проходил в тот же день в Москве.

Говорят, что время все расставляет по своим местам. Оно и определяет, что есть истина. Казалось бы, время господства поэзии ушло безвозвратно. И сегодня уже не собираются толпы в Политехническом музее, как это было в 60-е или 70-е годы. Но внедрение в нашу жизнь массовой культуры сыграло злую шутку: уровень общей культуры резко пошел на понижение. Не спасают ни модные спектакли, ни фильмы, ни бестселлеры. Особенно это заметно, когда вдруг зазвучат стихи Пушкина, Лермонтова, Блока, Ахматовой, Евтушенко, Вознесенского, Гамзатова. И в этом столкновении и сравнении пошлого и настоящего становится ясно, кто есть кто, что есть преходящее, а что вечное.

Поэзия Расула Гамзатова прошла испытание временем. Его стихи все так же проникновенны и мудры, как и раньше. Они не подвластны сменам режимов, политических эпох и формаций. И это удивительно тем более, что поэт творил в советское время, где идеологический прессинг ломал многих хороших авторов. Но Расул Гамзатов устоял. Наверно, потому, что всегда был ориентирован на крутые вершины и высокие звезды. Эту планку он сам задал себе в юности и не опускал даже в самые «звездные» дни своей жизни. Главными для него всегда были вечные темы – любовь к родине, женщине, своему народу. Любовь всегда пе-

реполняла его сердце и была стимулом и двигателем всего творчества. В этой любви он совершенствовался всю свою жизнь: он прошел путь от искренних восторгов горными вершинами до философских обобщений и размышлений о сущности любви и дружбы. «Сонеты» Расула – вершина его творчества и настоящий поэтический шедевр. Неслучайно и сегодня их с огнем не сыщешь в магазинах и на книжных развалах. Поэтому огромное спасибо организаторам концерта, особенно Алексею Тимохину, за прекрасную идею концерта, где рефреном звучали «Сонеты» дагестанского поэта.

Кавказские песни, танцы услаждали собравшихся гостей почти пять часов кряду. В зале сидели родственники Расула Гамзатовича, его брат Гаджи Гамзатов, а также известный политик Рамазан Абдулатипов, бывший художественный руководитель ансамбля «Лезгинка» Иосиф Матаев, постоянный представитель Дагестана в Москве Рамазан Мамедов, лауреат Ленинской премии, физик Амир Амаев и много других известных людей Дагестана. У каждого, кто пришел на этот вечер, был свой Расул. У кого-то – по книгам и стихам, а у кого-то – по жизни: непосредственный, остроумный, великодушный и озорной. Концертные номера чередовались с приветственными речами. Наверно, это было очень уместно, ведь все происходящее можно было считать генеральной репетицией юбилея. А юбилей на то и юбилей, чтобы говорить добрые слова и объясняться в любви.

Рамазан Абдулатипов, член Совета Федерации:

– Мы все, кто сидит в этом зале – родственники Расула Гамзатова, потому что мы все любим Дагестан, женщин, поэзию.

Расул Гамзатов родился в удивительно нужное для его появления время. Сегодня все почему-то ищут национальную идею. У нас есть такая идея, и она нас объединяет вокруг Расула. Мы должны учиться у него достигать высоких звезд, любить свой народ.

Раз в сто лет народу дается пророк. И народ, который понял его и принял, становится великим. Расул – великий философ. Его философия очень глубока и выражена постулатом «берегите»: берегите матерей, детей, горы, жизнь. Мы счастливы, что сегодня Расул с нами, что он здоров, любит и попрежнему творит.

Рамазан Мамедов, постоянный представитель Республики Дагестан при Президенте РФ в Москве:

– Я счастлив, что являюсь современником Расула Гамзатова. Величайшая заслуга Расула в том, что он нравственно объединил народы Дагестана. Расул – гордость и слава Дагестана и России. Расул – человек мира. И подтверждением тому стало принятое недавно решение президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе о награждении Расула Гамзатова орденом «Золотое руно».

Али Димаев, заслуженный артист Чеченской Республики:

– От всех деятелей искусств Чеченской Республики я сердечно поздравляю Расула Гамзатова. Расул Гамзатов – наше общее достояние, гордость и вдохновение. Я родился в горном ауле и знал только трех великих людей – Ленина, Махмуда Эсамбаева и Расула Гамзатова. Поэзия Расула – это язык любви, дружбы и мира. И как бы ни старались кошки с черными бородами, никто не сможет разрушить древние братские связи чеченцев и дагестанцев.

Зайнутдин Магомедов, генеральный директор московской фирмы «Сигма-Оптик ЛТД»:

– «Мой Дагестан» – для меня лучшая книга Расула. В свое время она мгновенно разошлась по миру и, как теперь говорят, стала культовой. Расул тогда впервые предстал перед всем читающим миром, как глубокий философ, как человечнейший человек, для которого мерилом всех поступков является мораль предков, нравственные законы гор, которые также святы и нерушимы, как божьи заповеди. И Расул в жизни для меня был таким же великодушным и щедрым, каким я узнал его по его книгам.

Мне дважды довелось близко с ним общаться и эти эпизоды для меня незабываемы.

Помню, в 1966 году я летел в Москву. И в аэропорту меня провожал мой брат с друзьями. В какой-то момент к нашей группе подошел Омар-Гаджи Шахтаманов и попросил передать Расулу два-три пакета. Я с удовольствием согласился. Из аэропорта я сразу же поехал в центр, к Большому театру. Оттуда позвонил Расулу. Он говорит: приезжай. И я отправился прямиком на его квартиру на новом Арбате, тогда он назывался проспектом Калинина. Позвонил. Расул вышел в рубашке, спросил: «Аварец?». Нет, говорю, лакец. «Очень хорошо!» – Расул обнял меня, завел в комнату, усадил в кресло. Меня еще тогда поразила его простота и доверчивость, гостеприимство. Ведь он мог в дверях взять пакет и распрощаться. Но Расул был бы тогда не Расул, если бы не поговорил, не приветил своего земляка, пусть даже ему незнакомого.

А второй раз я встретился с Расулом через много лет, тоже в Москве, на квартире у Арсена Гусейнова, президента московского культурного центра «Дагестан». Расул приехал к Арсену, узнав, что у него находится Муса Манаров. Мы горячо обсуждали возможность торжественного чествования в Москве дагестанского космонавта. Расул долго нас слушал, а потом сказал: «Муса – наш символ и наша гордость. И наш народ ждет его. Муса должен сначала приехать на историческую родину, а уж после этого организуйте любые встречи». Как просто и как разумно решил нашу проблему Расул.

Шапи Казиев, писатель:

– Я с детства учился у Расула любви к жизни. Удивляла и поражала его невероятная творческая энергия. Расул – это человек-эпоха, он создал ореол высокой духовности вокруг Дагестана и всего Кавказа. Для межнационального понимания и согласия на Кавказе Расул сделал больше, чем все министерства по национальной политике. Он вывел дагестанскую литературу на мировую арену через советскую школу перевода.

Сегодня, несмотря на почтенный возраст, у Расула новый творческий подъем. И я думаю, что его творчество еще долго будет определять пути культуры Дагестана и России.

Кто из журналистов не мечтал обстоятельно поговорить с поэтом, расспросить о жизни, о взглядах на волнующие всех нас проблемы, не обходя, разумеется, и литературу. Накануне юбилея с ним побеседовал Далгат Ахмедханов.

100 И ОДИН ВОПРОС РАСУЛУ ГАМЗАТОВУ

– Хорошо помню, Расул Гамзатович, ваш полувековой юбилей, и как его грандиозно отмечали. Прошло тридцать лет. Для поэта это много или мало?

– Для разных поэтов – по-разному: или много или мало. А для меня и много и мало. Много – для рождения творческих замыслов, но тридцати лет мало для их воплощения. Время – очень емкое понятие. Вспомните, как сравнительно недавно и с каким рвением проводилась у нас антиалкогольная кампания: борясь с пьянством, вырубали бедный виноград, будто это он виноват был в росте числа алкоголиков. И у нас, в Дагестане, было почти уничтожено одно из главных богатств республики. А прошло всего несколько лет, и с не меньшим рвением теперь его вновь высаживают. Так и в литературе: стали подвергать критике почти все, что было создано, мол, подцензурные сочинения не могут иметь ценности. И Шолохов в одно время ходил чуть ли не в плагиаторах, а Горького сейчас почти забыли. Но Шолохов стал нобелевским лауреатом, Горький остается родоначальником целого творческого направления. А Набоков, которого не замечали вообще, с триумфом вернулся в отечественную литературу, как и многие другие писатели. Я сказал при встрече нашему президенту Владимиру Путину, это замечательно, что он возложил венок на могилу другого российского нобелевского лауреата – Ивана Бунина.

– Что вы думаете об этой прежней цензуре?

– Ничего хорошего. Но многие объясняли ею свою несостоятельность в литературе, хотя в ней всегда хватало места всем, кто талантлив. Что до меня, то за тридцать лет написано много, но напечатано мало. Так нынешние передряги сказались на книгоиздательстве. И это несмотря на то, что я вроде избалован вниманием читателей.

– Каждый прожитый год правомерно, наверное, сравнить с очередной взятой у времени высотой. Далеко ли видно с вашей горы?

– Мне трудно самому судить об этом. В общемировом литературном процессе не стоит, думаю, говорить о моих высотах, хотя в личном плане, как я уже сказал, мне не довелось страдать от отсутствия читательского интереса. Человеку дано прожить три возраста: детство, молодость, старость. Мне довелось узнать все три. Сейчас я пишу страницы третьего. Мне в этом смысле повезло. А ведь сколько Пушкиных, Лермонтовых, Махмудов, Батыраев погибло еще в колыбели, сколько талантов погибло в молодости на дуэлях, в казематах, в войнах, концентрационных лагерях Гитлера и Сталина, на северных рудниках и на южных плантациях, в ссылках, в изгнании – вот их жалко. Не знаю, чем я «провинился», но меня миновала такая участь – я пишу страницы своего третьего возраста.

– Не было ран военных, ран физических, а возникали раны душевные?

– Без них поэт состояться не может. Испытание ими – непременное условие рождения художника. Где бы не гремел гром, дождь идет на голову поэта.

– Всеми нами подсознательно владеет ожидание прекрасного чуда, которое должно сделать жизнь более содержательной и интересной: вот, мол, заверну за угол… вот проснусь завтра и… Кем или чем такое «чудо» может воплотиться для вас?

– Вот мы и обманываемся всякий раз, завернув за угол или проснувшись завтра. Депутаты говорят, что завтра будет лучше, министры это обещают и поэты. Но приходит «завтра», но чуда не происходит. Мы не можем его догнать. В этой вечной погоне и проходит жизнь.

– Но если бы вы его все-таки догнали, чем или кем для вас такое чудо обернулось?

– Третьей женой. Первой была сталинская эпоха – злая, жестокая, эгоистичная жена, но с ней было все просто, ясно, упорядоченно. Второй была жена свободная, но легкомысленная, как… как, скажем, проститутка. Поначалу весело, но уж очень безалаберно, и сразу мечтаешь о третьей жене – доброй, красивой, которую надеешься найти завтра. Увы, найти ее оказалось трудно. И невольно начинаешь вспоминать о первой, все-таки лучше, чем жить с

проституткой. (Смеемся.)

– Но надежда встретить ее, третью, остается?

– Надежда остается. Да и нынешняя взбалмошная особа вроде постепенно приходит в норму. Но произойдет это еще не скоро. Так что «завтра» наступит еще не завтра.

– Приходилось ли вам ругать себя, что провели день, месяц или год не так, как намечалось? Если да, то как часто, и за что именно?

– Конечно. И это закономерно. Святое чувство недовольства собой всегда должно сопровождать писателя. Радость в сердце стараешься подарить другим, оставив себе сомнения и грусть. Гибельно для поэта высокомерно считать себя достигшим творческих высот, выше и лучше других. В борениях с самим собой проходит жизнь, и уже не знаешь, когда ты Пушкин, а когда Дантес.

– А бывало, что себя хвалили? Сказал же Пушкин: «Ай, да Пушкин! Ай, да молодец!»

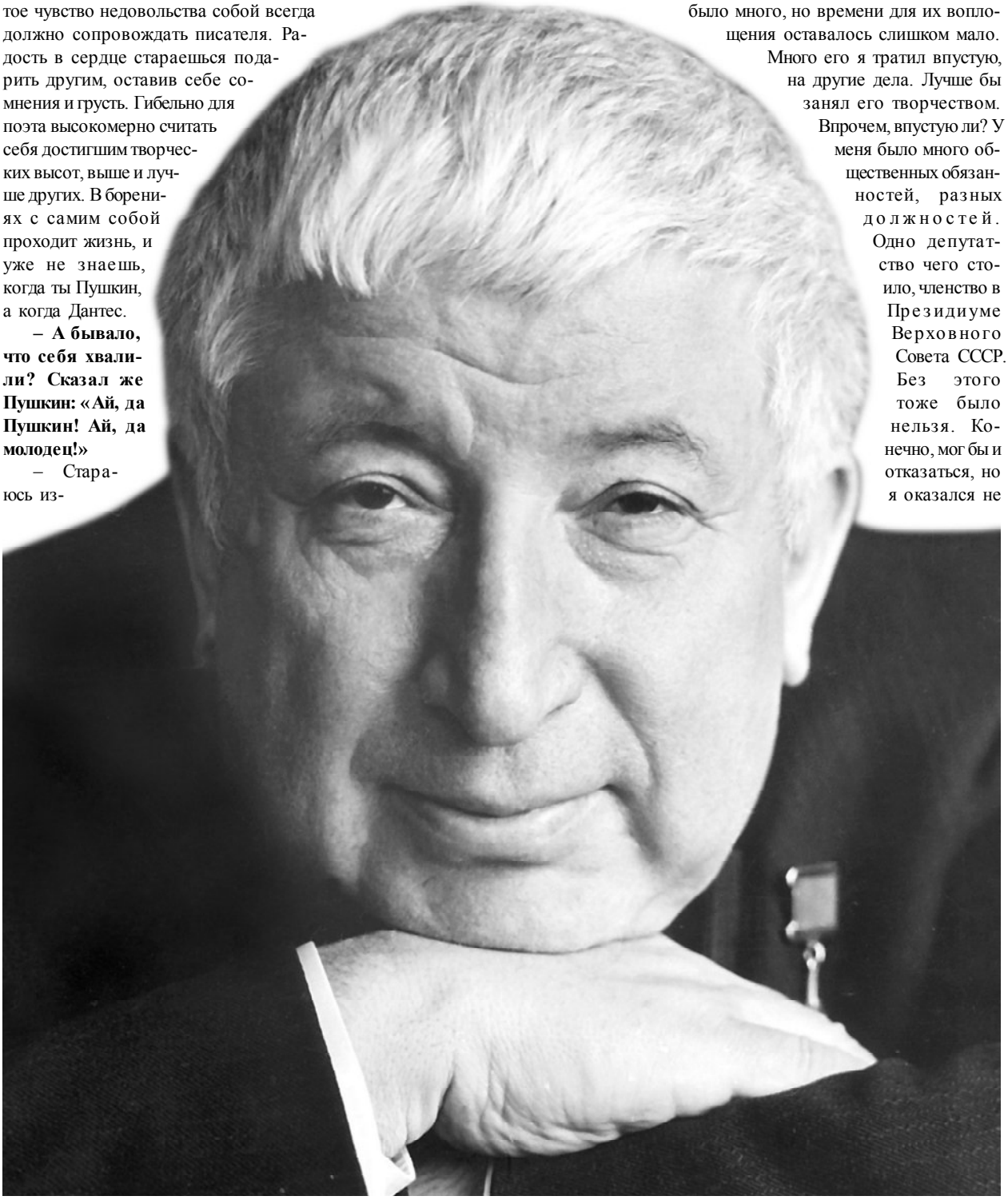
– Стараюсь избегать таких мыслей. Но случалось. Особенно, когда меня ругают. Тогда я тоже учусь у Пушкина: «Хвалу и клевету приемли равнодушно. И не оспаривай глупца».

– Помнится, тридцать лет назад вы говорили мне, что книга прозы «Мой Дагестан» будет состоять из пяти частей. Две вышли и стали широко известны. Где остальные три?

– Третья была написана, но рукопись ее никак не могу найти. Куда я ее дел – ума не приложу. Я больше, чем поэт, известен как ужасный неряха. Теряю много написанного. Жаль, конечно, но что поделаешь. Восстановить практически невозможно. После такой потери продолжать книгу трудно. Да и сейчас листки со стихами порой куда-то исчезают.

– Обидно. Вы еще задумывали книги «Радио и телевидение», «Книгу жалоб», «Книгу предложений»? Неужели тоже потеряли?

– Нет. Тут другая беда. Задумок было много, но времени для их воплощения оставалось слишком мало. Много его я тратил впустую, на другие дела. Лучше бы занял его творчеством. Впрочем, впустую ли? У меня было много общественных обязанностей, разных должностей. Одно депутатство чего стоило, членство в Президиуме Верховного Совета СССР. Без этого тоже было нельзя. Конечно, мог бы и отказаться, но я оказался не



таким сильным. И потом я рассудил, что могу в таком качестве быть полезен обществу, своей республике. Находиться под контролем партии, государства – радости нет, но быть под контролем народа, своего аула, своей совести – святая обязанность человека. И это самый важный, самый сильный контроль.

– Какое из ваших произведений удалось, на ваш взгляд, лучше остальных? И почему?

– Не могу ответить на такой вопрос. Поэзия – это настроение, сказал Пушкин, а настроение бывает разным, как и погода. Каждая строчка – это настроение души, и разве можно выделить какое-то одно, приподняв его над другими. Но, пожалуй, я могу как-то выделить «Журавли». Не потому, что считаю это стихотворение лучшим, а потому, что оно эмоционально и философски более других отражает нашу с вами жизнь.

– Случалось ли вам уничтожать написанное, считая, что оно не годится для публикации?

– Очень часто. Иначе и быть не может. Переписываю стихи порой десятки раз, хотя нередко они рождаются и на одном дыхании. Моя жизнь – это черновик, в котором я все время вычеркиваю какие-то строчки. Сегодня они как пьеса, находящаяся в работе, которая завтра в театре станет спектаклем. Но до самой премьеры у меня будут идти репетиции. Если же говорить о чем-то конкретно, то теперь я бы не напечатал поэму «Год моего рождения». Из истории ничего не выкинешь, что было, то было, и поэма написана, считаю, неплохо, но содержание… Фабула надуманная, совершенно нежизненная. Сталин в ней нигде не упоминается, но мысль, что его рождение является рождением страны, настолько ходульна, настолько для меня сегодня искусственна, что жалею о таком своем тогдашнем мировосприятии. Хотя и получил тогда за эту поэму Сталинскую премию.

– А может происходить так, что беретесь за перо, желая выразить какую-то определенную мысль, но в результате выходит нечто совершенно другое?

– Сплошь и рядом. Творческий процесс ввергает меня в удивительное состояние, которое трудно выразить. Погружаешься в некую стихию, которая несет в некие более серьезные глубины мысли. Я попытался об этом рассказать в своей новой работе «Времена и дороги», она еще не напечатана. В ней цикл поэм: «Черный ящик», «Кавказ», «Третья жена», «Четвертый возраст». Удалось ли задуманное – судить будущему читателю. И как еще справится со своей задачей переводчик…

– Круг ваших переводчиков на русский язык сужается и расширяется, вы всеми ими довольны?

– У меня были постоянные переводчики, которые знали меня, и которых знал я – мы понимали друг друга. Они меня, если так можно выразиться, «сделали» для русского читателя, благодаря им я пришел через русский язык и к другим, кто не читает на аварском, а таких – абсолютное большинство. Я им бесконечно благодарен. Это Гребнев, Козловский, Солоухин… Их уход из жизни – тяжелая утрата для всей российской литературы, а для меня – особенно, ведь это друзья моей юности, мы учились вместе в Литинституте. Сегодня переводческая школа почти погибла, а в Литинститут теперь не принимают людей, пишущих на национальных языках, только тех, кто пишет на русском. Выходит, что теперь и нацменьшинства, творя на русском, помогают великой русской литературе. Правда, ее можно назвать и российской, но со сменой акцентов мало что меняется. И литературные премии сейчас национальным писателям не присуждают. Говорят, они и так раньше много их получали. (Смеемся.)

– Как происходит, что за перевод того или иного произведения берется тот или иной переводчик? Он сам проявляет инициативу или вы вверяете свой труд человеку, таланту которого доверяете?

– Зная своих друзей, манеру их творчества, я, обсуждая предстоящую работу, разделял ее в соответствии с их поэтическими наклонностями. Козловский, например, тяготел к живописным полотнам, а Гребнев – к афористичной манере письма, к коротким формам. Поэтому в переводах первого строк было больше, а в переводах второго – меньше, чем в оригинале. (Смеется.) А для перевода прозы Солоухиным большую роль сыграл хороший подстрочник, который сделал Омар-Гаджи Шахтаманов.

– Молодость для поэта – преимущество или недостаток?

– У поэта нет возраста. Для одного молодость – преимущество, для другого – недостаток. Для меня молодость была поздней. Она наступила после смерти отца, когда я вдруг ощутил себя одиноким, осиротевшим. И когда понял, что нельзя идти по отцовской дороге, а надо найти собственную. И наступила она, как ни странно, после смерти Сталина, которому в свое время очень верил. Я никогда не видел его, был только на похоронах, но многое связывал с его именем. Фадеев рассказывал мне, каким образом была присуждена мне Сталинская премия. Были представлены на нее мой отец, Гамзат Цадаса, и я – эта идея очень нравилась Фадееву, и он рассчитывал, что понравится и Сталину. Но тот спросил, сколько лет отцу и сколько сыну. «74 и 28», – был ответ. Дадим отцу, а сын еще успеет, решил Сталин. Но на следующий год спросил: а что, сын Гамзата Цадасы на премию не представлен? Нет? Давайте дадим премию ему, еще обидится на советскую власть. И дали. (Смеется.) Я иногда жалею, что потом Сталинскую премию переименовали в Государственную. Такой все-таки памятный эпизод…

– Помогая неопытному литератору, чему вы отдаете предпочтение – кнуту или прянику?

– Смотря по тому, с кем имеешь дело. Иному ни кнут, ни пряник не поможет. Но с молодыми следует быть деликатным, с ними нельзя допускать грубых, тем более – обидных выражений. Иначе все испортишь. Впрочем, я считаю, что молодых поэтов не существует. Поэт или есть или его нет. Если значение поэта определяется возрастом, национальной принадлежностью, каким-либо еще внешним, привходящим, фактором, то это не поэт. Молодость же поэта – это другая категория. В послевоенные годы, учась в Литинституте, мы спорили со своими преподавателями, нередко эти жаркие творческие дискуссии шли и в соседнем пивном баре. Замечательное было время, даже в таких спорах студентов с наставником сразу угадывалось, кто есть кто.

– В спорах за кружкой пива?

– И не только. Водку, правда, в зал приносить не разрешалось, приходилось наливать ее прямо в кружку с пивом. Мне друзья говорили, как можешь ты, горец, привыкший, как, они считали, все кавказцы к благородному вину, допускать такое кощунство? Я отвечал, что допускаю такое надругательство под влиянием великой русской культуры. (Смеемся.)

– А доводилось ли вам самому испытывать на себе действие кнута или пряника? И если да, то что действует эффективней?

–Столь откровенно – не доводилось. Однако нет поэта, который бы не испытал на себе действие этих могучих инструментов. Меня пряник раздражает, а кнут причиняет боль. Но если кнут заслуженный, хотя бы на один процент, что, к сожалению, понимаешь не сразу, то он полезен и поэтому эффективен.

Нам в Литинституте преподавал брат секретаря ЦК партии Поспелова, он рассказывал, что Сталин, когда назначал его брата редактором газеты «Правда», сказал: ты можешь печатать в центральной партийной газете все, что захочешь, но 10 процентов напечатанного должен согласовывать с ЦК. От того, какие будут эти 10 процентов, зависит, будешь ли ты редактором или нет. (Смеется.) Вот как было.

– Трудно предположить, что какая-то ваша книга вызвала критический отзыв. Я такого не помню. А вы?

– Было такое. Камиль Султанов, наш дагестанский критик, очень отрицательно отзывался в своей статье о моей книге «Слово о старшем брате». Критиковал ее и мой друг Мустай Карим. Я вначале очень обиделся. А потом, поостыв, понял, насколько оба они были правы. Случилось так, что я написал стихи о русской учительнице. Они имели успех. И тогда я решил, что можно и нужно написать и о русском инженере, о русском агрономе… и т.д. (Смеется.) Мустай Карим сказал, что я писал это, чтобы получить премию. Дело было не в премии, но такой подход, конечно, отдавал конъюнктурщиной. Я понял это и на съезде писателей сказал, что критика была справедливой. Я благодарен был потом за нее своим друзьям. А вообще-то меня перехвалили.

– Ну, перехвалили или нет, народ и время разберутся. Кстати, кто из литературоведов, на ваш взгляд, был наиболее точным, чей анализ ваших произведений был наиболее им адекватен?

– Мне запомнились работы Огнева, Антокольского, Камиля Султанова, Камала Абукова. Вряд ли стоит надеяться, что анализ критика окажется абсолютно точным, что он сумеет проникнуть до дна в творческую лабораторию поэта. Тем более, если сам поэт этого дна не видит, если вместо того, что он задумал, из-под его пера нередко выходит нечто иное. Но те, кого я назвал, максимально приблизились к поставленной перед собой цели.

– Не чересчур ли умствуют критики, анализируя литературные произведения? Не приписывают ли они порой ясному замыслу автора того, что тот вовсе не предполагал? Случалось ли такое с вами?

– Многократно. Но я не помню ни одного такого отзыва. И они мне не интересны.

– Приходилось ли отказываться от первоначального замысла? Каким главным критерием вы руководствуетесь, определяя его «пригодность»?

– Приходилось не раз. А причины… Они могут быть разные. Возьмусь за работу, а завершить ее не могу: то времени не хватает, то таланта, то здоровья, то денег. Я написал две тысячи строк о Махмуде, хотелось рассказать о его любви, его лирике, но… Остановился и не могу продолжить. Оказалось, поэту рассказывать о поэте очень трудно. Потом я понял свою ошибку: Махмуд говорил о своей любви своими словами, а я тщился рассказать о его любви своими. И аромат поэзии моего героя улетучивался. Почувствовав это, я остановился. И вот не могу закончить, хотя мне нравится уже написанное, мне дороги эти страницы, и мне жаль, если эти стихи не дойдут до читателя. У меня много неоконченного. В свое время написал статью в журнал «Огонек», чтобы реабилитировать нашего замечательного художника Халилбека Мусаясул, помог его племянникам поехать в Америку за картинами, которые художник завещал Дагестану, начал писать поэму о нашем знаменитом земляке, но через несколько страниц остановился. Картины его не стали достоянием республики, их никто так и не увидел, они стали предметом непонятного мне торга, и вдохновение ушло.

– Вы поставили точку. Но прежде чем отправить рукопись в дальнейшее плавание, проверяете ли вы ее на слушателях? Учитываете ли замечания? Производите ли потом «доработки»?

– Обязательно. Лучше выслушать замечания до выхода книги, чем после. Читаю своим домашним. Проверяю рукопись на людях, чьему вкусу и мнению доверяю. Назвать имена? Это Бисавалиев, редактор тляратинской районной газеты, Абдурахман, предприниматель из Чиркея, большой поклонник поэзии. Слушаю, соглашаюсь или не соглашаюсь, вношу изменения, поскольку самомнению предпочитаю сомнение. Человек не может быть всегда и во всем прав, все обо всем знать. Такой предварительный редактор необходим

– У ваших литературных героев есть реальные прототипы?

– Как правило, да. Они дают импульс творчеству, все идет от конкретных людей. Они со мной во всех моих книгах. Ведь Абуталиб Гафуров – реальный человек, лакский поэт, мудрец и жизнелюб – и он мой герой. Как и многие другие персонажи моих книг.

– А становилась ли и семья объектом поэтического осмысления?

– Нет, я никогда не рассматривал семью как некий источник для рождения поэтических образов. Семья – это мой дом, где живут близкие мне люди и куда приходят мои гости. Других функций я ей не придаю.

– Какие черты вашего характера являются, по вашему мнению, достоинствами, а какие – недостатками?

– Со временем мои особенности, которые я считал достоинствами, оказались недостатками, а недостатки – достоинствами. (Смеется.) Я очень доверчив и поначалу полностью доверяю каждому новому человеку. Но время расставляет всех по своим местам, и первоначальные сто процентов доверия начинают сокращаться, как шагреневая кожа. В конце концов, человек предстает самим собой, и хорошо, если процент порядочности не опускается ниже допустимого уровня. К сожалению, довольно часто этого не происходит. Но я в этом смысле романтик, и по-прежнему принимаю нового знакомого с первой минуты за сто процентов.

– А случается, что принимаете человека поначалу за ноль?

– Бывает иногда. Но нередко, не поняв человека, затем убеждаешься в его самоценности. В последнее время, не скрою, я во многих был разочарован, наши люди после нынешних передряг стали какими-то мелочными, копеечными даже, эгоистичными, жестокими. Чуть ли не весь народ показался мне таким. Но в тяжелую для меня минуту люди встали рядом, поддержали меня, проявили самые лучшие чувства, и я убедился, что был не прав. Что и подтвердилось в трудные дни для всей республики. А конкретные черты характера не называю. Наверно, потому, что бесхарактерный… (Улыбается.)

– Ладно, как говорится, замнем для ясности. Такой тогда вопрос: время от времени в прессе вспыхивает дискуссия о проблемах семьи: сколько заводить детей, нужно ли молодоженам жить с родителями и т.п. Что вы думаете по этому поводу?

– Я об этом не думаю. Это не мое дело. Подобные вопросы каждый должен решать самостоятельно, и никто не вправе вмешиваться в чужую семейную жизнь. Спорить на подобные темы смешно, если не попросту глупо.

– Однако в обществе витает настойчивая мысль, что современный мужчина утрачивает свое превалирующее положение в семье – особенно в городах, женщины все больше и больше стали озадачиваться мужскими прежде заботами – и это тревожный симптом. Это так?

– Лично для меня в семье лучше быть подчиненным. Я не переношу ссор, скандалов, выяснение отношений – для меня настоящий кошмар. Поэтому я го-

тов, если не нарушается конституция горца, оказаться в подчинении.

– Бытует мнение: полное женское бесправие – одна крайность, а полное осуществление всех женских представлений о своей эмансипации – крайность другая. Мол, в том и в другом случае женщина проигрывает, поскольку истина всегда посередине. Как вы считаете?

– Все очень просто и не надо изобретать велосипед. Это надуманная проблема, которую поднимают или ради заработка, чтобы оправдать зарплату, гонорар или ученое звание, или просто ради удовольствия посудачить на близкую всем тему. А ответ всем давно известен: нужны совет да любовь. Равноправие в семье и взаимная любовь мужчины и женщины. Все остальное – от характера, воспитания, привычек. Это дело каждой отдельной семьи, а не общества.

– Но кто больше полезен обществу: женщина, вырастившая умных, трудолюбивых детей, выполнявшая вне дома работу негромкую, или женщина – передовик производства, светоч науки и т.п., но детей не растившая, семью забросившая?

– Этот вопрос нужно решать до женитьбы, а не после нее. И тогда проблемы не будет. (Смеемся.)

– А вот мудрый Лафонтен сказал: «Ученая женщина – бич своего мужа». Это верно?

– Нет. Может, для него самого или другого конкретного человека это так и оказалось. Но это не верно принципиально.

– Что на первом месте для мужчины, а что на втором: хороший отец и прекрасный муж или замечательный инженер, рабочий, ученый, писатель?

– Зачем распределять эти качества на первые и вторые? Они в мужчине должны совмещаться. Идеальной семьи быть не может. О чем говорить, если семейные ссоры – это как классовая борьба. (Смеемся.) Вы знаете хотя бы одну такую семью? Вот и я не знаю.

– Люди старшего поколения всегда сетуют на нравы молодежи. Это справедливо?

– Не справедливо. Но мир так устроен, и тут ничего не поделаешь. Спор между поколениями бесконечен и нескончаем. Только отдельные индивиды способны подниматься над ним и оценивать ситуацию объективно. Правда, если раньше отец говорил сыну «я тебя породил, я тебя и убью», то теперь все чаще сын говорит отцу «ты меня породил, и я тебя убью». Я думаю, что нельзя отцам стараться воспитывать детей похожими на себя. Это распространенное заблуждение. Воспитание ребенка – большой труд, в нем участвуют семья, школа, внешняя среда. И среда, думается мне, более решающее условие. Вспомните: комсомол воспитывал всех похожими друг на друга. И ничего хорошего из этого не вышло.

1973 год, Махачкалинская студия телевидения, передача, посвященная 50-летнему юбилею народного поэта Дагестана. На фото: (справа налево) переводчик Наум Гребнев, Расул Гамзатов, балкарский поэт Кайсын Кулиев, телеведущий Далгат Ахмедханов.

– Вы согласны, что нет родителей, которые полностью довольны своими детьми?

– Мне доводилось видеть родителей, хваставших своими сыновьями при сватовстве невест. (Смеется.) Это было. Но встречаются нередко и те, кто детей ругал.

– А вы своих детей баловали?

– Я всегда был в их подчинении. Я мог разозлиться, но тут же забывал об этом, потому что отходчив. Возможно, это и означает баловать.

– Говорят, что возраст человека определяется не прожитыми годами, а его мироощущением на данный отрезок времени. Исходя из этого посыла, сколько вам лет?

– Восемьдесят.

– То есть, сегодня ваш биологический возраст совпадает с жизненным?

– Сегодня я принимаю и понимаю мир больше и лучше, чем когда-либо прежде. Но демонстрировать это ощущение уже не могу. Поэтому я отвечаю: мне восемьдесят. Это серьезный возраст. Мне странно даже говорить о нем. Отец мой умер в 74 года, я его считал глубоким стариком. А мне уже восемьдесят. Но иногда в мыслях я все еще считаю себя молодым.

– Какой возраст вы считаете наиболее интересным для женщины и для мужчины?

– В Непале он один, в Китае другой, а для дагестанцев, думаю, 18 лет для девушек и 23 года для парня. А вообще-то я считаю для себя, что есть только рождение и смерть, а между ними – молодость.

– На каждом отрезке жизненного пути перед поэтом стоит какая-то одна творческая цель. Какова она для вас сегодня?

– Не могу сказать, что единственной для меня сегодня является забота о родном крае, но самой главной для себя целью считаю совершать усилия для достижения и укрепления единства Дагестана. Все остальные лозунги пахнут кровью. Вот свобода… Недостижимая, по сути, цель. Тысячи лет люди бьются за нее, а она почти так же далека. «Лишь тот достоин счастья и свободы, кто каждый день идет за них на бой…» – известные слова. Отсюда кровь, гражданская война и прочие «прелести» борьбы за свободу. Независимость… От кого независимость? Разноликая Европа объединяется, превращаясь в перспективе чуть ли не в единое государство, а мы в своем СНГ разбежались в разные стороны, даже в родном Дагестане появились сепаратистские настроения. Но разве это хорошо – быть в одиночестве, не иметь рядом плечо друга? Мы же закрываем границы. Надо крепить единство Кавказа, единство России. Суверенитет… Этого слова нет

даже в словаре Ушакова. Зачем нам суверенитет от Чечни, от Карабаха… На мой семидесятилетний юбилей Джохар Дудаев подарил мне «Мерседес» со словами о борьбе за независимость. Это не борьба, сказал я ему, а революционное нахальство. Он ничего на это не ответил. Пятьдесят лет назад я женился на Патимат и сразу потерял свою независимость. Так что – я должен был отказаться от семьи? Одинокие, мы лихачим в автомобиле, но с детьми этого себе не позволяем. Мы все зависимы друг от друга. Поэтому единство – вот главная наша цель.

– Можно с уверенностью сказать, что главная героиня ваших произведений – любовь. Вы встречаетесь с ней, наверное, ежедневно. И чего вам при каждой встрече с ней хочется больше: обнять ее или поклониться ей?

– И того и другого. Не поклоняясь, нельзя обнимать.

– Да?

– Да! (Смеемся.)

– А вы согласны с утверждением многих современных авторов, что, стремясь к жизненной правде, не следует избегать описания самых интимных подробностей взаимной любви?

– Думаю, что нельзя любовь превращать в показуху. Выставленная напоказ, переставая быть достоянием двоих, она неизбежно теряет нечто очень дорогое, принадлежащее только им. И потом: чтобы любить друг друга, вовсе не обязательно подниматься на крышу для всеобщего обозрения, можно посмотреть друг другу в глаза и в подвале… (Смеемся.)

– Говорят, нужно обладать талантом любить, чтобы испытать это чувство, как талантом писателя, инженера, музыканта, врача, чтобы достичь профессиональных высот. Вы разделяете это мнение?

– Не думаю, что необходимо обладать каким-то талантом, чтобы любить. Любят и без него. Но талант делает любовь глубокой, расцвечивает ее, открывает в ней все новые и новые грани. Талант – это невидимый для постороннего глаза океан любви.

– Может ли поэт, не испытавший любви, близости с женщиной, не пивший вина, воспевать и любовь, и женщин, и вино, что приписывают Омару Хайяму. Возможно ли это?

– Наверное, да. Будучи в Иране, я пошел на могилу Хайяма вместе с Мирзо Турсун-заде, прихватив с собой бутылку дагестанского коньяка. И хотя мой коллега поначалу сопротивлялся, мы выпили в память о поэте. Хайям, кстати, как утверждают иранцы, написал всего 65 четверостиший, все остальные, мол, созданы народом, безымянными авторами и приписываются теперь ему. Как бы то ни было, сегодня Хайям известен всему миру, хотя 300 лет пребывал в забвении, откуда его вызволил перевод четверостиший на английский. У него было всего три темы: любовь, музыка и вино. И этого оказалось достаточно, чтобы войти в историю мировой литературы. Талантливый поэт способен силой воображения отразить реалии жизни, с которыми лично и не сталкивался. Допускаю это. Говорят, что Лев Толстой смог написать «Войну и мир» потому, что был на Крымской войне, участвовал в обороне Севастополя. Но я думаю, что не воюй он в Крыму, все равно написал бы свой великий роман. А Пушкин и его «Медный всадник»? Это ли не пример чистого воображения? Говорится же: собрание сочинений… именно сочинений.

– Подразумевается, что любовь – прекрасное чувство. Но сколько трагедий совершается на почве любви. И в вашей «Горянке» Асият гибнет из-за ревности юноши. Так всегда ли любовь прекрасна?

– Я бы так не сказал. Ее нужно делать прекрасной. Особенно сейчас, когда в ней появляется немало уродливого. Наряду с легкомысленными женщинами появились такие же легкомысленные мужчины. А истинная любовь всегда серьезна. И в то же время она может быть опасной. На фронтах войны гибнут физически, а на фронтах любви гибнет разум. Сколько молодых поэтов закончили свою жизнь, не дожив даже до 30 или 40 лет. Имам любви Махмуд погиб молодым, а имам войны Шамиль жил до 70 лет. Какой же фронт опаснее? Но кто боится любви, тот ее не достоин.

– Разница в возрасте между вступающими в брак мужчиной и женщиной раньше была весьма ощутимой. Сейчас она почти исчезла, а порой невеста даже старше жениха. Это хорошо или плохо?

– Не вижу в этом проблемы. Если этого хочет женщина, то это прекрасно. И прекрасно согласие между ними. А больше ничего не требуется. Общеизвестные примеры несуразных браков имеют каждый свои побудительные мотивы, не имеющие отношения к нашей теме. Ведь мы говорим о любви.

– А правомерно понятие «культура любви»?

– Видимо, культура любви это то, что можно назвать поэзией любви. Поэтому вопрос в том, является ли человек поэтом любви. О любви философствовать нельзя. По этому поводу я как-то сказал, что неудавшийся поэт – это философ, неудавшийся философ – это историк, неудавшийся историк – это борец за мир, неудавшийся борец за мир – это солидарность Азии и Африки, а дальше идет уже… мебель. (Смеемся.)

– Не потому ли муссируется идея ввести в школьную программу новую дисциплину – по половому воспитанию? Как вы это оцениваете?

– В Дании, например, школьников воспитывают в этом плане. Что тут можно сказать… На мой взгляд, такое воспитание облегчает мужчинам общение с женщинами, поэтому осуждать такое нововведение я не могу. Но возникает опасность половой распущенности, а это… Я вот не понимаю мужчин, которые меняют жен. Спрашивается, о чем он думал – и думал ли – когда женился! Сходятся, расходятся… Нет, до таких высот культуры я не дорос, я не специалист по этому вопросу, я просто влюбленный.

– Но говорят же: любовь зла – полюбишь и козла. Разве, если мужчина или женщина умны, они могут полюбить глупых?

– Но в большинстве случаев ведь так и происходит. Людям свойственно развлекаться. Вот они и развлекаются – не только физически, но и нравственно.

– Кто не любил, тот не жил полноценной жизнью – так гласит народная мудрость. Но ведь таких людей миллионы. Они что – проморгали свою жизнь?

– Они как контуженные. Я с этой мудростью согласен. Мы приходим в этот мир для любви, и если она прошла мимо человека, то мне его искренне жаль. Есть и другая мудрость: ни дня без любви, ее часто повторяет одна из моих переводчиц. Женщины вообще труднопредсказуемы, а женщины-поэты… Впрочем, хотя среди женщин поэтов немало, но количество не всегда переходит в качество. Цветаева и Ахматова – исключение, которое подтверждает это правило.

– Мы часто слышим о женщинах-друзьях. Но можно ли в женщине не видеть женщину, а только друга?

– Я люблю дружить с женщинами. И если приходится занимать деньги, то спрашиваю у них, а не у мужчин. Но почему так интересует женский вопрос? (Смеемся.)

– Так с кем же его обсуждать, как не с вами! Это наша жизнь, если и не вся, то лучшая ее часть. Впрочем, не всегда. Ведь так?

– Тут сколько ни говори, всего не

скажешь. Поэтому отвечу коротко. Я влюблен в женщин. А если в женщине не вижу женщины, то я с ней не дружу.

– Нередко мы говорим: друг моего друга – мой друг. Нет ли в этом ошибки?

– Иногда друг моего друга может быть врагом. Подозрительность и ревность – нередко его качества. И тогда он старается отдалить от вас своего друга. В этом его корысть. А настоящая дружба всегда бескорыстна.

– Друзей бывает много, но близких друзей можно пересчитать по пальцам. Не рискуя кого-то обидеть, не упомянув, вы можете назвать одного, двух, трех самых близких друзей?

– Мои близкие друзья почти все уже умерли. Сейчас самые близкие друзья – Мустай Карим, Давид Кугультинов, Чингиз Айтматов. У каждого из нас свои недостатки. Но в них я ни разу не разочаровался.

– А справедливо ли говорить: скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты?

– Скорее всего, нет. Впрочем, я об этом никогда не думал. Вообще, в дружбе много таинственного, это необъяснимое чувство, его нельзя сформулировать, разложить по полочкам, в дружбе всегда присутствует какая-то тайна. Это прекрасно, как мечта.

– Говоря о нравственности, такой вопрос: почему в «хорошей» среде у «хороших» родителей растут «плохие» дети? Может, и среда и родители только внешне кажутся «хорошими», а на самом деле…

– Нет, это не так. Вот мой пример: родители у меня пользовались всеобщим уважением, авторитетом, а я в детстве был весьма хулиганствующим ребенком, у меня даже кличка была «Плохой Расул». И земляки удивлялись: как у такого отца растет такой сын. Прошли годы, и оценки сменились, обо мне стали говорить: Расул – сын своего отца. И это самое высокое для меня звание среди множества других: лауреат, депутат, Герой Соцтруда и прочих, которых много. В разное время – разные болячки. В нашем ауле было несколько Расулов, и когда отцу одного из них пожаловались на плохой поступок сына, тот не поверил, сказав, это не мой Расул, это, наверное, Расул Гамзатов. Чужие дурные слова и поступки в детстве приписывали мне, а потом то доброе, что я даже не делал и не говорил, стали приписывать тоже мне.

– Значит, потом вы все делали замечательно, как надо…

– Я так не думаю. Особенно, по отношению к самому себе…

– Не без трудностей, конечно, но если иметь в виду конечный результат… Кстати, какая черта человеческого характера наиболее полезна обществу и какая наиболее вредна?

– У каждой есть обратная сторона, как у медали. У каждого плюса есть минус и наоборот. Но самой полезной обществу чертой человека, как и для него самого, я считаю честность, правдивость. Я могу простить скупость, леность, многие другие пороки, но лживость, обман – не могу. Ложь, коварство человека разочаруют меня в нем полностью. (Внезапно улыбается.) Хотя я много лет работаю председателем Союза писателей… (Смеется.)

– Какие же нужны главные условия, чтобы общество воспитывало полезного человека?

– Люди должны жить обеспеченно. Чтобы не задаваться проклятыми и вечными вопросами русской литературы: кто виноват, что делать, что день грядущий мне готовит, куда ведет мой жалкий жребий, кому на Руси жить хорошо? А сегодня эти достаточно философские проблемы сменились такими прозаическими, как – голодно ли, холодно ли, страшно ли? И большинство населения отвечает утвердительно: да, голодно, холодно, страшно. Отсюда произрастает недовольство, которое пахнет кровью, воровством, взяточничеством. А человек, поскольку продаются и покупаются наряду с дипломами и нравственные качества, не может стать тем, кем мог бы: инженером, врачом, агрономом. Он даже готов приспособиться, но у него просто нет денег. Поэтому ответ прост: нужно создать необходимые условия для развития экономики.

– Вы согласны с частной собственностью? В том числе и на землю?

– Согласен. Ведь так жили на протяжении веков наши предки. Так жили и живут люди во всем мире. Наверное, какая-то ядовитая муха укусила в свое время основоположников марксизма-ленинизма, и они сбили с толку народ огромной страны.

– И вас тоже?

– И меня тоже. Но ведь только безмозглый камень лежит, не двигаясь, там, куда его положили, и даже дерево обрастает мхом с севера, со стороны, откуда веет холодом. А человек должен взрослеть, думать, сопоставлять, находить истину. К сожалению, мы ее долго не искали. А сейчас ищем медленно и плохо.

– Какое ваше самое первое детское воспоминание?

– Это первые стихи. До тех пор, я считаю, не жил. Поэзия – моя жизнь, она начинается со стихов.

– А доводилось ли вам рассказывать своим маленьким дочкам о собственном детстве?

– Нет. Это странно, но так случилось. Они рождались, росли, взрослели, а я был постоянно в разъездах, занят работой, своей и общественной.

– Но есть друзья детства, сверстники, с кем вам сегодня приятно общаться?

– Есть один такой человек, Гамид, живет в Цада, и когда я приезжаю, мы обязательно встречаемся. Но вспоминает о детстве, юности больше он, я больше слушаю да поддакиваю. Особенно он любит вспоминать, как обыгрывал меня на деньги. Не знаю, играют ли сейчас в такую игру – кидаешь камень в стопку сложенных орлом вверх монет, потом бьешь в каждую, стараясь ее перевернуть решкой. Перевернул – выиграл, нет – тогда бьет соперник. Однажды я так проиграл целый день, не пошел в школу, причем деньги на игру я собирал с аульчан за чтение им новых стихов отца. Это были мои первые гонорары, но за артистическую деятельность. А когда проигрался окончательно, стал собирать у сельчан деньги на предстоящее якобы завтра представление канатоходцев. Продул и их, конечно. Когда отец узнал о моих художествах, то строго наказал меня своим… презрением к моему поступку. Это была такая нравственная мука, которую я запомнил на всю жизнь. А через день он сказал, что я заслужил наказание не потому, что не пошел в школу, играл на деньги, разодрал при игре штаны, а за то, что лгал. Это стало для меня уроком, который я помню и сейчас, в 80 лет. Вот так в детстве я сам, вместо цовкринцев, шел по нравственному канату. Впрочем, я и сейчас по нему иду.

– Есть что-то такое, что вы хотели бы перенести из прежнего аульского быта в свою нынешнюю городскую жизнь?

– Жалею, что мой дом не сакля. Еще жалею, что в этом доме нет комнаты отца и матери, какая была в родном Цада. Хотел ее устроить, но вот до сих пор это не получилось. А еще, когда отец болел здесь, в Махачкале, он просил привезти ему воду из буцринского родника, считая, что она поможет. Мне сейчас тоже привозят воду из этого источника. Я ею лечу глаза, очень помогает.

– Вы живете в Махачкале, но часто ездили и ездите в Москву, которая стала для вас вторым домом. Какие у этих двух домов свои плюсы и минусы?

– Очень простые: то, что в Махач-

кале нет рядом Москвы, а в Москве, что нет рядом Махачкалы. (Смеемся.)

– Вы знакомы со многими известными всей стране и даже всему миру людьми. Кто из них произвел на вас наиболее яркое впечатление? Может, позитивное, может, и негативное.

– Среди государственных деятелей это индийский президент Радхакришнан. Беседа с этим интеллигентным, высокообразованным человеком произвела на меня неизгладимое впечатление. Яркими личностями оказались Фидель Кастро, Че Гевара… А среди наших российских деятелей… Таковых нет, наверное. Из литераторов же в первую очередь – это Твардовский с его «Василием Теркиным». Впечатление оставил Тихонов своей фантазией о Дагестане. Помню, однажды мы с ним до утра сидели, и он всю ночь мне рассказывал и рассказывал о Дагестане, а я удивленно слушал. (Смеемся.) В моем доме кто только не был: Твардовский, Тихонов, Симонов, Луконин, Гроссман, Крон, Казакевич, Окуджава, Гребнев, Козловский, Липкин… Если же речь не о литераторах, то я люблю людей других профессий, как люблю читать нехудожественные книги. Скажем, по истории, географии, краеведению, философии. Они утоляют любознательность, расширяют кругозор. Это так естественно, что и говорить не стоит.

– Творчество каких современных писателей старшего поколения вам ближе всего?

– Шолохова, Пришвина, Булгакова… Из поэтов – Пастернака, Есенина, Мандельштама, Ахматовой, Цветаевой. А если говорить о более ранних, то Тютчева. О Пушкине и Лермонтове я уж не говорю – они на первом месте. Из более молодых современных литераторов хорошо знаком с Евтушенко, Вознесенским, Рождественским, Ахмадулиной, мои литературные пристрастия касаются всех поколений, но современную литературную молодежь я не знаю. Для результатов труда ученого неважно, откуда он родом, где воспитывался, на каком языке говорит. Его продукт не имеет и не может иметь аромата его личности, его принадлежности к тому или иному народу. Но для поэта все это имеет решающее значение. И мне важно, какая речка течет мимо аула, откуда автор родом. Нынешняя же литературная поросль, мне кажется, вся на одно лицо.

– Почему?

– Одна из причин – то обстоятельство, что государство сегодня из одной крайности бросилось в другую: объединилось с мечетями, отринув от себя литературу, культуру, искусство. Но есть уже и признаки того, что интерес к поэзии возрождается. Был я недавно на вечере поэзии в спортивном зале педуниверситета, так мне подумалось, что люди не слушать стихи пришли, а смотреть футбол – столько в зале собралось народу. Значит, не все потеряно.

– Вы как-то обособляете юмористические, сатирические произведения или они для вас находятся в общем литературном ряду?

– Юмор органичен для подлинной литературы. Мысль автора не должна быть скучной, иначе, в какой бы форме она ни была выражена, текст перестает быть литературой. Если мне хочется ее выразить, я решаю, как лучше, нескучно, что ли, ее реализовать: в форме сонета, четверостишия, двустишия, эпиграммы или развернутого стихотворения. И юмор от решения такой задачи не отделим. Он – как соль для сваренного яйца, как чесночная подлива для хинкала.

– Как-то вы говорили, что задача писателя ставить вопросы перед обществом. Есть ли сегодня у вас такие вопросы?

– Перед государством, а не перед обществом. Было время, когда государство в лице партийных органов ставило передо мной вопросы, на их длинный перечень я должен был отвечать. В частности, и на такой: тот, кто не способен влиять должным образом на массы трудящихся, не должен становиться членом Союза писателей. А сегодня я перед государством поставил бы один главный вопрос: когда кончатся ложь и воровство? Его, уверен, хотело бы задать большинство населения. Ответ, я думаю, будет не скоро. И в этом я пессимист. В ближайшем будущем не жду ничего хорошего. Все, конечно, в конце концов наладится. Вот только когда…

– А чего сегодня у нас в избытке?

– Вот этого самого – лжи и обмана. Раньше хоть за какие-то преступления наказывали, а сейчас за них награждают. И чем серьезней преступление, тем выше награда. Самое любопытное, что все – от крестьянина до высокого чиновника – знают и воров и то, что их награды и звания фальшивые.

– Почему это происходит?

– Почему – не знаю. Я сам удивлен. Порой думаешь: неужто потому, что Россия не может жить без революций, каких-то кардинальных перемен, которые происходят в стране время от времени. Кто-то ловит рыбу в мутной воде, а народ страдает. Наверное, это зло непобедимо.

– Но если не совсем, то хотя бы загнать его в угол, чтобы оно не так сильно мешало. Но как?

– Довольно долго мы жили без рынка, с государственным устройством, которое осуждал и не принимал весь остальной мир. Но в государстве царил порядок. Именно царил. Положительным в нем было одно – он сам, какой-никакой, но порядок. Сегодня мы идем к общепринятому человечеством государственному устройству, но порядка нет и в помине. Вот когда совместится и то и другое… Ведь понятно, как работает, и в чьих интересах, чиновник, получивший должность за деньги. Может ли врач лечить людей, если он купил диплом? Трудно придумать ситуацию более ужасную, чем эта. Но мы ее наблюдаем повсеместно, и не только в медицине. Только в нашей республике десятки новых учебных заведений, которые выпускают, обманывая людей, неучей, во зло им самим и всему обществу. Куда уж дальше!

– В «Литературной газете» давних лет была рубрика «Если бы директором был я…» Если бы директором были вы, что бы вы сделали?

– Ну, во-первых, я бы всячески избегал им стать, и если бы меня им сделали, то тут же бы с должности и сняли. Я бы выдвинул требования, которые невозможно выполнить. Я не могу быть директором. Ведь кто эти люди, которыми я должен буду руководить? Они ведь сформировались не сегодня, и не вчера, и даже не в последнее десятилетие. Они все из нашего советского прошлого, они привыкли к фальшивым лозунгам, к имитации бурной деятельности, к иждивенчеству, к воровству и взяткам. Многое ли изменилось за последние десять лет? Очень немногое. Но то, что было тайным, то стало явным. И простой народ, увидев и услышав это, ужаснулся и решил, что нынешнюю грязь принесло только последнее десятилетие. Народ, конечно, разберется со всеми, кто того заслуживает. Но, как я сказал, думаю, еще нескоро.

– Обратимся к школе, которая тоже постоянно переживает реформы. Вот и сейчас… Они, бесспорно, нужны, вы знаете, какие?

– Такие, как и в остальных сферах общественной жизни – реформы здравого смысла. Школа докатилась до невообразимо низкого уровня. Родители собирают деньги на золотое кольцо учительнице, чем учат детей взяточничеству. Оно узаконивается в их глазах. Или ребенок приходит домой и говорит маме, чтобы она приготовила учителям обед, мол, будут принимать в их классе экзамен, так передала учительница. О

том, что это стыдно, сами педагоги (если их можно так назвать) даже не подозревают. И это – школа, которая учит и воспитывает. Чему она научит! Кого она воспитает! Когда я был школьником, я относился к учительнице как к своей второй маме, а сегодня ученики обращаются к ней на «ты».

– В свое время вы были журналистом. Не возникает ли иногда желание откликнуться на подобные проблемы по-журналистски?

– Именно такое желание сейчас меня и обуревает. «Позиция и нация» – так бы я озаглавил эту статью, в которой попытался бы ответить на те надуманные, совершенно нежизненные вопросы, которые с важным видом и с якобы государственных позиций обсуждаются в нашей республике. Это же смешно, что отказ в назначении на должность трактуется как негативное отношение к нации ее соискателя. Но никак не соберусь взяться за эту статью.

– А случалось, что ваше литературное произведение вызывало реакцию, которая возникает в ответ на журналистское выступление?

– Много раз. Такой резонанс вызвала книга «Последняя цена». Волну откликов вызвали стихи о родном языке, «Берегите друзей», «Журавли»… С такой реакцией я сталкиваюсь постоянно. Я знал, что проблема отцов и сыновей существует, но поразился, какую бурю откликов вызвала поэма о матери. Помню, письма шли даже с Дальнего Востока. Проблема отношений матерей и дочерей, оказалось, тоже животрепещуща.

– Культ уважения к старшему поколению – дело святое, но нет ли в нем внутреннего противоречия? Ведь старший всегда более консервативен, он объективно против нововведений и этим тормозит прогресс. А как быть, если старший просто-напросто глуп, а требует исполнения своих указаний?

– Ничего нельзя абсолютизировать. Все познается в каждом конкретном случае. Смотря какие родители и какие дети. Я тоже мальчишкой думал, что понимаю все лучше отца, да и мнение учителя ценил выше, но, повзрослев, понял, как ошибался. Все, наверно, жалеют о своем недостаточном внимании к родителям, когда их не станет. Я тоже жалею. Человек, теряющий горский менталитет по отношению к старшим, просто неполноценен. К сожалению, уважение к старшим часто подменяется уважением к должности. Свадьбу порой не начинают, пока не появится облеченный должностью человек, не говоря уж о каких-то дежурных мероприятиях. А чиновник, зная это, опаздывает, демонстрируя свою значимость. Я думаю, что если старший и не прав в чем-то, лучше проявить деликатность, не подчеркивать это. Я, когда сталкиваюсь с такой неправотой, обычно говорю, что горы старше такого моего собеседника.

– А за что потомки могут осудить нас, сегодняшних?

– Недостатков, увы, у нас много. Но потомки обычно помнят только хорошее и не помнят плохого. Мы тоже хвалим своих предков, но разве они были такими, какими мы их сейчас величаем? Нет, конечно. Раньше всегда было лучше – такова психология обывателя. Хвалят и царское время, хотя ничего о нем не знают. Хвалят сталинское, не имея о нем представления. Особенно поражает, когда об этом разглагольствует молодежь. Хвалят Хрущева, Брежнева, при которых хвастовство выросло до непомерных размеров. Каждое событие – эпохальное, каждый шаг – новая эра. Все было великим и достойным для подражания остальным миром. Так хвастаются богатством, когда хотят скрыть свою бедность. Обманывать можно долго, но не всегда. А теперь унижаем себя, распинаясь в своей нищете, вместо того чтобы с ней бороться.

– Кто из отечественных или зарубежных государственных деятелей, политиков прошлого или настоящего вызывает у вас уважение? Кто из них интересен как личность?

– Зарубежные вызывают большее уважение. Это простые, как правило, интеллигентные, умные, деликатные люди – не в пример отечественным, которые отличаются кичливостью, беспардонностью. Чему способствует неимоверно культивируемое в нашей стране чинопочитание. А за рубежом… Вот я отдыхал как-то в Чехословакии, и председатель правительства говорит мне: пойдем пить пиво. И мы идем. Но не в какой-то особый, специально оборудованный для важных персон, ресторан, а в обычный бар, и премьер-министр стоит в обычной очереди за пивом, отказывается от предлагаемых льгот, угощает меня. Я в новом цикле стихов «Времена и дороги» описал подобные ситуации, свои воображаемые разговоры с Лениным, Троцким, Сталиным и с теми, кто пришел за ними – более мелкой сошкой, сказал, что я о них думаю.

– Какие ошибки в истории вам хотелось бы сегодня исправить?

– В разное время – разные ошибки. Порой то, что считалось ошибкой, с течением времени таковой уже не признавалось, а считалось верным решением. Когда одного спросили об ошибках советской власти, он ответил: ее отношение к религии, вот если бы она приветствовала богопочитание, то всем было бы хорошо. Второй ответил, что была бы она хороша, если бы его дядю не расстреляли. А третий говорит: все бы ничего, только зачем замки на колхозных амбарах висели, работу в колхозах контролировали. Вот если бы не это… А вообще-то, будь это в моей власти, я устроил бы мир по-другому. Вначале человек проживал бы старость, размышлял бы о бренности всего сущего, выбирал бы с высоты своей мудрости себе жизненный путь. Потом наступала бы молодость со всеми ее прелестями, а потом детство, которое, как мы помним, длится долго. Тогда бы могилы были маленькими, а жизнь большая. (Улыбается.) Но затем думаю: нет, нельзя спорить с Богом, с тем, как он устроил нас. По его воле маленький воробей победил великий Китай, по его воле гуси спасли великий город Рим. Не буду ему, всесильному, возражать.

– Из классиков русской литературы вы более всего любите Пушкина и Лермонтова. А из зарубежной?

– Немца Гейне, шотландца Бернса, иранца Хайяма, таджика Хафиза, китайца Ду-Фу, люблю японские пятистишия.

– А какая страна из тех, в которых вы побывали, понравилась более всего?

– Такой по существу нет. Там, где у меня хорошие друзья, та страна и нравится. Но в любой стране уже через три дня начинаю скучать по родине, близким людям. И начинаю считать дни до возвращения. А о тех, что тронули душевные струны, к каким почувствовал привязанность, я писал стихи. Поэму «Кумари» о Непале, писал о Нельсоне Манделе, книги «Суд идет» и «Колесо жизни». Не скажу, что люблю Индию, но она очень интересна.

– Приходилось ли замечать в разных странах черты местного национального характера, схожие с чертами дагестанца, русского, грузина, узбека?..

– Нет двух схожих абсолютно людей, и в то же время все они похожи. Особенно похожи друг на друга, хотя живут в разных странах, дети, поэты и студенты. А если говорить о том, что более всего сближает и различает, то черты личного характера, конечно. Что отличает честного от лжеца, доброго от злого… Правда, кристально честный человек порой считается идиотом, что зафиксировал Достоевский, а идиот

честным ревизором, о чем рассказал Гоголь. И в нынешнем нашем дагестанском обществе многие понятия искривлены, воспринимаются превратно. О Сталине, о Багирове говорят, выражая свое восхищение, «это мужчина». По таким же мотивам называем «настоящим мужчиной» и «вора в законе». В общем, чем больше человек проявлял насилия, демонстрировал жестокость, самодурство, не ограниченную ни законом, ни разумом, ни справедливостью власть, тем более он «мужчина». Так и детей воспитывают…

– Могли бы вы назвать страну, в которой чувствовали себя как дома?

– Мне в зарубежных поездках везде, если слегка утрировать, было даже комфортней, чем дома. Потому что дома я от всех зависел, от меня требовали по тому или иному поводу отчетов, а за границей никто ничего от меня не требовал, там я был свободен.

– У нас, в Дагестане, гостеприимство считается национальной чертой характера. Насколько это справедливо? Ведь хорошо принять гостя, приветливость, радушие, хлебосольство у любого народа считается приоритетом. Разница, видимо, только в степени интенсивности и демонстративности своих добрых намерений… Эта разница зависит от национального или личного характера?

– Я не думаю, что мы такие уж гостеприимные. Мы ничем особым не отличаемся, чтобы кичиться этим. Настоящее гостеприимство не терпит хвастовства, как истинные щедрость, доброта не требуют себе рекламы. В этом смысле самая гостеприимная страна – Соединенные Штаты. Там не бьют себя в грудь, заявляя о своем радушии, но встречают гостей с искренней о них заботой. Гостеприимны люди в Латинской Америке, в Испании. Что до меня, то я предпочитаю не злоупотреблять добрым отношением незнакомых людей; лучше всего, если ты не в частном доме, заплатить за все, что тебе предоставляют – это всегда происходит к взаимному удовольствию.

– Вы можете сказать, какое угощение в гостях вам понравилось более всего?

– Не подвержен культу пищи. Более всего мне нравилось, что готовила мама. А в гостях… Я согласен с писателем и поэтом Симоновым, который любил говорить: мы ели, что бог послал, и пили, что черт послал. А Твардовский угощал обычно сосисками, но сосиски с ним были куда вкуснее, чем шашлыки у иных хозяев.

– Есть ли любимый ресторан?

– Я в ресторанах вырос. А любимый – это ресторан Центрального дома литераторов в Москве. Я в нем еще при карточной системе был завсегдатаем. В нем мы провели немало времени с Фадеевым, Симоновым, Твардовским. Мы были молодыми, и я дружил со многими русскими поэтами и писателями, был тамадой на многих замечательных, интересных застольях. Там слушал Анну Андреевну Ахматову, Пастернака. Любил пивной бар на Пушкинской площади, тогда в 45-м, 46-м, где частенько проводил утренние часы вместо первой лекции.

– Не спрашиваю, музыка какой песни на ваши стихи наиболее соответствует тексту, «Журавли» – тут вне всякой конкуренции, и не только среди ваших песен. А как вы относитесь, скажем, к опере?

– Больше люблю балет. Но оперу не прочь послушать с хорошими солистами, которых у нас, к сожалению, мало. Но я рад, что оперные спектакли стали ставить в Махачкале, что бы ни говорили о том, что такие постановки – профанация жанра. Надо же когда-то начинать, иначе никогда ничего не будет. Вот и начали. Это хорошо.

– Вы встречались со многими известными артистами театра и кино, кто из них оставил у вас самое яркое впечатление?

– Ливанов, художественный руководитель Московского художественного театра. Народный артист, яркая личность, очень интересный человек. Я очень люблю людей, которые ко мне хорошо относятся. (Смеется.) Помню, с каким восторгом он стоял на коленях перед своей женой, Еленой Кантемировной. И он очень не любил «Таганку», которую называл пародией на театр. А я тогда много общался с Любимовым, который часто у меня бывал.

– Какие из российских или зарубежных фильмов последнего времени вам запомнились?

– Любимым фильмом у меня был «Чапаев». А сейчас не могу какие-то отметить. Хорошие, может, и могу, но любимых нет. Да и что можно сегодня запомнить, кроме сексуальных сцен. (Смеемся.)

– А спортом не занимались? Спортивные телепередачи смотрите?

– Не занимался и не смотрю. Только иногда болею, смотря футбол: «Нужен гол, «Анжи». А для себя думаю: нужен еще год на этом свете…

– Был год и будет год, и будет следующий, говорится же: будет день – будет пища… Вы работаете – значит, все как всегда. А как вы отдыхаете? Есть ли у вас хобби, увлечения?

– Я человек непостоянный. И увлечения у меня тоже непостоянные. Сейчас люблю играть в нарды. А хобби у меня одно – новые люди. И женщины. Ведь на них даже только смотреть – удовольствие. А отдыхать я не умею. Просто делаю то, что рекомендуют врачи.

– Что вы делали вчера, после нашей с вами долгой беседы?

– Было много телефонных звонков. Потом пришел какой-то человек, отрекомендовался моим старым знакомым, но я его не помню. Сидел у меня долго, вспоминал разные истории, изложил свою просьбу. Потом снова были телефонные звонки, а затем я поехал в Шамхал выразить соболезнование. На обратном пути меня пригласили в ресторан послушать песни на мои стихи. Пели обаятельные горянки, пел наш певец Синдиков, я получил большое удовольствие.

– Насыщенным оказался день. А что будете делать сегодня, после этого нашего разговора?

– Надо выслушать людей, которые ждут в приемной. Потом поговорю с режиссером-постановщиком моего юбилейного концерта в Москве, который пройдет в сентябре. И пойду на юбилейное торжество уважаемого человека, на которое меня пригласили вчера.

– А что будете делать завтра?

– Завтра, в пятницу, схожу на могилу Патимат, моей жены, и собираюсь потом поехать на дачу.

– Последний вопрос, Расул Гамзатович. Однажды давно я задавал вам его. Я спросил: если бы у вас возникла волшебная возможность исполнить три своих любых желания, какие бы они были? Вы ответили, что подумаете и ответите в следующий раз. Вот и настал этот следующий раз. Итак?

– Я окончательно запутался. (Улыбается.) Желаний вроде много, но в то же время и мало. Не будет странным, если я пожелаю себе, как и другим, здоровья. Хочу работать, написать о том, о чем еще не писал. Бог дал мне достаточно времени, спасибо ему. Но я этим временем не всегда распоряжался достойно. Хочу этот пробел по мере сил восполнить. А второе и третье желания повторяют первое…

– Здоровья вам, Расул Гамзатович. Исполнения всех желаний.

Поэт во всем поэт. О том, как Расул Гамзатов подписывал в подарок свои книги и о том, как подписывали книги в подарок ему, читатель узнает благодаря автографам, бережно собранным поэтом Абдулой Дагановым...

АВТОГРАФЫ РАСУЛА

Книги Расула Гамзатова с дарственными надписями разлетаются по всему миру, как голуби, несущие на своих крыльях радость людям. В них поэт вкладывает тепло своего сердца. Они раскрывают читателям характер и душу поэта.

Я знаю: как и стихи поэта, его автографы будут передаваться из поколения в поколение. Их будут хранить в музеях, изучать в своих трудах ученые. Ведь в них порой вложены глубокие мысли. Правильней было бы называть их дарственными произведениями. Этот жанр редкий, но известный исстари. Расул Гамзатов дает свои автографы друзьям, просто читателям. В них много юмора. Изучение их – дело литературоведов.

Я сделал попытку собрать автографы Расула Гамзатова, оставленные им на книгах, вышедших в разные годы в различных издательствах. Думаю, что в них читатель найдет любовь великого поэта к своим современникам. В какой-то степени его автографы раскрывают и их образы. (Вначале я указываю, кому подарена книга, потом ее название и дату. Очень часто автограф давался в стихах, переводы их сделаны С. Сущевским).

* * *

Редактору газеты «БагIараб байрахъ», другу юности, аварскому писателю **Магомеду Шамхалову**, «Горянка», 1958 г.

Ты помнишь, друг мой, как в былые годы,
Пускаясь в путь лишений и утрат,
Под шелест трав мы сочиняли оду,
Одну вдвоем, до самого утра?

Казалось, мы с тобой на целом свете
Щедрее всех одарены судьбой,
Когда однажды, отыскав в газете,
Читали опус наш наперебой.

Мы жили долго и писали много.
Но, Магомед, у нашей дружбы нет
Надежнее и искренней залога,
Чем стих совместный наших юных лет.

* * *

Народному артисту РСФСР**Махмуду Абдулхаликову**, другу, кунаку, родственнику, «Очаг мой – Дагестан», 1980 г.

Мой друг, Махмуд, до самого конца
Мы очагов не позабудем отчих,
Их добрый свет нам согревал сердца,
Хоть мерзли мы частенько
зимней ночью.

Те, кто вокруг торгуют и ловчат,
Любви к далеким саклям не задушат.
Наш Дагестан, заветный наш очаг,
И в дни разлук нам согревают души.

* * *

Аварскому писателю **Мусе Магомедову**, «Остров женщин», 1983 г.

Мой дорогой, пусть голова седа,
Пускай с тобой не видимся подолгу,
Я не забыл о том, как верен долгу,
К моему порогу
От дальнего Андыха до Цада
Ты сократил нелегкую дорогу.
Ты от друзей не отвернул лица,
Закрыв дорогу черному навету.

* * *

Доктору филологических наук, профессору **Сиражудину Хайбулаеву**, «Телега жизни», 1985 г.

Нам годы, друг мой, истинной порукой,
Что не прервется верной дружбы нить.
Нет, твой читатель не зевнет со скукой,
Чтобы к тебе тропинку проторить,
Аварскую поэзию с наукой
Ты смог, как двух невесток, помирить.
Ни бог, ни бек остановить не в силах
Суровый бег земного колеса.
Ушли навек Ахлаков, Микаилов –
Печальный снег на наших волосах.
Сорви с невежд их пестрые одежды,
Разоблачай, как прежде, не стихай!
Сиражудин, ты и моя надежда,
И нежного аварского стиха.
Пускай его анализ твой научный
Скрепит, как стены крепости раствор.
Обучит юных точности созвучий,
Откроет им дороги в мастерство.

* * *

Народному поэту Дагестана **Магомеду Абасилу**, «У очага», 1978 г.

Абасилав, от дома вдалеке,
Чтя свято братства горского адаты,
Дарю стихи на русском языке,
Что по-аварски я писал когда-то.
Когда снежинки тяжелей свинца
Стучатся в окна узкие упрямо,
Я жду тебя у очага отца,
Где разожгла огонь когда-то мама.

* * *

Аварской поэтессе **Машидат Гаирбековой**, «Телега жизни», 1985 г.

На телеге жизни,
На скакуне поэзии,
На земле аварской
Машидат всегда.

* * *

Аварскому писателю, редактору литературного журнала «Дружба» **Магомеду Абдулхалимову**, «Избранное», 5-й том, 1994 г.

Мой милый враг, мой хороший друг,
Ветер не разрушит братство наше.
Сколько бы говорунов ни говорили,
Знаю я дорогу из Цада в Телетль.
Побывавши там, Абдулхалимов,

Расул никуда не уйдет,
не пожав твою руку.

* * *

Главному редактору литературных журналов Союза писателей Дагестана **Абдуле Даганову**, «Две шали», 1971 г.

Дарю тебе от сердца, Абдула,
Заветный труд нелегких лет –
«Две шали».
Хоть суета и недруги мешали,
Судьба возможность щедро мне дала
Пропеть три песни,
самых главных в мире.
Многострадальный труд закончил я.
Четвертую – твоей доверил лире.
Мой друг, спеши –
Пропой ее от всей души.

* * *

Магомеду Кебедову, долгое время работавшему личным секретарем народного поэта Дагестана Гамзата Цадасы, «Берегите друзей», 1973 г.

Тебе я не для красивого словца,
Мой добрый друг и лучший друг отца.
(А я его завета не нарушу:
Превыше жизни
чтить мужскую дружбу)
Дарю с любовью книгу, ну а душу
Давным-давно уж отдал до конца.

* * *

Заслуженной артистке России, народной артистке Дагестана, певице **Муи Гасановой**, которой посвящен цикл стихов поэта «Песни Муи», «Очаг мой – Дагестан», 1980 г.

Я, где бы ни был,
Счастлив повторить,
Пленительной мелодии внимая,
Как там, в Гунибе, на исходе мая
За песнь Муи готов был жизнь отдать.
Она, как солнце горное, не меркла.
И хоть поверкам не было числа,
Звала меня, как правоверных Мекка,
Над бездною на крыльях пронесла.
Случалось, дрогну, потеряв дорогу,
Огонь в очах померкнет невзначай,
Путь покажет к дальнему отрогу
Твой нежный голос,
в сердце прозвучав.

* * *

Директору Аварского музыкально-драматического театра им. Гамзата Цадасы, **Хабибу Гаджиеву**, в день его 60-летия, «Избранное», 2 тома, 2000 г.

И теперь в мае птицы говорят,
Что сегодня день рождения Хабиба.
Карахские ручейки спрашивают:
Куда им пойти сегодня в гости?
Сегодня, как джамаат, на годекане
Сидят шестьдесят прошедших лет.
Я радуюсь, что познал их величины,
И огорчен, что их не знают многие.

О, сколько хороших мужчин
в Дагестане,
Среди моих любимых и ты, Хабиб.
Я, Гамзатов,
чувствую тепло пожатых рук,
Дай бог тебе здоровья, друг!

* * *

Редактору тляратинской районной газеты, критику **Магомеду Бисавалиеву**, «Избранное», 2000 г.

Бери в руки календарь моего сердца,
Сегодняшний день для меня байрам.
Этот октябрьский час встречи с тобою
Мне дороже всех прожитых лет.

* * *

Мастеру прикладного искусства из Унцукуля **Идрису Абдуллаеву**, «Книга сонетов», 1975 г.

Идрис, мой друг, сын унцукульских гор,
Я с давних пор твоим талантом горд.
Твой славный труд сродни труду поэта.
Чтя мастерства бессмертные заветы,
Я, создавая горские сонеты,
Брал образцом старинный твой узор.
Исполнен дивной грации и света,
Он греет душу и пленяет взор.

* * *

Чемпиону мира и Олимпийских игр по вольной борьбе, **Загалаву Абдулбекову**.

Честь Дагестана ты хранил в груди.
И в Мехико тебе ковер борцовский
Казался белой буркой из Анди,
Расстеленной на крыше сакли горской.
Победой трудной схватку завершив,
Не удержался от лихого пляса,
И, круг друзей расширив от души,
Лезгинку начал жарким горским:
«Арс-са!».
Лезгинки не видали там в глаза,
Но враз пленились красотою танца:
В ладони хлопал мексиканский зал
В честь земляка, джигита, дагестанца.

* * *

Другу **Магомеду Дарбишеву** из Хунзаха, «Мой Дагестан».

Магомед, вот завершились дни моего юбилея. От всего сердца признателен тебе за живое участие в нем. Этого я никогда не забуду. Но вряд ли найдется мастер, умеющий, как ты, искривлять прямое и выпрямлять кривое. Здоровья тебе, всего хорошего.

* * *

Заслуженному артисту Дагестана, известному аварскому певцу **Ахмедхану Амирову**, «Горская повесть», 1982 г.

Как я был рад услышать на равнине
Напевы гор, товарищ и собрат!
Прищурю взор, и кажется, поныне
Они в груди рокочут, как набат.

Когда средь туч в горах громы рокочут,
С утра до ночи с неба льет вода,
Ты запоешь, и видится воочию,
Восходит солнце над моим Цада.

* * *

Ведущему редактору лезгинского литературного журнала «Самур» **Жамидину**, «А что потом?» («Библиотека крокодила», Москва), 1969 г.

Старому, признанному сатирику Дагестана Жамидину от начинающего ученика в этой области Расула Гамзатова с дружбой.

* * *

Кумыкскому поэту, долгие годы вместе с автором работавшему в Союзе писателей, **Анвару Аджиеву**, «Мой Дагестан», 1985 г.

Моему старому другу Анвару, с нестареющей любовью.

* * *

Аварскому писателю, драматургу **Магомеду Сулиманову**.

Прими завет, наш сокол, Магомед:
Когда в тиши
склонишься к этим строкам,
Окинув взглядом четки долгих лет,
И обо мне припомни ненароком.
Так, всякий раз волнением объят,
Услышав песню о родных отрогах,
В своих скитаньях долгих и дорогах,
Я неизменно вспоминал тебя.

* * *

Сатирику **Магомед-Беку Османову**, «Грех и кара», 1986 г.

Опытному, испытанному сатирику, юмористу Магомед-Беку от начинающего представителя этого жанра дарю на добрую память свои первые опыты.

* * *

Кумыкскому поэту **Шарипу Альбериеву**, «Мой Дагестан», 1985 г.

Ты и поэт хороший, и друг хороший, и собеседник хороший, и собутыльник хороший. С неизменной любовью.

* * *

Багавдину Астемирову, одному из репрессированных писателей Дагестана, «Избранное».

Багавдин, дорогой! Люблю Вас нежной любовью. Вы такой человек, перед которым мне хочется всегда молча поклониться.

* * *

Кумыкскому писателю **Магомед-Султану Яхъяеву**, «Берегите матерей», 1984 г.

На вопрос: «Какая погода в Какашуре?» – ответ был дан: «Речь не о погоде, если там есть Магомед-Султан, то нам погода не страшна».

* * *

Народной поэтессе Дагестана **Бекбийке Кулунчаковой**, «Покуда вертится земля», 1976 г.

Дорогая Бекбийке Искаковна! По календарю весна начинается 22 марта, а для меня – с 8 марта. Ибо главной ее приметой является настроение женщин. В этот день мартовского праздника я говорю: здравствуй, муза весны, приветствую весну планеты! Пусть не будет ни звездных, ни земных войн!

* * *

Заслуженной артистке ДАССР**Фаине Графченко**, «Две шали», 1971 г.

Дорогой Фаине, человеку поэзии и дружбы, человеку большой души и сложной судьбы, от должника Гамзатова на добрую память.

* * *

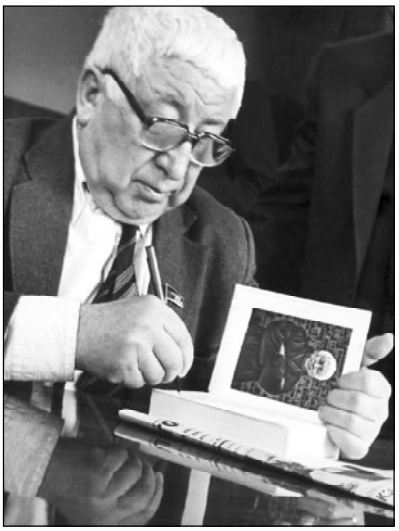
Аварскому поэту **Максуду Зайнулабидову**, «Избранное», 3-й том, 2001 г.

Мой дорогой Максуд, эти мои стихи,
Мною забытые, тобою собранные,
Когда я их читал, то во мне зажглось
Твое имя и звезда твоя.

* * *

Ларисе Голубевой, «Стихи», 1998 г.

Чудной и чуткой Ларисе я желаю столько хорошего, каков тираж всех книг, изданных книжным издательством.



* * *

Композитору **Александре Пахмутовой** и поэту **Николаю Добронравову**, «Собрание сочинений» в 5-ти томах, 1983 г.

Замечательным и значительным людям моей Родины и века, добрым, красивым, талантливым Александре Пахмутовой и Николаю Добронравову с чувством неизменной любви.

* * *

Чеченской поэтессе **Раисе Ахматовой**, «Мой Дагестан», 1985 г.

«Дорогая Раиса, желаю тебе много светлых радостей. Очень огорчен, что земляки иногда огорчают тебя.

* * *

Лакскому поэту **Магомед-Загиду Аминову**, «Стихи», 1979 г.

Ты назвал сына именем моего отца. Пусть, друг мой, он вырастет понимающим цену дружбе.

* * *

Космонавту **Андриану Николаеву**, «Избранное», 1965 г.

Дорогому другу Андриану, выражая гордость и радость дагестанского народа за тебя, за нашу верную дружбу.

* * *

В Центральном доме журналистов у поэта **Михаила Светлова** попросила автограф девушка и протянула ему книгу Расула Гамзатова «Высокие звезды». Поэт удивился, но тут же написал:

«Беря на себя главную вину, от имени Расула на память. Михаил Светлов».

Через пять лет после смерти М. А. Светлова Расулу Гамзатову показали эту книгу с подписью. Михаил Светлов был учителем Расула Гамзатова, когда он учился в Литературном институте. Расул взял ручку, задумался и в этой же книге, рядом со строчками М. Светлова на аварском языке написал:

Ты ли торопился,
Иль я опоздал?
Слов для ответа
Мне не осталось.

Как время особое
В этом времени,
В жизни осталась
Мысль в мыслях.

* * *

Заире Магомедовне Хизроевой, проработавшей долгие годы заместителем Председателя Совета министров ДАССР, «Избранное» в 2-х томах, 1978 г.

Дочери гор, дочери горской искренности и правды, моей дорогой Заире, с давней и верной братской любовью.

* * *

Аварскому поэту **Магомеду Ахмедову**, «Горская повесть», 1986 г.

На высоких струнах пандура Махмуда
Давай-ка вместе сыграем, Магомед!
Я не смог… А если ты сможешь,
То радость большую принесешь мне.

* * *

В 1986 году в Москве прошел XXVII съезд партии. Шел второй год борьбы против алкоголизма. Расул Гамзатов вошел в ресторан и видит: один из делегатов – дагестанец – обедает. Расул спрашивает:

– Кушаем?

– Да, Расул Гамзатович, – ответил тот.

– В холостую?

– Нельзя, Расул Гамзатович, указ, боюсь.

Расул ему ничего не ответил. А на следующий день он принес кипу своих книг и раздал их каждому члену дагестанской делегации с автографами. А делегату из Южносухокумска написал:

Тому, кто боялся в ресторане пить:
Пусть мужество никогда не покидает вас.

А так подписывали в подарок Расулу Гамзатову книги их авторы.

АВТОГРАФЫ – РАСУЛУ

Вначале указывается имя автора книги, затем ее название и дата подписи.

* * *

Александр Твардовский. «Избранное», 1957 г.

Расулу Гамзатову, поэту, чья судьба дорога мне. Москва.

* * *

Виль Орджоникидзе. «Тбилисский рассвет», 1959 г.

Дорогому моему Расулу, бывшему аварскому хищнику – леки, от бывшего тифлисца, с любовью. Москва.

* * *

Дмитрий Нагишкин. «Город золотого петушка», 1960 г.

«Дорогому Расулу Гамзатову – в славном городе Махачкале, с сердечной симпатией».

* * *

Сергей Смирнов. «Избранное», 1962 г.

Дорогому Расулу, поэту с ног до головы, приносящему собою радость, с сердечной любовью и дружбой, крепкой, как горы Дагестана. Москва.

* * *

Мехти Гусейн. «Утро», 1964 г.

Отважному орлу Дагестана, яркой звезде советской поэзии – Расулу Гамзатову, от его друга и почитателя Мехти Гусейна. Баку.

* * *

Максим Цагараев. «Осетинская быль», 1966 г.

Расулу Гамзатову – с неизменной, нежной любовью. Орджоникидзе.

* * *

Т. Уралов. «Потомок прометеев», 1966 г.

Дорогому Расулу Гамзатову – великому поэту нашей великой эпохи. С большой любовью и глубоким уважением, всегда Ваш. Киев.

* * *

Юрий Яковлев. «Сердце земли», 1966 г.

Дорогому Расулу и его милой семейке с любовью и пожеланием вдохновения. Москва.

* * *

Владимир Солоухин. «С лирических позиций», 1966 г.

Дорогому мудрому Расулу от русского брата. Москва.

* * *

Александр Твардовский. «Василий Теркин», 1967 г.

Дорогому Расулу, нежно любимому поэту и человеку. Москва.

* * *

Георгий Семенов. «Распахнутые окна», 1967 г.

Великому нашему поэту Расулу Гамзатову с низким поклоном и любовью. Москва.

* * *

Константин Симонов. «Далеко на востоке», 1969 г.

Дорогому Расулу отчет о первой командировке. Твой Константин Симонов на новой квартире. Москва.

* * *

Агния Барто. «Найти человека», 1969 г.

Дорогому Расулу желаю только счастья. Москва.

* * *

Геннадий Немчинов. «На окраине Песочинска», 1969 г.

Расулу Гамзатову – человеку, встречи с которым незабываемы. Бурятия.

* * *

Иван Рахилло. «Московские встречи», 1971 г.

Расулу Гамзатову – отважному всаднику в белом башлыке, с кем встретились в далеком ауле Дагестана, с чувством глубокой и неизменной симпатии, сердечно обнимая. Москва.

* * *

Семен Седов. «Водопады не замерзают», 1971 г.

Дорогой Расул Гамзатович! Спасибо Вам за то, что Вы есть. С глубоким уважением. Киев.

* * *

Фатех Ниязи. «Верность», 1973 г.

Дорогому Расулу Гамзатову – большому поэту, искреннему другу, на добрую память в день его юбилея, от автора этой книги, верного таджика Фатеха Ниязи. Душанбе.

* * *

Георгий Гулиа. «Фараон Эхнатон. Человек из Афин. Сулла», 1973 г.

Дорогому другу и брату, талантливому певцу Дагестана Расулу Гамзатову, с любовью.

* * *

Рахмат Файзи. «Его Величество человек», 1973 г.

Дорогому Расулу Гамзатову, в день его славного, молодого, цветущего пятидесятилетия. С глубоким уважением автор. Махачкала.

* * *

Самуил Гордон. «Домой», 1974 г.

Горному орлу нашей многоязычной литературы – Расулу Гамзатовичу, с глубоким уважением. Москва.

* * *

Александр Михалевич. «Жизнь, простертая на веку», 1976 г.

На добрую память от автора великому поэту Расулу Гамзатовичу. Киев.

* * *

Геннадий Семинихин. «Послесловие к подвигу», 1977 г.

Дорогому Расулу Гамзатову, великану советской поэзии с горячей любовью от донского казака, который всю жизнь ходил по земле и никогда не рвался в космос, как его герой! Сердечно. Махачкала.

* * *

Александр Рекемчук. «Избранное», 1978 г.

Дорогому Расулу. Всей душой люблю тебя, одна из высших радостей моей жизни – твоя дружба. Москва.

* * *

Вардгес Петросян. «Армянские эскизы», 1978 г.

Дорогому Расулу Гамзатову, ис-

тинному сыну Дагестана, любимцу моего народа. Москва.

* * *

Виктор Тельпугов. «Парашютисты», 1980 г.

Дорогому и давнему другу моему Расулу Гамзатову, одному из самых прекрасных поэтов, каких я знаю. С любовью и преданностью. Москва.

* * *

Уладзимир Верамейчик. «Люблю», 1981 г.

Дорогому Расулу Гамзатовичу с любовью. Поезд «Москва–Прага» вез Вас ко мне, а потом мы ехали вместе. Минск.

* * *

И. Гегузин. «С кровавых не пришедшие полей», 1981 г.

Дорогому Расулу Гамзатовичу, замечательному поэту с уважением и пожеланиями всего самого доброго. Москва.

* * *

Семен Гейченко. «У лукоморья», 1982 г.

Дорогому Расулу Гамзатову – с радостью и признательностью за визит к гению русской поэзии – Александру Сергеевичу Пушкину. Михайловское.

* * *

Роллан Сейсенбаев. «Всего одна ночь», 1982 г.

Великому Расулу-ага! Сыну Отечества и сыну Гамзата Цадаса от сына Мухтара Ауэзова. Москва.

* * *

Константин Прийма. «Тихий Дон» сражается», 1983 г.

Дорогому Расулу Гамзатовичу – гениальному поэту современности. Примите поклон от тихого Дона. С верой и надеждой, что не так далек тот год, когда подобная книга о Вашем творчестве появится в Советском Союзе. Сердечно – Константин Прийма. Москва.

* * *

Гулрухсор Сафиева. «За солнцем вперед», 1984 г.

Дорогой Расул муалим! Я открыла новый закон. Если в пути за солнцем вслед идешь, дойдешь до Расула... Я иду... Москва.

* * *

Валерий Поволяев. «Отчего седеют люди», 1985 г.

С глубокой благодарностью и уважением Патимат Саидовне и Расулу Гамзатовичу – автор Валерий Поволяев. Москва.

* * *

Наби Хазри. «Капли с океана», 1986 г.

Великому поэту – брату Расулу Гамзатову, родной сестре моей Патимат-ханум, со всей любовью души и судьбы, от Вашего Наби Хазри. Баку.

* * *

Магомед Гамидов. «Даргинские пословицы и поговорки», 1965 г.

Дорогому Расулу Гамзатовичу, перед поэзией которого даже старые горцы снимают папахи. Махачкала.

* * *

Юсуп Хаппалаев. «Избранное», 1986 г.

Посланнику бога поэзии – пророку Расулу Гамзатовичу Гамзатову с искренней любовью от рядового его асхаба. Махачкала.

* * *

Ибрагим Шамов. «Звонок к врачу», 1993 г.

Расулу Гамзатовичу от автора, с вечной признательностью. Махачкала.

* * *

Абдула Даганов. «Всплеск ручья», 1993 г.

Дорогому Расулу Гамзатовичу, дорогому учителю, который называет меня и другом и учеником. Если на литературном поприще я чего-нибудь достиг, это благодаря Вам, Вашей благородной помощи. Будьте здоровы на долгие годы. Махачкала.

* * *

Магомед-Расул. «Ясновидящий дурак», 1994 г.

Великому мастеру слова Расулу Гамзатову от подмастерья – с благодарностью за большую творческую поддержку. Махачкала.

* * *

Булач Гаджиев. «Шамиль от Гимр до Медины», 1995 г.

Великому Расулу – от бесконечно любящих его Аллы и Булача. Буйнакск.

* * *

Чакар Юсупова. «Три десятилетия аварской поэзии», 1996 г.

Дорогой Расул! Я думала, что эта книга будет моим «последним сказанием», но твой совет обратиться к великому Махмуду перепутал мои мысли. Ну что ж, дай бог время и силы... С неизменной любовью. Махачкала.

* * *

Шахрудин Шамхалов. «Дагестан: моя любовь и судьба», 1999 г.

Дорогому нашему Расулу Гамзатову, который так много сделал для Дагестана, развития его экономики, культуры и просвещения народа. Народы Дагестана благодарны тебе за это. За твою доброту, внимание и помощь людям ты стал самым любимым и авторитетным человеком республики. Дай бог тебе долголетней жизни во славу всего тухума и народов Дагестана. Твой Шахрудин. Махачкала.

* * *

Камал Абуков. «И судный день впереди», 1999 г.

Дорогой Расул Гамзатович! Как и у любого человека и моя жизнь делится на две полосы: «до» и «с кем-то». Я признателен судьбе за то, что она свела меня с Вами – поистине мудрым человеком и крупным, неповторимым талантом. Если я что-то значу, то это, безусловно, стало возможным ни «до» и ни «после», а именно рядом с Вами, вместе с Вами, благодаря Вашей поддержке и воздействию. Спасибо за добро и великое мусульманское долготерпение в периоды моих душевных перепадов. Махачкала.

* * *

Сугури Увайсов. «От сердца к сердцу», 2001 г.

Дорогой Расул Гамзатович! Рискуя быть непонятым, дарю Вам свою юбилейную книгу на лакском языке, полагая, что поэзия, так же, как и музыка, должна быть понятной. Надеюсь, что Вы великодушно отнесетесь к моей возможной нескромности. С пожеланием Вам здоровья и бодрости. Махачкала.

* * *

Фазу Алиева. «Талисман», 2002 г.

Дорогому Расулу Гамзатовичу – гениальному, неповторимому поэту с самыми добрыми пожеланиями. Дорогой Расул Гамзатович, я Вам желаю здоровья и долгих лет жизни с такой же ясной головой и жарким сердцем творить то, что нам – Вашим читателям необходимо, как воздух и вода. Искренне – Фазу Алиева. Махачкала.

* * *

Магомед-Султан Яхъяев. «Бессмертие», 2003 г.

Расулу Гамзатову, моему неизменному другу, собрату по перу (с 50-летним стажем), кому я обязан в личной жизни и творчестве! Желаю тебе, друг мой, здоровья и долголетия! Махачкала.

Знаменитые писатели и поэты, деятели искусства, просто известные в стране люди не раз по тому или иному случаю и просто без особого повода высказывались о творчестве Расула Гамзатова, его значении в российской, да и мировой литературе. Вот некоторые из этих отзывов.

СЛОВО О ПОЭТЕ

Александр ФАДЕЕВ

СТИХИ РАСУЛА ГАМЗАТОВА

Дорогой Расул Гамзатов!

Как-то получилось, что примерно в одно и то же время появились в печати Ваша поэма «Разговор с отцом», стихотворение «Тост» и «Два стихотворения» (в журнале «Смена»). После Вашей, такой хорошей, свежей книжки эти Ваши новые произведения говорят о том, что Вы идете вперед и выше, и я рад сказать Вам об этом.

Жалко, конечно, что из-за незнания языка не могу Вас читать на Вашем языке. В переводах, если они очень хороши, обязательно сказывается индивидуальность поэта-переводчика. Если же переводчик малоквалифицированный поэт, он неизбежно лишает стихи оригинала, их природной мускулатуры. В наше время можно назвать, однако, несколько поэтов-переводчиков, имеющих собственную душу и в то же время, — а может быть, именно благодаря этому, — стремящихся максимально правдиво выразить душу оригинального произведения. К таким переводчикам я отношу Петровых, Звягинцеву, Липкина; к таким переводчикам я отношу и Хелемского, когда он не слишком торопится. В общем, мне кажется, по переводу Хелемского Вашей поэмы «Разговор с отцом» можно более или менее судить о Вас. Я вижу достоинства этой поэмы в том, что большая мысль об источниках и характере нашей поэзии выражена в ней истинно поэтически. В такой поэме Вы имели право вызвать живую тень отца Вашего, и это трогает до слез. Последняя, шестая глава поэмы достойно завершает ее прекрасным образом дремлющих в Вас стихов, которым пора за работу, и они вот-вот проснутся. Образ этот так естественно и гармонично вытекает из данных Вами столь поэтично, выпукло и нежно картин-образов пробуждающейся природы. И, наконец, поэтическая работа как путь в дорогу без отдыха и возвращения — это очень хорошо. Мне очень трудно сказать, где именно в этой поэме с ее раздумьем и ее лирической силой имеются длинноты, но она, несомненно, выиграла бы, если бы была короче. Мне особенно хочется сказать об этом, поскольку замечательное стихотворение «Тост», написанное в другой, мажорной тональности, с большим темпераментом и в то же время с Вашей такой приметной интонацией и конкретностью образов, тоже, однако, выиграло бы, если бы было, примерно, на две-три строфы короче. В этом отношении примером может служить стихотворение «Все, что в нас хорошего бывает…» В нем нет ничего лишнего.

В целом, включая и шуточное лирическое стихотворение «Мы ссорились дождливым днем», Ваши новые произведения позволяют говорить о многообразных возможностях Вашего таланта и в то же время заставляют немножко тревожиться: не слишком ли Вы торопитесь и не слишком ли много печатаете, ибо писать нужно много в смысле затрачиваемого на это дело труда, но не надо торопиться печатать все, что вышло из-под пера.

Возможно, конечно, что все, прочитанное мною теперь, и есть плод Вашего труда за долгий период после выхода в свет Вашей первой книжки. Тогда мое критическое замечание можно посчитать излишним. Но оно вызвано искренней симпатией к Вашему незаурядному дарованию.

Желаю Вам всего доброго и крепко жму Вашу руку.

1953 г.

Михаил СВЕТЛОВ

ГОРЯЧИЕ СТРОКИ

Некоторые люди считают, что расстроенность чувств – это и есть лирика. Дескать, он ее любит, а она его нет — вершина конфликта в лирическом стихотворении. Наступающая осень символизирует старость – ах, как трогательно! Пейзаж, на фоне которого пасутся две-три коровки — ох, какая наблюдательность!

Все это, конечно, неверно. И это с неотразимой убедительностью доказывает очень хороший поэт Расул Гамзатов.

Главное достоинство его лирики в том, что она в первую очередь энергична. Какое бы стихотворение вы не прочли в его последней книге, в нем обязательно присутствует активно действующий человек.

У Расула Гамзатова много здорового, свежего юмора. Это юмор не развлекательный, не снижающий лирического накала стихотворения, а, наоборот, повышающий его. Юмор входит в стихи Гамзатова, как молибден входит в сталь. Для примера прочтем и разберем «Стихи о времени» в очень хорошем переводе Н. Гребнева. Они начинаются так:

Летит по бездорожью, по дороге,
Минуя рубеж веков и стран,
Скакун неукротимый, быстроногий,
И нет на нем узды и нет стремян.
Ему, как дорогому гостю:
«Здравствуй!» —
Мы говорим с улыбкой на губах,
Себя вопросом мучая не часто:
«Он или мы, кто у кого в гостях?»

Добрая улыбка поэта чувствуется в строках, которые другой, менее даровитый автор написал бы «всерьез», сокрушаясь о том, что вот время идет, и человек от этого не молодеет.

И в другом стихотворении из этого же небольшого цикла:

Ты спешишь.
На деревьях желтеет листва,
Хлещут ливни, мутнеют потоки.
И неделю смололи твои жернова:
Я неделю писал эти строки.
Слушай, чертова мельница,
короток путь,
Что дано совершить человеку,
Поломать тебя, ось твою,
что ли, согнуть,
Перекрыть бесноватую реку?

Здесь во всю свою мощь пробивается энергия, о которой я говорил выше. В теле стиха переливаются бицепсы, задумчивость не переходит в раздумчивость, возбужденность не

превращается в экзальтацию. И заканчивается цикл:

Часы идут, и тикают, и бьют…
Что сделал ты, прислушиваясь
к бою?
Или пришлось вести им счет минут,
Бессмысленно растраченных
тобою?..

Много, очень много хороших стихов в этой книге. Естественно, что я не могу их все процитировать в коротком отзыве.

Прочтя книгу Расула Гамзатова, я обнаружил одно отличное качество поэта: в каждом его стихотворении пружинит мысль, ни одно из них не бездумно, ни одно из них не написано потому только, что у автора появилось желание рифмовать.

То, что я написал об этой книге, не рецензия. Это рекомендация. Горячо рекомендую читателю: прочтите последнюю книгу стихов Расула Гамзатова. Это очень хороший, настоящий, интересный поэт.

1955 г.

Николай ТИХОНОВ

СТАРЫЙ ДРУГ, ДОРОГОЙ РАСУЛ!

Старый друг, дорогой Расул!

Сердечно приветствую тебя в большой, торжественный день, когда тебе вручается высокая награда — Ленинская премия в знак всенародного признания твоих поэтических заслуг.

Я знаю, что тебе принесут дань любви и восхищения и лучшие пожелания многочисленные друзья, твои земляки-горцы, простые люди и люди, облеченные высшей властью и высшей ответственностью: мужчины, о которых говорят мужественные твои строки, и женщины и девушки, которым ты посвятил стихи — «страсть и огонь» сердца! Эти люди — мастера, строящие новую жизнь в старых горах, люди социалистического общества, помнящие старых певцов и хорошо чувствующие и любящие твои песни нашего времени.

В такой день, твоей и общей радости, я хочу сказать свое слово. Ты замечательный, настоящий большой поэт!

Нелегко быть выдающимся поэтом в стране, где издавна известна и любима высокая поэзия. Нелегко продолжать поэтическое дело в Дагестане, в Аварии, где были такие могучие поэты, как Чанка, Махмуд из Кахаб-Росо и Гамзат Цадаса, их хранит бережно народная память, но тебе удалось это сделать, потому что гордый дух родных гор, родного народа дал тебе силу и слово для поэтического подвига. И тем заслужил ты любовь большого читателя.

Куда бы ты сейчас не направил свой путь: в горах или на плоскости, у нас дома или за рубежом — всюду знают тебя и твое поэтическое слово!

Ты заслужил это своим неустанным трудом и стремлением к совершенствованию своего таланта!

Живи еще сто лет и двадцать! Пусть твое слово, твой стих подымается выше самых высоких гор и ходит по земле из дома в дом, веселя сердца, как всем нужный, всеми любимый гость!

Обнимаю тебя крепко.

1963 г.

Евгений ЕВТУШЕНКО

У НЕГО МНОГО ДРУЗЕЙ

Заметки о стихах Расула Гамзатова

Кто-то когда-то сказал, что большой поэт — всегда большой ребенок. Как и всякий афоризм, это суждение слишком безапелляционно.

Поэт — это, прежде всего, характер, а в иных даже крупных поэтических характерах нет ни тени ребяческого восприятия.

Мне лично ближе всего поэты многогранные — от трудных аналитических раздумий легко переходящие к веселой звонкой шутке, от сложных психологических сюжетов — к живописности, воздушной и объемной. Именно таков один из моих любимых советских поэтов аварец Расул Гамзатов. В его поэзии гармонически изливаются раздумчивая интонация:

Часы идут и тикают, и бьют.
Что сделал ты, прислушиваясь
к бою?
Или пришлось вести им счет минут,
Бессмысленно растраченных
тобою?..

и удивительная по своей мягкости и свету образность:

А над рекой округла
и поката
высокой грудью
кажется гора,
И мордочками белые
ягнята,
Как близнецы, к ней
Тянутся с утра.

Большой удивленный ребенок шествует по страницам книг Расула Гамзатова, вбирая своими ненасытными глазами все краски мира. Этот ребенок улыбается всему, что полно доброты, улыбается, как могут улыбаться только дети.

Большой мудрый человек шествует по страницам книг Гамзатова, пронзительным взглядом пригвождая к позорному столбу времени двоедушие, лицемерие. Этот человек гневно стискивает кулаки навстречу всему, что полно недоброты, стискивает кулаки, как это могут настоящие мужчины. И это не внутренняя раздвоенность, не эклектизм, а естественное свойство души человеческой.

Расул Гамзатов пишет нежно, даже застенчиво:

Ты посмотри:
вблизи и вдалеке
Под небом вся природа посвежела,
Как девушка, что вымылась в реке
И высохнуть на солнце не успела.

И он же, этот нежный и застенчивый человек, преображается, когда видит в людях неискренность:

Противны мне люди
с повадкою лисьей.
Сказать откровенно — я очень устал
От их удивительно правильных
мыслей,
От проектированных похвал.

И в жизни он такой же, как и в стихах — вечно с новой шуткой на устах. Но шутить-то шутит, а из-под уже поседевших бровей смотрят глаза умные, проницательные.

Не случайно, если на наших поэтических собраниях бывают такие минуты, что ряды редеют от скуки, стоит только объявить: выступает Гамзатов — из всех уголков начинает стекаться народ. Гамзатов — значит, это будет интересно!

Он пользуется большой любовью своего трудолюбивого народа и по праву заслужил звание народного дагестанского поэта. Но переведенный на русский язык, он в какой-то мере стал и нашим русским поэтом.

Не случайно, что его связывает такая крепкая и верная дружба с русскими поэтами, вместе с ним вступавшими в литературу,— с Лукониным и Межировым. Не случайно его книги можно увидеть в руках у московского или новосибирского студента, у инженера с «Серпа и молота» или у прядильщицы с «Трехгорки».

У его стихов много друзей, ибо его сердце открыто всему огромному сложному миру, ибо его глаза понимающе и глубоко смотрят на этот огромный и сложный мир. Все вместил он в своем сердце — и красавиц Грузии, и лицо друга за вагонным стеклом на перроне в Ереване, и мокрый блеск парижских мостовых. И от этого всего он не перестает быть все тем же взлохмаченным аварским мальчишкой.

Его талант, так гордо и буйно выметнувший ствол в небо советской поэзии, все мощнее и мощнее разветвляется. То это «Горянка» — большая сложная поэтическая работа, то новые лирические стихи в «Литературной газете». Беспрестанное молодое дыхание Гамзатова ощущается в нашей поэзии. Он думает о судьбах новых поэтов, пришедших в поэзию вслед за ним.

Он думает об ответственности поэта и, обращаясь к нему, говорит:

Народ, в беде мне руку протяни,
И коль зазнаюсь, надери мне уши.
Коль вкривь пойду, окликни и верни,
И пристыди, коль стану бить баклуши.

Он хочет всем сердцем:

Чтоб без стыда сказал народ родной:
Расул, мой сын,— ты
представитель мой.

Таков он, наш Расул. Таким мы его и любим.

1961 г.

Сергей БАРУЗДИН

* * *

В самом Расуле, в облике его, в характере рядом с поэтом живет детство — он сам большой ребенок, и это прекрасно! Когда человек теряет детство, забывает его и становится слишком серьезным, он теряет и чувство юмора, и непосредственность, которые так необходимы взрослым людям, а иногда даже начинает преувеличивать свою роль на земле…

С Сергеем Михалковым

И прежде, и сейчас для меня Расул — «большой ребенок». А может, с этого и начинается большой поэт?

* * *

Как-то судьба свела меня с Расулом в больнице, в Кунцеве. Лежали мы там долго и, конечно, долго говорили о жизни, о литературе.

Я спросил Расула, как он относится к детской литературе.

— А разве мы с тобой не дети?— спросил Расул.

И в самом деле…

* * *

Сергей МИХАЛКОВ

Мы знаем Расула Гамзатова поэта (он — поэт и в стихах своих, и в прозе, и в публицистике). Мы знаем Расула Гамзатова гражданина. И эти два понятия неразделимы. Пламенная любовь, по Гамзатову,— это не только чувство к конкретному человеку, но и преданность земле, на которой он живет, преданность благородным традициям, памяти о прошлом, мечтам, зовущим в завтрашний день. Быть Человеком — значит уметь любить. Вот лозунг поэта-лирика.

Хочу напомнить такое образное высказывание Гамзатова: «Два коня, два языка везут вперед Дагестан. Один из них — русский язык, а другой наш: для аварца — аварский, для лакца — лакский. Мне дорог и мой родной язык. Мне дорог и второй родной язык, который через эти горы, по этим горным тропинкам вывел меня на простор земли в большой и богатый мир. Родное я называю родным». И это не только прекрасные слова. За ними — труд поэта. Он перевел на аварский язык «Полтаву», «Медного всадника», другие стихи и поэмы Пушкина.

Мне уже не раз приходилось говорить о том, что настоящий советский писатель — лишь тот, кто научился сочетать творчество с общественным трудом. Только такое сочетание, только постоянное общение с народом, со своими читателями, только неустанная деятельность гражданина могут по-настоящему обогатить писателя истинным знанием жизни, воспитать в нем агитатора и пропагандиста великих идей коммунизма.

«Поэт еще не поэт, если его признают в разных странах, но не признает родной аул»,— сказал Гамзатов.

Лауреата Ленинской премии, выдающегося советского писателя Расула Гамзатова признает родной аул, его признает весь наш народ, его признают в разных концах планеты. Для этого Расулу Гамзатову потребовалось только одно — быть настоящим поэтом и гражданином!

* * *

Кайсын КУЛИЕВ

Поэзия Расула Гамзатова, выросшая из народной почвы, народна по своей сути, паруса своего творчества поэт наполняет ветром нашего времени. Он сумел родное дагестанское, кавказское, восточное слить с открытиями поэтов России и Запада, то есть, вдумчиво и чутко учась у мастеров разных народов, учел их достижения. Иначе вообще нельзя художнику, и особенно современному. Одной из замечательных черт лирика Гамзатова, на мой взгляд, является умение говорить о самом необходимом людям сегодня, безошибочно улавливая чаяния современников, самое сокровенное в них. Это свидетельствует о большом художническом его чутье. А талант и чутье, как известно, почти синонимы. Гамзатов порой серьезен, глубок, сердечен. Таким мы видим его, например, в ставших знаменитыми восьмистишьях и ряде других стихов, подобных прекрасной песне «Журавли», где он поднимается до уровня трагедии. Порой же Расул пишет с улыбкой, с юмором, столь же хорошо используя другую грань и характерную черту своего многостороннего дарования. Могу сказать, что Гамзатов умеет писать весело. А это доступно очень немногим поэтам.

Сочетание сердечности и лиризма с улыбкой, с юмором, мудрости — с эмоциональностью, с какой-то особой и милой, я сказал бы, шаловливостью придает его поэзии особое очарование, создает сей неповторимый облик.

Расул Гамзатов — одно из крупнейших и счастливейших явлений в советской литературе.

* * *

Олесь ГОНЧАР

Творчество Расула Гамзатова глубоко вошло в сознание наших современников. Чем пленяет нас его поэзия? Прежде всего безупречной искренностью, человечностью, чистотой и благородством чувства. Слово поэта несет в себе возвышающее начало, излучает энергию добра.

Гамзатов — певец гуманизма, дружбы, любви, таким мы его знаем. Сверкающий весельем и юмором ум поэта, страстный проникновенный лиризм его поэзии никого не оставляет равнодушным. А «Мой Дагестан» – это еще и образец первоклассной художественной

прозы, книга эта, кстати сказать, блестяще переведена на украинский язык.

Таков для нас Расул, достойный сын своего народа, большой художник, чьи произведения дороги читателям всех братских республик Страны Советов.

* * *

Давид КУГУЛЬТИНОВ

К дальним звездам в небесную роздымь
Улетали ракеты не раз,
Люди, люди — высокие звезды,
Долететь бы мне только до вас.

Изумительные строки Расула Гамзатова — стихотворение из четырех строчек облетело весь мир. Потому что эти четыре строки созданы сердцем, взлетевшим на космическую высоту любви, дружбы и мудрости. Четыре строки — и мы сразу видим образ поэта, образ, который становится в один ряд с высокими звездами, с людьми, с человеком, ибо человек для Расула Гамзатова — это высокая звезда и крылья могучей поэзии.

Мне довелось бывать в столицах многих стран, в Лиссабоне, в Токио, в Дели, в Париже, и всюду, когда заходил разговор о советской поэзии, всегда разговор начинался с поэзии Расула Гамзатова.

* * *

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ

Слово «Расул» уже давно стало символом. Для тех, кому посчастливилось узнать его лично, Расул — символ веселого поэтического жизнелюбия и просто человеческой талантливости, которая является исключительно ценным и редким дополнением выдающегося литературного дара. Для тех, кто знает Расула только по стихам, его имя символизирует Дагестан. Его произведения являют миру народ добрый, мужественный, ироничный и щедрый на дружбу. Пусть будут у малых (количественно) народов такие поэты, которые делают свои народы великими!

* * *

Яков КОЗЛОВСКИЙ

Расул Гамзатов объехал весь мир. Но где бы он ни был, у знаменитого пакистанского поэта Фаиза Ахмад Фаиза, смотрел ли с вышины Фудзиямы на пролетающих журавлей, беседовал ли с Индирой Ганди, надевал ли на плечи Фиделю Кастро горскую бурку в Гаване, находился ли в Бамако как государственный деятель, — он всегда, по его собственному признанию, слышал зов «родной отеческой земли». Однажды он сказал: «Я в ответе за всю державу!». И это не просто слова. Немало времени отдает Гамзатов общественной и государственной деятельности: он депутат Верховного Совета СССР, страстный борец за мир.

С Чингизом Айтматовым и Александром Твардовским (слева направо)

У Расула Гамзатова вышло много книг. Наиболее значительные из них — это «В горах мое сердце», «Горянка», «Высокие звезды», за которую он удостоен Ленинской премии, «И звезда с звездою говорит», «Мулатка», «Четки лет», «Письмена», «Третий час» и блистательная книга прозы «Мой Дагестан».

Книга со стихами Гамзатова побывала даже в космосе, ибо поклонник его творчества летчик-космонавт Виталий Севастьянов брал ее с собой в орбитальный полет.

Вся жизнь и творчество Гамзатова подтверждают простую истину, что и в маленьком ауле может родиться большой талант.

* * *

Оскар ФЕЛЬЦМАН

Расул Гамзатов. Имя это знакомо и близко миллионам людей в нашей стране. И я всегда был в числе тех людей, которые в творчестве Расула Гамзатова находили истинную глубину чувств, подлинное поэтическое своеобразие. Литература Р. Гамзатова относится к высоким образцам гуманистического творчества, которое обогащает духовный мир человека, делает его еще более содержательным и прекрасным. Книги поэта были всегда в нашем доме. Но в последние годы мои отношения с Р. Гамзатовым стали не просто отношениями поэта и читателя, а творческими связями, создающими в искусстве очень важное и дорогое для обоих — песню.

Чингиз АЙТМАТОВ

ТАЛАНТ

Поэтов много, многие думают, что они поэты. Но такие, как Расул Гамзатов — явление чрезвычайно редкое. Тем и ценен Гамзатов, он не повторим, он единственный в своем роде. Он сугубо национален и при этом широко известен читателям разных стран. Его ни с кем не спутаешь с первого слова, с первой стихотворной строки. Он постоянен как постоянен свет Венеры, ярче и дольше всех звезд пылающей на рассвете. И при этом природа сполна одарила Гамзатова щедрым разносторонним талантом, широким, добрым взглядом на мир.

В этот раз великий поэт Дагестана написал прозу. Не скрою, мне доставляет огромное удовольствие сказать несколько слов об этой книге, явившейся, по общему признанию читателей, литературным событием номер один минувшего года.

И опять творение Гамзатова не похоже ни на что, что когда-либо доводилось читать. С точки зрения жанра, пожалуй, оно не имеет ничего подобного себе в мировой литературе. Да и только ли жанра? Пусть специалисты разбираются, как определить форму книги «Мой Дагестан». Гораздо важнее то, что читается она с неослабевающим увлечением, что она будит мысль, будоражит душу, вызывая гамму многообразных переживаний — радость, боль, смех, удивление и гордость за успехи в познании нашей действительности. И постоянно испытываешь чувство глубокой благодарности автору за то, что он есть такой, за то, что он видит и чувствует жизнь, за то, что он умеет так рассказать о ней.

«Мой Дагестан» — книга сложная, полифоническая по строю, исповедь перед временем и изображает наше время через восприятия, через мысли и высказывания современников и со-

отечественников, друзей за рубежом. И во всем, каких бы сторон жизни ни касался Гамзатов, во всем он проявляет свою принципиальную позицию, обо всем у него свои сугубо личные, гражданские соображения—ко всему великому и малому у него свои критерии, свои меры измерения ценностей.

От главы к главе повествование Гамзатова зарождается и движется, как морская волна. Вот она вздымается, вскипает и затем с грохотом падает вниз, ослепляя сияющими, как радуга, брызгами. И снова волна…

Книга состоит из потока диалогов, монологов, философских рассуждений, целого цикла притч, легенд, преданий, размышлений о судьбах человека, народов, государств. И все это пропущено через поэтическое горнило Гамзатова, через его неповторимую национальную самобытность. Все это олицетворено высокой и беспокойной мыслью сына и гражданина нашего времени, каким является выдающийся советский поэт — Расул Гамзатов.

1972 г.

Александр ТВАРДОВСКИЙ

КАК Я ГОРЖУСЬ ТОБОЙ

Трудно говорить о Расуле, так как такое поэтическое явление, как Расул Гамзатов, не укладывается в обычные слова. Это явление очень своеобразное и величавое. Поэзия его тесно связана с поэзией русского и других народов Советского Союза. Но в современную поэзию Расул Г. вносит столь значительный вклад, что всесоюзный читатель принял его задолго до сегодняшнего дня. В поэзию Расул принес и цвета и запахи родной страны и передал их в пользование всех читателей Советского Союза. Расул Гамзатов принадлежит не только вам, но в не меньшей степени и нам.

Я давно слежу за тобой, Расул, и сегодня хочу сказать, как люблю тебя, как я горжусь тобой, как я ценю тебя, мой друг, мой брат по советской поэзии.

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

С ВЫСОТЫ ТВОРЧЕСТВА

У каждого есть мечта. Мечта летчика — достичь самую высокую высоту. У морехода — дальнее плавание. У водолаза — достичь глубину океана. А мечта поэта — с высоты, дали и глубины войти в душу человека со своими произведениями.

Для большого поэта нашего времени, для народного поэта Дагестана Расула Гамзатова высота тоже была мечтою. И он ее уже достиг. Наши славные летчики-космонавты А. Николаев и В. Севастьянов в своем беспримерном и многодневном космическом полете имели с собой книжку стихов Расула Гамзатова. Поэзия Расула вдохновляла их среди звезд. Благодаря гуманности и человечности стихов Расул Гамзатов стал таким счастливым. С высоты творчества он смотрит на окружающий мир. Думает о судьбах людей: «Холодно ли им, голодно ли им, страшно ли им»? Забота о человеке — главная тема творчества поэта:

Пусть литься в глаза мои будет
Тепло человеческих глаз.
Вы так удивительны, люди,
Я пью, дорогие, за вас!

Это он говорит, поднявшись на высоту аула Цада, с других высот Дагестана, Кавказа и любимой Родины.

Я давно влюблен в творчество Расула Гамзатова. Эта любовь меня заставила переводить его стихи на русский язык. Не говоря о ранее переведенных стихах, я сейчас работаю над книгой лирики Расула под названием «Цадастан». Работаю я с большим вдохновением. Стихи сами заставляют любить их и переводить. Думаю, читатели скоро получат эту книгу.

Москва для Расула стала вторым Цада. Куда бы в заграничную поездку поэт не отправлялся, всегда он уезжает из Москвы и возвращается в Москву. Москвичи его считают земляком. Поэтому они так же, как и дагестанцы, с теплотой отзываются о его стихах, любят его вечера, горят желанием встретиться с ним.

О всеобщей любви к поэту, признании его народом говорят его награды и высокие звания: Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и государственной премий. Еще более высоких высот тебе, наш Расул!

* * *

Я знаю Расула с института. Поэт он огромный, сделавший знаменитым и Дагестан, и аварский язык, и свои горы. Сердце его мудрое, щедрое, живое. Я видел его во многих выступлениях, где он оставался гражданином, мудрецом, шутником. С врагами он сражался без жалости, бил их мудростью. Поэт он не только дагестанский, но и русский поэт. Его называют всегда в числе любимых поэтов. И если называют хотя бы пять любимых поэтов, то его имя в их числе.

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

ЗЕМЛЯ И ПЛАНЕТА ПОЭТА

О Расуле хочется говорить стихами Расула. Таково свойство подлинной поэзии — оно сплачивает чеканные строки мастера и его страну, помыслы и его облик.

В Дагестан я впервые приехал совсем недавно — и десяти лет не прошло: в Российской Федерации проводились дни таджикской литературы.

Девушки танцуют на лужайке, их станы изгибаются подобно луговым цветам под горным ветерком… Да ведь это стихи Расула!

Папаха и бурка на джигите, живописный и строгий наряд хлебопашца, чабана и воина… И его я уже знаю по стихам Расула!

Девушка с кувшином на плече возвращается от родника… Ожившая строка Расула!

Впервые в Дагестане, а чувствую себя, как дома. И дело вовсе не в том, что тоже горец, что с детства хожу по крутым тропинкам, между скалами и осыпями, высокими кручами и бурными потоками. Просто узнаю каждый камень, каждый жест. Я уже встречался с ними. Встречался в стихах Расула.

Мне кажется, что я понимаю каждую улыбку, каждое слово, хоть в Дагестане три десятка своеобразнейших наречий, но мы дружим с Расулом четверть века с лишним.

После одного из выступлений в Москве подошел ко мне парень. Физиономия хмурая, а в глазах черти пляшут.

— Ты, — спрашивает, — Мирзо?

— Я, — отвечаю.

— А я — Расул, — объявляет парень. — Слушай, здорово это у тебя — «Индийская баллада».

— Погоди хвалить, — останавливаю. — Ну а что значит — Расул? Кто таков?

— Как кто таков? Поэт.

Заканчивал Расул в ту пору литинститут. Стихи его мало кто знал. Представился, как видите, довольно необычно. Однако я ни на секунду не усомнился, что передо мною поэт. Может быть, веселые чертики в глазах в сочетании с необыкновенной, чуть ли не мрачной серьезностью подкупили? Или то, что с достаточной полнотой выражено в пословице «рыбак рыбака видит издалека»?

Немало с той поры дорог проделано вместе с Расулом. Дальних и ближних. Дорог, в которых нам приходилось быть не только поэтами, но и дипломатами, политиками, ораторами. Я имею в виду работу в Комитете солидарности стран Азии и Африки, писательские конференции и зарубежные поездки, когда приходится держать ухо востро, да и за острым словом в карман не лазить.

Мы люди, а значит без верных друзей
Труднее нам жить, умирать тяжелей.
Без дружбы погиб бы
мой малый народ.
Великий лишь тем,
что любовью живет.
Нам верная дружба и песня о ней
Нужнее, чем воздух, и хлеба нужней.

(Перевод Н. Гребнева)

Эти строки Расула, в чем неоднократно убеждался, не декларация, не

«звонкая бляшка стиха». Эти строки — выражение его человеческой сути, выражение высокой сути народов Дагестана. Ибо стихи поэта — его земля, его народ.

Но земля и народ поэта Расула Гамзатова — понятие, включающее в себя не только Дагестан, не только Кавказ. Это понятие, включающее в себя весь Советский Союз, весь наш образ жизни, весь наш высокий гуманизм.

Стоя на высокой горе, можно петь о самой горе, об орле, парящем над облаками, о цветке, склонившемся над ручьем. Тогда твоего голоса никто не услышит, разве что сами орел, цветок, гора. Но когда поёшь о горизонтах, открывшихся с твоей горы, о людях, что пашут на склонах и вгрызаются штольнями в скалы, когда поешь о том и для кого орел, цветок и гора — начинается поэзия.

Поэтому так искренна и человечна песня Расула, поэтому так много сердец к ней тянется, что и сам он тянется ко всему, в чем главная правда, главная песня. К людским сердцам и беспокойству века, к мечтам и надеждам, к красоте и верности, к улыбке и мудрости.

Замер орел, распростершийся в небе,
Словно крылами
весь мир он объемлет.
Руки пошире раскинуть и мне бы,
Всех вас обнять, населяющих землю.
Всех вас, живущих на этих просторах.
Всех, кто горюет, смеется и плачет,
Песни такие бы спеть, от которых
Камни становятся шерстью ягнячьей.

(Перевод Н. Гребнева)

Писать о стихах Расула — задача непосильная для поэта. Стихи Расула — это он сам, его родной Дагестан, наша многонациональная Страна Советов. Стихи Расула — это песня зурны и горянка, кланяющаяся гостю, это джигит, гарцующий на веселом скакуне, и шум горной реки. О стихах Расула лучше всего рассказывают стихи Расула, ведь он видит, думает, живет, даже шутит только как поэт. И зря «Мой Дагестан» называют в издательских аннотациях «первой книгой прозы» Расула. Это поэма, настоящая большая поэма.

Можно писать о встречах с Расулом, о дружбе с Расулом, но возможен ли лучший отклик на песню, чем песня?

И я не мог не посвятить стихов Расулу. Благословен край, рождающий певцов и героев. Благословенна страна, где герои повторяют строки певцов, а певцы слагают гимны героям. Осенена надеждою планета, где восхищаются подвигами и внимают стихам.

Во время поездки по Ирану мы с Расулом побывали в Ширазе, посетили гробницы Саади и Хафиза. Расул просил меня читать стихи великих поэтов Востока в оригинале, читать без конца, я даже запросил пощады — охрип.

Но сегодня, в канун 50-летия народного поэта Дагестана Расула Гамзатова, одного из популярнейших поэтов Страны Советов, мне хочется напомнить слова Саади: «Трижды по тридцать три года обязан жить поэт. И первые тридцать три – учиться. Во вторые – путешествовать, в третий срок – учить».

Так что впереди у Расула долгий путь – во имя песен о родной земле и во имя песен о планете людей.

Мустай КАРИМ

МЫ ЕГО ЛЮБИМ НЕЗАВИСИМО...

Из окна моего домика видны поля и зеленые холмы моего родного аула Кляш – там за рекой Демой, в километрах трех. В том домике иногда я работаю, иногда предаюсь воспоминаниям, иногда просто сижу и, глядя на свое гнездовье, сверяю им свою совесть, как по кремлевским часам сверяют время. Я почти различаю, как у подножья Девичьей горы вьется тропинка и спешит к тихому озеру Акманай. Там ее конец, ее пристанище. По той тропинке вниз, взявшись за руки, бегут два темноголовых мальчика. Это я вижу отчетливо и точно. Один из них — я, другой... большеголовый — Расул, который вовсе еще не Расул Гамзатов.

То — игра воображения. С Расулом судьба свела меня позже, в том возрасте, о котором говорят: «Он свистом останавливает летящего орла». В ту пору ему было чуть больше двадцати. Но у любви своя мера исчисления времени, она не только утверждает свою власть на настоящее и будущее, но и отстаивает свои права на прошлое, на то, что было до нее. Если наше с Расулом детство не шло по той тропинке, это было просто ошибкой, нелепостью, упущением. Для меня он с самого начала — с первого дыхания, первых шагов, первого смеха, первого снега — слит с моей землей. То ощущение возникло во мне не столько от моей личной дружбы к нему, сколько от любви моих сородичей, моих земляков к поэзии, к уму, к личности Расула Гамзатова.

О творчестве Гамзатова писали и пишут много и достойно. Я хочу добавить только несколько штрихов к картине, имя которой «Народная любовь к поэту».

В каких краях Башкирии я ни бываю, повсюду, после обычных расспросов о житье-бытье, я слышу имя моего друга.

— Есть ли хабар от Расула?

— Есть, — говорю я, — иначе бы я был грустен.

Еще более десяти лет назад в одном ауле мои земляки подарили мне первую долговечную радость за друга. Из тех мест я был выдвинут в депутаты Верховного Совета РСФСР. Я приехал на предвыборные встречи с избирателями. В фойе клуба, как наглядная агитация, стоял довольно большой стенд, посвященный моей творческой работе. Рядом находился таких же размеров стенд, где были собраны книги, фотографии, высказывания Расула Гамзатова и статьи о нем. С напускной строгостью в голосе я спросил у завклубом:

— Что, он тоже кандидат в депутаты?

Женщина немного растерялась:

— Он же поэт, он же ваш друг... Я думала, так будет хорошо, и вам будет приятно, — сказала она торопливо. — Его очень любят у нас. — Увидев мое ликование, она засмеялась и добавила: «Любят независимо от Вас. Вот так!»

Я обнял ее. Я был полон благодарности этой немолодой женщине, всем, кто радовался вместе со мной, за их понимание и признание высокой поэзии, высокого таланта.

Совсем недавно, как говорится, по возрастным обстоятельствам, я обратился в стоматологическую клинику. Замечательный врач, очень внимательная и добрая Зайтуна-ханум привела в порядок мое «жевательное хозяйство» и поставила его на службу моему аппетиту. В день последнего моего визита вдруг она спросила:

— Как у Расула зубы?

Я сразу не понял:

— У какого Расула?

— У Расула Гамзатова.

Я сказал, что он пока на них не жалуется. Но Зайтуна-ханум еще не сочла вопрос исчерпанным:

— Если у него заболят зубы, — настояла она, — непременно скажите ему, пусть приезжает к нам. У нас лучшая клиника, лучшие врачи. Главное — мы его любим. Больно делать не будем.

Однажды в гостинице «Москва» подходит ко мне мой земляк — ветеран войны, увешанный множеством боевых орденов и медалей.

— Я приехал сюда на встречу со своими однополчанами, — сказал он, — и захватил с собой написанный мною портрет Расула Гамзатова. Думал, вдруг встречу его. Хотел передать... Нет его в Москве. Пошлю уж по почте.

Что, какие мысли, какие чувства двигали этим седым, высоким стройным человеком, когда он провел первую черточку по холсту и последнюю?

— Как же вы нарисовали его? Разве вы видались с ним? — спросил я.

— Нет, — ответил он. — Кроме как по телевизору. Я знаю все его книги, читаю их с радостью и волнением. Рисовал я его не по натуре, а по любви.

... Я смотрю на ту же тропу, которая спокойно тянется от Акманая к вершине Девичьей горы. По ней не спеша поднимаются два седых, но еще не старых человека. Совсем негромко, но во всеуслышанье говорит один другому:

— Со всенародной любовью поздравляю тебя, мой славный товарищ, мой брат Расул Гамзатов.

Могла ли поэзия, близкая миллионам людей, быть обойдена вниманием композиторов? Стихи Расула Гамзатова ложились на музыку многих авторов в разные годы. Вот перечень только тех, кого знает редакция, который предваряет известный дагестанский музыкант Хан Баширов.

ЛИРА РАСУЛА

Перечитываю стихи Расула Гамзатова. И вдруг чувствую, что в моей душе прорастает трава мелодии. И вот все явственней, отчетливей сливаются слова в увлекающем воображение потоке музыки.

Мне известен секрет ее рождения, но в данном случае казалось, что музыка возникла как бы сама собой, вырвалась наружу непроизвольно из глубины прекрасной поэзии, а композитор только записал ее.

В стихах, посвященных Мураду Кажлаеву, Расул Гамзатов пишет:

«Возьми слова мои, и если
В них землю с небом породнишь,
Они, пожалуй, станут песней,
Взлетев, как птицы, с горных крыш».

В беседе Расул Гамзатович (а мы с ним знакомы много лет) говорил, что композитор, сочиняющий песни, подобен мальчишке на птичьем рынке, которому позволено выпускать из клетки любую понравившуюся ему птицу. А хозяин, как ни странно, и сам рад, что может полюбоваться свободным полетом птицы, которую так долго держал в клетке.

Что здесь важно? По-моему, идея «неба», которая необходима музыке для полета. И идея «птицы», которую композитор мог бы почувствовать в тех или иных стихах.

Кто не знает «Журавлей» Расула Гамзатова (в переводе Наума Гребнева) и Яна Френкеля? И думаю – еще Марка Бернеса. А в Дагестане – Магомеда Омарова, талантливого певца и композитора, народного артиста Дагестана, к сожалению, рано ушедшего от нас (мне посчастливилось не раз выступать с ним). В их исполнении эта песня вошла в сердца многих людей. Это одна из лучших песен о войне, о долге живых перед павшими, о человеке вообще, о мире, в котором могут жить необыкновенно красивые душой люди, в котором человек может так думать, так видеть, так чувствовать. «Журавли» – символ бессмертия. И пусть эти белые журавли напоминают нам всем о мире и согласии в нашем неспокойном доме.

К творчеству Расула Гамзатова обращались многие композиторы, потому что его поэзия обладает такой властью. Любовь у него сражается за свободу, за мир, за общечеловеческие гуманистические идеалы. В моей домашней библиотеке много книг с автографами Расула Гамзатовича, но мне наиболее дорога одна из них, которую мастер подписал: «Хану – музыки, Баширу – любви» – вот его философия, вот что, не сомневаюсь, лира Расула делает и будет делать людей выше, чище, мужественнее.

«Журавли» в исполнении Хана Баширова и Магомеда Омарова не раз звучали на республиканской сцене.

РАСУЛ ГАМЗАТОВ В МУЗЫКЕ

КАЖЛАЕВ Мурад Магомедович, (1931).
Балет «Горянка».

СОЛОВЬЕВ Дмитрий Ефимович (1916), композитор из Санкт-Петербурга.
Вокальный цикл: 1. Перелетный косяк журавлей. 2. Пленительных женщин и храбрых мужчин. 3. Сердце джигита - горящий костер. 4. Спрашивала Любовь. 5. Эй, мужчины.

СОЛОДУХО Яков Семенович (1911-87).
«Спроси у сердца» – вокальный цикл: 1. Когда сходились, вырвав два кинжала. 2. Любовь к тебе. 3. Помнишь ли. 4. Спроси у сердца.

СОТЧЕНКОВА Лидия Ильинична (1939), композитор из Челябинска.
«Бросает свет светильник мой чадящий»

СТИХИН Евгений Михайлович (1932).
Песня «Сыновьям» (Сыновья, стали старше вы павших отцов).

СТРЖЕЛИНСКИЙ Юрий Станиславович (1938).
Эпические песни. Кантата на слова советских поэтов – «Мы все умрем, людей бессмертных нет!»

СТЫРЧА Алексей Георгиевич (1919-74), известный композитор и певец из Молдовы.
«Радость, помедли». Романсы.

ТАРАСОВ Константин Михайлович (1952), известный бард.
«Моему другу» (Небо тучами затянуто, мой друг).

ТОЛМАЧЕВ Л.
Песня «Сыновья, стали старше вы павших отцов».

ТХАБИСИМОВ Умар (1919-98), композитор из Республики Адыгея.
«Берегите матерей» – вокальный цикл на тексты из поэмы Расула Гамзатова.

ТЮЛЬПИН Ю.
Песня «Сыновья, стали старше вы павших отцов».

ФАТТАХ Азантин (1923).
«Матери» (песня известна в исполнении Л. Серебренникова).

ФЕЛЬЦМАН Оскар Борисович (1921).
«Родина» – оратория.
«С любовью к женщине». Песенный цикл: 1. Есть глаза у цветов. 2. Разве тот мужчина. 3. С женщиной наедине. 4. Скажи, каким огнем был рад (С любовью к

женщине).

«Это мы». Песенный цикл: 1. Звезды (Будь как совесть). 2. Клятва сыновей (Это мы). 3. Откуда ты, молодость.

«Дай мне руку». Песенный цикл: 1. Ах, женщины. 2. Дай мне руку. 3. «Исчезли солнечные дни».

Песни: 1. Какую песню спеть тебе, родная. 2. Любовь к тебе. 3. Пять пальцев. 4. Разговор. 5. Я тебя не забуду.

ФЛЯРКОВСКИЙ Александр Георгиевич (1931).

«Клятва сыновей». «Моей земли не умирают люди». «С новым счастьем!»

ФРАНКШТЕЙН Борис Семенович (1949).

Хоры: 1. Песня молодых. 2. Песня про сокола с бубенцами.

ФРЕНКЕЛЬ Ян Абрамович (1920-89).

Песни: 1. Бедная овечка. 2. Желтые листья. 3. Журавли. 4. Любимые голоса. 5. Матери. 6. Песни военных годин. 7. Сыновья, стали старше вы павших отцов. 8. Свечу задуть я не берусь. 9. Стихи, написанные в новогоднюю ночь.

ХАБАЛОВА Зинаида Савельевна.

Романсы: 1. Всего я боюсь. 2. Всей душой хочу я счастья. 3. О 7 днях недели.

ХАРЧЕНКО Александр.

Песни: «Ты быть не можешь от меня вдали». «Над нежностью разлука не вольна». «Шумные улицы онемели». «Любовь всего превыше на земле».

ХВОЙНИЦКИЙ Владимир Анатольевич (1928).

Песни

ХМЕЛЬНИЦКАЯ Луиза.

Песня винной бутылки.

ЦУРМИЛОВ Ахмед.

Песня чабана.

ЧАЛАЕВ Ширвани (1936).

«Мой Дагестан» – музыка к спектаклю Ленинградского театра комедии. «Сказание о Хочбаре» – музыка к кинофильму. «Целую женские руки» – кантата. 1. Вьется снег, как белый прах. 2. Если в мире тысяча мужчин. 3. Женская ноша. 4. Как живете-можете. 5. Колыбельная. 6. Скажи, каким огнем был рад. 7. Целую женские руки.

«Надписи» – вокальный цикл.

«Облака» – вокальный цикл. 1. В Хиросиме. 2. Океан. 3. Подушку не пухом при тихой погоде. 4. Свечу задуть я не берусь. 5. Сегодня снова снежный день.

«Песни Муи» – вокальный цикл. «Дождик за окном – о тебе я думаю».

ЧИТЧЯН Гегуни (1929).

Песня «Милая, оставь свою заботу».

ЧУДОВА Татьяна Алексеевна (1944).

«Хочу любовь провозгласить страною».

ШАИНСКИЙ Владимир Яковлевич (1925).

Песни: 1. Где же ты, счастье. 2. Целую женские руки.

ШАЙДУЛОВА Гельсят.

Песня «Год моего рождения» (Ночью непогода злится. Только ты).

ШАМАСОВ Казбек (1938-2003).

Хоры: 1. Колыбельная. 2. Пела на скалах высоких.

ШАМХАЛОВ Шамхал (1924-2001).

Песни: 1. Есть глаза у цветов. 2. Журавли. 3. Я трижды плакал в мире этом. 4. Спокойной ночи, мама. 5. Мать. 6. Дитя.

ШАНТЫРЬ Григорий Михайлович (1923-87).

«Двадцатый век» – вокальный цикл: 1. Двадцатый век сурово хмурит брови. Зависть. 3. Мир кажется мне книгой бесконечной. 4. Помогите! 5. Проклятие. 6. Скажи мне, что в мире презренней всего. 7. Шар земной.

ШАФРАННИКОВ Виктор Георгиевич (1908).

Песня из пьесы «Махмуд» (Мне б тебя не встречать!)

ШИНТЯПИН Виталий, бард из Новосибирска.

Когда моя жизнь, догорая

ШИРИНСКИЙ Василий Петрович (1901-65), музыкант знаменитого квартета им. Бетховена.

Мама.

ШОРШОРОВ Аким Сергеевич (1915), композитор из Ставрополя.

Песни

ШУЛЬМАН М., композитор из Узбекистана.

Вокальный цикл

ЭКИМЯН Алексей Гургенович (1927-82).

Песни: 1. Ай лаззат. 2. Берегите друзей. 3. Берегите матерей. 4. Дагестану. 5. Если в мире тысяча мужчин. 6. Если ты кунак. 7. Как живете-можете. 8. Мое пожелание. 9. Мой бубен. 10. На лугу цветок увял. 11. Сыновья, стали старше вы павших отцов. 12. Песня молодых. 13. Проклятие. 14. Целую женские руки.

ЭМАНУИЛОВ Эмил, болгарский композитор.

Песни: 1. Болгария, войди в мой стих. 2. Пять минут тому назад. 3. Роза болгарская.

ЭПШТЕЙН Макс.

С новым счастьем.

ЯРОВИНСКИЙ Борис Львович (1922).

Чох.

Где это случилось – рождение нашего поэта, и что произошло потом? А вот что...

Будущий замечательный дагестанский поэт родился 8 сентября в селении Цада Хунзахского района Дагестанской АССР в семье народного поэта Дагестана, лауреата Госпремии СССР Гамзата Цадасы. Отец был глубоко религиозным человеком, но подрастающего своего третьего сына Расула отдал учиться не в медресе, а в Аранинскую среднюю школу. И сегодня поэт благодарен за это своему отцу. Говоря об этом, Расул Гамзатович вспоминал, как отец читал на арабском языке Гоголя и Толстого, жалея, что Гамзат Цадаса, не зная русского языка, не читал в подлинниках сочинения классиков русской литературы.

Затем Расул Гамзатов учился в Буйнакске, в Аварском педагогическом училище, с коллективом которого до сих пор поддерживает тесные связи. После окончания педучилища работал учителем, был рекомендован на должность секретаря Хунзахского райкома комсомола, но, приехав в Махачкалу на утверждение, зашел со своими стихами в редакцию республиканской аварской газеты «Большевик гор». Ее редактор изумился, услышав о предстоящем его назначении, и отсоветовал от такого шага, говоря, что его дело писать стихи, а не работать в комсомоле, из которого Расула, как он с улыбкой предположил, скорее всего исключат за хулиганство. Расул послушался и стал работать в газете. Через три года перешел работать на республиканское радио, где, как он считал, больше возможностей для публикации стихов. С 1945-го по 1950 год Расул Гамзатов учился в Московском литературном институте им. М. Горького, поступить в который

ПОЭТ РОДИЛСЯ. И...

ему посоветовал Эффенди Капиев. На выраженное Расулом сомнение, мол, Сулейман Стальский, его отец, другие литераторы подобных институтов не кончали, Эффенди Капиев резонно возразил: сейчас другое время. И Расул Гамзатов поехал в Москву. В письменной работе на вступительных экзаменах, которую он, плохо зная русский язык, списал у будущего писателя Гончаренко, приемная комиссия обнаружила 59 ошибок, а у Гончаренко - 60. Но Расула Гамзатова, блестяще прошедшего творческий конкурс, приняли. После окончания института Расула Гамзатова назначают председателем правления Союза писателей Дагестана, и в этом качестве он работает до настоящего времени.

Расул Гамзатов начал писать стихи, когда ему было девять лет. Потом его стихи начали печатать в республиканской аварской газете «Большевик гор». Первая книжка стихов на аварском языке вышла в 1943 году. Ему было всего двадцать лет, когда он стал членом Союза писателей СССР. С тех пор на аварском и русском языках, на многих языках Дагестана, Кавказа и всего мира вышли десятки поэтических, прозаических и публицистических книг, такие как «В горах мое сердце», «Высокие звезды», «Берегите друзей», «Журавли», «У очага», «Письмена», «Последняя цена», «Сказания», «Колесо жизни», «О бурных днях Кавказа», «В полдневный жар», «Мой Дагестан», «Две шали», «Суди меня по кодексу любви», «Сонеты» и многие другие, которые получили широкую популярность.

Стихи и поэмы Расула Гамзатова переводили на русский язык такие мастера пера, как Илья Сельвинский и Сергей Городецкий, Семен Липкин и Юлия Нейман. Особенно плодотворно работали с ним его друзья-поэты: Наум Гребнев, Яков Козловский, Яков Хелемский, Владимир Солоухин, Елена Николаевская, Роберт Рождественский, Андрей Вознесенский, Юнна Мориц, Марина Ахмедова и другие переводчики. Сам Расул Гамзатов перевел на аварский язык стихи и поэмы Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Шевченко, Блока, Маяковского, Есенина, стихи поэтов пушкинской плеяды, арабского поэта Абдул Азиз Ходжи, других литераторов.

Многие стихи Расула Гамзатова стали песнями. Они привлекли внимание композиторов Дагестана, Кавказа, России и других республик. Издательство «Мелодия» неоднократно выпускало пластинки и диски с песнями на стихи поэта. Тесно работали с Гамзатовым широко известные в стране композиторы: Кабалевский, Экимян, Блантер, Ян Френкель, Колмановский, Полад Бюль-Бюль-оглы, Аедоницкий, Раймонд Паулс, Юрий Антонов, Александра Пахмутова, Готфрид Гасанов, Сергей Агабабов, Мурад Кажлаев, Ширвани Чалаев, Наби Дагиров, Магомед Касумов, Ахмед Цурмилов и многие другие музыканты.

Исполнителями этих песен стали известные певцы и артисты: Анна Герман, Галина Вишневская, Муслим Магомаев, Марк Бернес, Иосиф Кобзон, Валерий Леонтьев, Сергей Захаров, София Ротару, Рашид Бейбутов, Вахтанг Кикабидзе, Дмитрий Гнатюк, Муи Гасанова, Магомедтамир Синдиков, Магомед Омаров, Шагав Абдурахманов и другие солисты. Стихи декламировали такие известные артисты, как Михаил Ульянов, Александр Завадский, Яков Смоленский, Александр Лазарев и другие мастера сцены.

Песни на стихи Расула Гамзатова вошли в репертуар Чародинского хора, ансамбля «Гая», квартета Тагира Курачева и других музыкальных коллективов. За выдающиеся достижения в области литературы Расул Гамзатов отмечен многими званиями и премиями Дагестана, России, Советского Союза и мира: народный поэт Дагестана, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, Лауреат Государственных премий РСФСР и СССР, лауреат международной премии «Лучший поэт 20 века», лауреат премии писателей Азии и Африки «Лотос», лауреат премий Джавахарлала Неру, Фирдоуси, Христо Ботева, а также премий имени Шолохова, Лермонтова, Фадеева, Батырая, Махмуда, С. Стальского, Г. Цадасы и других литературных премий.

Расул Гамзатов избирался депутатом Верховного Совета Дагестанской АССР, заместителем Председателя Верховного Совета ДАССР, депутатом и членом Президиума Верховного Совета СССР, членом Дагестанского обкома КПСС. Несколько десятилетий был делегатом писательских съездов Дагестана, РСФСР и СССР, членом бюро солидарности писателей стран Азии и Африки, членом Комитета по Ленинской и Государственной премиям СССР, членом правления Советского Комитета защиты мира, заместителем председателя советского Комитета солидарности народов Азии и Африки, членом редколлегии журналов «Новый мир», «Дружба народов», газет «Литературная газета», «Литературная Россия» и других газет и журналов. Сегодня Расул Гамзатов действительный член Петровской академии России, имеет награды: четыре ордена Ленина, орден Октябрьской революции, три ордена Трудового Красного Знамени, орден Дружбы народов, орден «За заслуги перед Отечеством» III степени, орден Петра Великого, болгарский орден Кирилла и Мефодия, многие медали СССР.

Поэтические вечера Расула Гамзатова с успехом проходили в разные годы в махачкалинских театрах и на стадионе «Динамо», в московских театрах и концертных залах, в московских «Лужниках», а также в культурных центрах Софии, Варшавы, Берлина, Будапешта и во многих других залах разных городов и разных стран.

По произведениям поэта в Ленинградском театре оперы и балета поставлен балет «Горянка», в Петербургском большом театре комедии осуществлена постановка спектакля «Мой Дагестан», на сцене Аварского музыкального драматического театра им. Г. Цадасы поставлены спектакли «В горах мое сердце», «Берегите матерей», «Горянка». Пьеса «Горянка» поставлена на сценах многих театров бывшего СССР.

О жизни и творчестве народного поэта написаны и изданы книги известных литературоведов: К. Султанова, В. Огнева, В. Дементьева и других литературоведов. О нем сняты документальные и телевизионные картины, такие как «В горах мое сердце», «Кавказец родом из Цада», «Белые журавли», «Расул Гамзатов и Грузия» и другие ленты. По его произведениям сняты художественные фильмы «Горянка» и «Сказание о храбром Хочбаре».

Расул Гамзатов был во многих странах Европы, Азии, Африки, Америки. Он был в гостях у многих известных государственных деятелей, у королей и президентов, писателей и художников. Его дом в ауле Цада и Махачкале посетили много гостей, людей известных всему миру.

Его отец умер в 1951 году, а мать — в 1965-м. Двое старших братьев пали в сражениях Великой Отечественной войны. Жена Патимат скончалась в 2000 году. В Махачкале живет его младший брат Гаджи Гамзатов — академик Российской академии наук. У поэта три дочери и четыре внучки.

Трудно перечислить все книги Расула Гамзатова, не упустив ни одной, изданные на языках народов Дагестана, России, ближнего и дальнего зарубежья. Мы попытались перечислить хотя бы некоторые из тех, что изданы на русском и иностранных языках. И получился у нас такой список...

КНИГИ РАСУЛА

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ

Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1968-1969.
1. Стихотворения. 1968. 527 с.
2. Стихотворения. Поэмы. 1969. 430 с.
3. Мой Дагестан. Статьи. Выступления. 1969. 319 с.

Собрание сочинений: В 5 т. М.: Худож. лит., 1980-1982.
1. Стихотворения. Поэмы. 1980. 511 с.
2. Стихотворения. Поэмы. 1981. 568 с.
3. Стихотворения. Поэмы. 1981. 527 с.
4. Мой Дагестан. 1981. 423 с.
5. Стихотворения. Поэмы. Верность таланту: Лит.-крит. ст. и выступления. – 1982. 575 с.

Собрание сочинений: В 3 т. М.: Дружба народов, 1993.
1. Высокие звезды: Стихи. 496 с.
2. Четки лет: Стихи. 448 с.
3. Чаша жизни: Стихи. Поэмы. 432 с.

Собрание сочинений: В 8 т. М.: Советский писатель, 2003.
1. Стихотворения. 624 с.
2. Стихотворения. 608 с.
3. Стихотворения. 400 с.
4. Сказания. Поэмы. 496 с.
5. Поэмы. 528 с.
6. Мой Дагестан. 496 с.
7. Публицистика, статьи, эссе. 432 с.
8. Интервью, беседы, диалоги. 336 с.

СБОРНИКИ. ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ

Земля моя: Сборник стихов. Махачкала: Дагтиз, 1948. 91 с.

Песни гор. М.: Мол. гвардия, 1949. 63 с.

Год моего рождения. М.: Мол. гвардия, 1950. 96 с.

Песня о самом дорогом: Стихи. М.; Л: Детгиз, 1950. 63 с.

Родной простор: Стихи. Махачкала: Дагтиз, 1950. 141 с.

Год моего рождения: Стихи и поэмы. М.: Мол. гвардия, 1952. 96 с.

Год моего рождения: Стихи и поэмы. Махачкала: Дагтиз, 1952. 96 с.

Слово о старшем брате: Стихи. М.: Мол. гвардия, 1952. 96 с.

Горная дорога: Стихи. М.: Правда, 1953. 32 с. (Б-ка «Огонек», № 27).

Лирика. М.: Мол. гвардия, 1954. 89 с.

Поэмы: Год моего рождения. Родина горца. Солдаты России. Разговор с отцом. М.: Сов. писатель, 1954. 100 с. **Стихотворения и поэмы:** М.: Гослитиздат, 1954. 300 с.

Лирика. М.: Мол. гвардия, 1955. 190 с.

Мой дедушка. М.: Детгиз, 1955. 16 с.

О тебе я думаю: Поэма «Разговор с отцом» и стихи. М.: Правда, 1956. 32 с. (Б-ка «Огонек», № 51).

Стихотворения. М.: Сов. писатель, 1956. 246 с.

Больные зубы: Стихи. М.: Правда, 1957. 55 с. (Б-ка «Крокодила». № 151).

Мой дедушка: Стихи. М.: Детгиз, 1957. 15 с. (Мои первые книжки).

Новая встреча: Стихи. М.: Мол. гвардия, 1957. 95 с.

Горит мое сердце: Стихи. М.: Детгиз, 1958. 158 с.

Стихотворения. М.: Гослитиздат, 1958. – 183 с. (Б-ка сов. поэзии).

В горах мое сердце: Стихотворения, поэма. М.: Гослитиздат, 1959. 439 с.

Мой дедушка. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. 24 с.

Поэмы. М.: Мол. гвардия, 1960. 224 с.

Восьмистишия и надписи. М.: Правда, 1962. 32 с. (Б-ка «Огонек», № 7).

Высокие звезды: Стихи и поэма «Весточка из аула». М: Сов. писатель, 1962. 265 с.

Высокие звезды: Стихи и поэма «Весточка из аула». М.: Сов. писатель, 1963. 271 с.

Горянка: Поэма. М.: Сов. Россия, 1963. 232 с.

Зарема. М.: Детгиз, 1963. 63 с.

И звезда с звездою говорит: Новые стихи и поэмы. М.: Сов. Россия, 1964. 143 с.

Избранное: В 2 т. Стихотворения и поэмы. 1943-1963 / Предисл. С. Маршака. М.: Худож. лит., 1961.

Письмена. Восьмистишия. Эпиграммы: Сб. стихов. М.: Мол. гвардия, 1984. 262 с.

Избранная лирика. М.: Мол. гвардия, 1965. 32 с.

Не торопись: Стихи. – М.: Правда, 1965. 32 с. (Б-ка «Огонек»).

Мулатка: Стихи. – М.: Сов. писатель, 1966. 135 с.

Горянка: Драма в 2-х действ. М.: Искусство, 1967. 70 с.

Мой Дагестан.– М.: Худож. лит., 1968. 93 с. (Роман-газета, №14).

Мой Дагестан: Повесть. М.: Мол. гвардия, 1968. 255 с.

А что потом? Юморист. стихи. М: Правда, 1969. 63 с. (Б-ка «Крокодила», №36).

Горянка: Поэма. М.: Дет. лит., 1969. 175 с. (Золотая б-ка: Избр. пр-ния для детей и юношества).

Мой Дагестан. М.: Правда, 1969. 64 с. (Б-ка «Огонек», № 10).

Мой Дагестан. М.: Известия, 1969. 606 с. (Б-ка «Пятьдесят лет советского романа»).

Письмена. М.: Мол. гвардия, 1969. 254 с.

Четки лет: Стихи. М.: Мол. гвардия, 1969. 446 с.

Две шали: [«Книга любви: Стихи; Поэма «Горянка»]. М.: Сов. Россия, 1971. 366 с.

Третий час: Стихи. М.: Сов. писатель, 1971. 112 с.

Берегите друзей. М.: Современник, 1972. 318 с. (Б-ка поэзии «Россия»).

Высокие звезды: Стихи и поэма [«Весточка из аула»]. М.: Худож. лит., 1972. 255 с. (Б-ка пр-ний, удостоен. Ленинской премии).

Граница: Стихи [и поэма «Пять пальцев»]. М.: Воениздат, 1972. 95 с.

Клинок и роза: Стихи. М.: Воениздат, 1972. 320 с.

Мой Дагестан. Кн. 1-2. М.: Мол. гвардия, 1972. 424 с.

Высокие звезды. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1973. 796 с.

Журавли: Стихи. М.: Дет. лит., 1973 – 174 с.

Мой Дагестан. Кн. 2. М.: Худож. лит., 1973. 78 с. (Роман-газета. №5 (723).

Мой дедушка: Стихи. Махачкала: Дагучпедгиз, 1973. 16 с. (Школьная б-ка).

Письмена. М.: Худож. лит., 1973. 391 с.

Сонеты. М.: Сов. писатель, 1973. 71 с.

Четки лет: Стихи. М.: Мол. гвардия, 1973. 479 с.

Избранные стихотворения. М: Прогресс, 1974. 351 с. – Рус. и англ. яз.

Книга любви: [Стихи, сонеты, поэмы]. М.: Сов. Россия, 1974. 335 с.

Мой Дагестан. Кн. 1-2. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1974. 381 с.

Стихи и поэмы. М.: Известия, 1974. 559 с.

Мой дедушка: Стихи. М.: Дет. лит., 1975. 16 с. (Мои первые книжки).

Персидские стихи. М.: Правда, 1975. 32 с. (Б-ка «Огонек», № 42).

Сказания. М.: Мол. гвардия, 1975. 190 с.

Горянка Поэма. М.: Сов. Россия, 1976. 158 с.

Избранные стихотворения. М.: Прогресс, 1976. 347 с. Рус. и англ. яз.

Покуда вертится земля: Стихи и поэмы. Махачкала: Дагучпедгиз, 1976. 319 с.

Избранные произведения: В 2 т. М.: Известия, 1977.

1: Стихотворения. 495 с.

2: Поэмы. Сказания. Письмена. 527 с.

Лирика. М.: Худож. лит., 1977. 210 с.

Мой Дагестан: Повесть. М.: Известия, 1977. 431 с. (Б-ка «Дружба народов». – прил. к журн. «Дружба народов»).

Разговор с отцом: К 100-летию со дня рождения нар. поэта Дагестана Г. Цадасы. Махачкала: Дагучпедгиз, 1977 – 63 с.

Таинственность: Стихи. Минск: Вышэйш. школа, 1977. 350 с.

Берегите матерей!: Поэма. М.: Дет. лит., 1978. 109 с.

Берегите матерей. Махачкала: Дагучпедгиз, 1978.

Поэмы. М.: Худож. лит., 1978, 453 с.

Стихи. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1978. 255 с.

У очага: Стихи и поэмы. М.: Сов. писатель, 1978. 231 с.

Вечный бой: Стихи и поэмы. М.: Воениздат, 1979. 430 с.

Очаг мой, Дагестан: [Фотоальбом] / Текст Р. Гамзатова; Фотографии И. Стин, А. Фирсова. М.: Планета, 1979. 197 с.

Последняя цена: Стихи и поэмы. М.: Современник, 1979, 358 с.

Стихотворения. М.: Сов. Россия, 1979. 456 с.

Суди меня по кодексу любви: [Стихи и поэмы]. М.: Мол. гвардия, 1979. 271 с.

Горские песни; Письмена; Горские сонеты; Горские элегии. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1980. 256 с.

Горские элегии. М.: Правда, 1980. 32 с. (Б-ка «Огонек», № 24).

Берегите матерей: Поэма. М.: Сов. Россия, 1982. 71 с.

Остров женщин: Новые стихи и поэмы. М.: Сов. писатель, 1982. 320 с.

Песни гор: Стихотворения и поэмы. Киев.: Молодь, 1982. 303 с. (Шк. б-ка).

Вечный бой: Стихи и поэмы. М.: Воениздат, 1983. 430 с.

Высокие звезды: Стихи. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 254 с. Калм. и рус. яз.

Двадцатый век: Избр. стихотворения / Предисл. Э. Межелайтиса. М.: Известия, 1983. 478 с.

Избранные стихотворения. М.: Радуга, 1983. 285 с. Рус. и англ. яз.

Книга сонетов. М.: Мол. гвардия, 1983. 78 с.

Остров женщин: Новые стихи и поэмы. М.: Сов. писатель, 1983. 320 с.

Очаг: Поэмы. М.: Дет. лит., 1983. 191 с.

Очарованный всадник: Стихи. М.: Правда, 1983. 31 с. (Б-ка «Огонек»).

Песни гор. Письмена. Патимат: Кн. стихотворений. М.: Современник, 1983. 401 с.

Покуда вертится земля: Стихи. М.: Воениздат, 1983. 95 с. (Б-чка журн. «Сов. воин», №9 (796).

Поэмы. М.: Сов. писатель, 1983. 350 с.

Разве тот мужчина?: Стихи. М.: Правда, 1983. 47 с. (Б-ка «Крокодила», № 18 (935).

Разговор о любви: Стихи. М.: Искусство, 1983. 124 с. (Самодеят. театр. Репертуар и методика).

Мой Дагестан / Вступ. ст. Г. И. Ломидзе. М.: Книга, 1985. 438 с.

Мой Дагестан: Повесть. Кн. 1-2. Махачкала: Дагучпедгиз, 1985. 439 с.

Книга юмора и сатиры М.: Мол. гвардия, 1986. 303 с.

Четки лет: Лирика. М.: Худож. лит., 1986. 399 с. (Классики и современники. Поэтич. б-ка).

Белые журавли: Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1987. 215 с.

Книга любви: Стихотворения. М.: Сов. Россия, 1987. 304 с.

Колесо жизни: Стихи, поэмы. М.: Сов. писатель, 1987. 414 с.

Пять пальцев: Стихи. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1987. 335 с.

Вечный бой: Стихи и поэмы. М.: Воениздат, 1988. 430 с.

Две поэмы. М.: Правда, 1988. 29 с. (Б-ка «Огонек», № 29).

Мгновенье и вечность. Стихотворения и поэмы / Послесл. К. Султанова, с. 457-480. М.: Книга, 1989. 495 с.

Мой Дагестан. Кн. 1-2. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1989. 411 с. (Б-ка даг. лит. Т. 2).

О бурных днях Кавказа: Стихотворения, сказания, поэмы. М.: Современник, 1989. 412 с.

Песни гор: Стихотворения и поэмы. Киев: Молодь, 1989. 207 с. (Шк. б-ка).

Клятва землей: Сказания: [Для сред. и ст. шк. возраста] / Послесл. и крат. слов. К. Абукова. М.: Дет. лит., 1990. 223 с.

Мне было двадцать: Стихотворения и поэмы. Махачкала: Дагучпедгиз, 1990. 124 с.

Перед совестью и честью: Стихи. М.: Правда, 1991. 48 с. (Б-ка «Крокодила»).

Стихотворения и поэмы/ Авт. вступ. ст. и сост. К. Абуков. М.: Мол. гвардия, 1992. 191 с. (Б-ка «XX век: поэт и время»).

Чаша жизни: Стихи, поэмы. М.: Книжная палата, 1992. 319 с.

Письмена: Стихи. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1993. 347 с.

Полдневный жар: Стихи. М.: Современ. писатель, 1993. 220 с.

СБОРНИКИ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ И ВЫСТУПЛЕНИЙ

Верность таланту: Сб. ст. и выст. М.: Сов. Россия, 1970. 128 с.

Слово о поэте: [К 70-летию Э. Капиева]. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1979. 46 с.

Верность таланту: Статьи о даг. сов. лит. Махачкала: Дагучпедгиз, 1980. 256 с.

По-земному беспокоясь...: Сб. лит.-критич., публицист. ст. и творч. портр. Махачкала: Дагучпедгиз, 1987. 203 с.

Суди меня по кодексу любви: Кн. публицистики. М.: Новости, 1991. 301 с. (ВСЛ: Время. События. Люди).

НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

Красный Дагестан: Стихи. Тирана, 1952. Албан. яз.

Мой Дагестан: Повесть. М.: Прогресс, 19790. 234 с. Англ. яз.

Поэмы / АН СССР. Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1972. 205 с. Англ. яз.

Избранные стихотворения. М.: Прогресс, 1974. 351 с. Рус. и англ. яз.

Избранные стихотворения. М.: Прогресс, 1976. 347 с. Рус. и англ. яз.

Избранные стихотворения. М.: Радуга, 1983. 285 с. Рус. и англ. яз.

Избранные стихотворения. София: Народная культура, 1963. 144 с. Болг. яз.

Мой Дагестан. Пловдив. 1972. 271 с. Болг. яз.

Мой Дагестан: Повесть. Ужгород: Карпати; Будапешт: Европа, 1978. 239 с. Венг. яз.

Мой Дагестан. Кн. 1-2. М.: Радуга, 1984. Вьет. яз.

Мой Дагестан. М.: Прогресс, 1974. Гуджарати яз.

Мой Дагестан: Повесть. Кн. 1. М.: Радуга; Ахмедабад: Пиплз бук Хаус, 1986. 391. Гуджарати яз.

Мой Дагестан. М.: Прогресс, 1975. Исп. яз.

Мой Дагестан. Кн. 1. М.: Радуга, 1985. 293 с. Итал. яз.

Мой Дагестан. Повесть. Кн. 2. М.: Радуга, 1986. 229 с. Итал. яз.

Лирика. Б. М.: Чассо чхульпханса, 1956. 145 с. Корейск. яз.

В горах мое сердце. Улан-Батор, 1962. 62 с. Монг. яз.

Мой Дагестан. Кн. 1-2. Улан-Батор, 1980. 470 с. Монг. яз.

Кавказская рапсодия: Стихи. Берлин, 1967. 94 с. Нем. яз.

Кавказская рапсодия: Стихи. Берлин, 1968. 92 с. Нем. яз.

Мой Дагестан. М.: Прогресс, 1973. Панджаби яз.

Мой Дагестан. Повесть. М.: Прогресс, 1982. 319 с. Панджаби яз.

Мой Дагестан. Повесть. М.: Радуга, 1986. 646 с. Перс. яз.

Миниатюры: Сб. стихотворений. Варшава, 1968. 53 с. Польск. яз.

Мой Дагестан. М.: Прогресс, 1978. Урду яз.

Избранные стихотворения. Ташкент: Прогресс, 1979. 222 с. Урду яз.

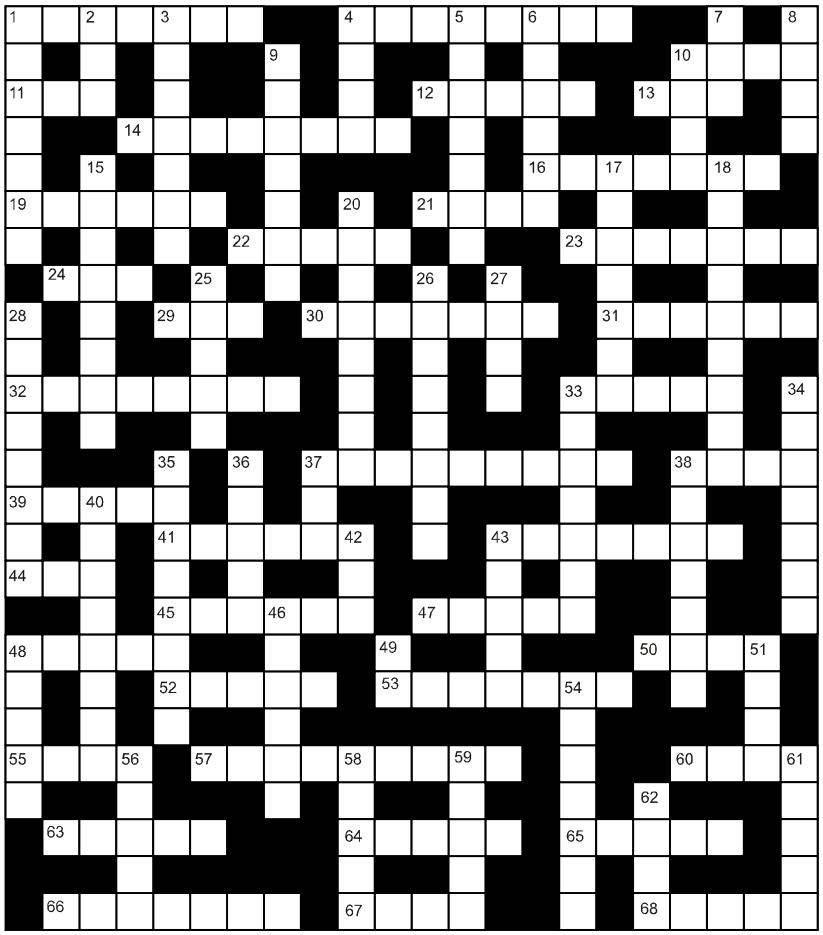
Мой Дагестан. М.: Прогресс, 1971. 253 с. Франц. яз.

Мой Дагестан. Кн. 1. М.: Радуга, 1988. 293 с. Хинди яз.

Мой Дагестан. М.: Радуга, 1990. 268 с. Изд. Совместно с: Дели: Пиплз паблишинг Хаус; Джайпур: Раджастан пиплз паблишинг хаус. Хинди яз.

В горах мое сердце. Прага, 1959. 144 с. Чеш. яз.

Насколько хорошо вы знаете творчество нашего Расула? Чтобы ответить на этот вопрос, поломайте голову над кроссвордом, который составил Гаджикурбан Расулов. Первый, кто пришлет правильные ответы, получит книгу с автографом поэта.



По горизонтали:

1. Поэма «… Хиросимы». **4.** Сказание «… из аула Цовкра». **10.** Малая родина поэта. **11.** И на нем делал надписи поэт. **12.** Поэт готов спорить с целым миром о том, что они есть у цветов. **13.** «Я – Дагестана … сторожевой». **14.** Он написан о Хаджи-Мурате, но фильм по нему не снят. **16.** Один из основных символов буддийской мифологии, которому посвящена поэма «Колесо жизни». **19.** Этот народ, населяющий долину Катманду в Непале, упоминается в поэме «Живая богиня Кумари». **21.** Имя дочери лесника из одноименного стихотворения поэта. **22.** «Когда спросили у Хочбара, Лихой … ответил так…» **23.** Воинское звание, которое присвоил себе поэт в стихотворении «Наука любви». **24.** «Хочбар не вымысел, не чей-то … » **29.** Его дочерью была Нафисат из сказания «Ах ты, красная любовь, ах ты, черная любовь!» **30.** Стихотворение, в котором Гамзат Цадаса беседует с Сулейманом Стальским. **31.** «В душе противная … , Душа во тьме, Затем, что нет вестей из дома, Я как в тюрьме». **32.** И о двуглавом орле, и о докторе, и о Хочбаре. **33.** «Я все-таки поэт, а не …» – утверждает поэт в поэме «Остров Женщин». **37.** «Всегда выбирай потруднее дороги. Твой разум – в народе, … – в народе». **38.** «Если в мире тысяча мужчин Снарядить к тебе готовы …» **39.** Имя дагестанской певицы, на выступлении которой в Колонном зале присутствовал поэт. **41.** Стихотворение, посвященное внучке поэта. **43.** Одно из значений имени поэта. **44.** Поэма «Весточка из …». **45.** В поэме «Последняя цена»: «И к новым проделкам готовясь, Доволен не зря… » **47.** Стихотворение поэта в переводе Я. Козловского. **48.** Был классическим, перевернутым, усеченным, а волею поэта стал еще и горским. **50.** Имя жениха Саадат из «Сказания о Хочбаре…» **52.** Село, в которое предлагал поэт поехать Мусе Магомедову, чтобы «тряхнуть юностью». **53.** Самая известная поэма поэта. **55.** Страна, в которой происходит действие поэмы «Последняя цена». **57.** Стихотворение поэта в переводе Я. Хелемского. **60.** И на нем делал надписи поэт. **63.** Аул, в котором происходит действие сказания «Кинжалы Шамиля». **64.** Ему посвящено стихотворение «Горская легенда». **65.** Болгарская ясновидящая, с которой встречался поэт. **66.** Сказание поэта. **67.** Ее шкуру добыл парень гор в одноименном сказании. **68.** Название стихотворения, посвященного Эффенди Капиеву.

По вертикали:

1. Сказание поэта. **2.** На него «Спешили дружно парень и старик» в поэме «Аттестат зрелости», заслышав пение горянки. **3.** Поэма поэта. **4.** К ней обращается Айгази в поэме «Горянка». **5.** Стихотворение поэта, ставшее песней. **6.** Один из поэтов, чье имя названо в поэме «Целую женские руки». **7.** Он и третий, и сокровенный, и скорбный, и урочный, и светлый… **8.** Сказание «… жизни». **9.** Сказание поэта. **10.** В одной из поэм поэта она – последняя. **15.** Он есть на книгах, подаренных поэтом и Твардовскому, и Межелайтису, и Шахтаманову… **17.** Поэт оставляет их и на скалах, и на андийских бурках, и на знаменах, и на дверях… **18.** Строчка его стихотворения стала эпиграфом поэмы «Звезда Дагестана». **20.** Название цикла стихотворений из книги «Полдневный жар». **25.** К ней обращается поэт в стихотворении «Долгая зима». **26.** Она заменяет доклад в Республике Любви, созданной поэтом в поэме «Остров Женщин». **27.** По нему не захотела жить Асият из поэмы «Горянка». **28.** Сказание поэта. **33.** И короткая, и горская, и об одном орудии. **34.** Наиболее часто встречающееся в творчестве поэта имя. **35.** Поэма «… зрелости». **36.** Сказание «… Махмуда». **37.** Он, по мнению поэта, попутал его читателей. **38.** Подарок отца, которым дорожит поэт в поэме «Аттестат зрелости». **40.** Место действия в стихотворении «Костер Твардовского». **42.** Ей, по мнению поэта, простится грех за красу ее сестер. **43.** Его поэт советует положить в сберкассу в одном из стихотворений. **46.** Это дерево поэт сравнивает с раненой птицей. **48.** Имя одного из друзей в сказании «Баш на баш». **49.** Ее поэт называет тысячелетней пчелой, избавляющей от семи недугов. **51.** Этой древней японской столице посвящено стихотворение поэта. **54.** Он у поэта и верблюжий, и птицекрылый, и звездный. **56.** К нему призывает Турцию вечерний час в стихотворении «Прощай, Стамбул!». **58.** Обычаи этой страны описаны в поэме «Живая богиня Кумари». **59.** Стихотворение «Любимых женщин …» **61.** В этом ауле стоит памятник журавлям. **62.** Стихотворение в переводе Я. Козловского.

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.

Они до сей поры с времен тех дальних
Летят и подают нам голоса.
Не потому ль так часто и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса?

Летит, летит по небу клин усталый –
Летит в тумане на исходе дня.
И в их строю есть промежуток малый –
Быть может, это место для меня!

Настанет день, и с журавлиной стаей
Я полечу в такой же сизой мгле,
Из-под небес по-птичьи окликая
Всех вас, кого оставил на земле.

У ОЧАГА

Дверцы печки растворены, угли раздуты,
И кирпич закопчен, и огонь тускловат.
Но гляжу я на пламя, и кажется, будто
Это вовсе не угли, а звезды горят.

Звезды детства горят, звезды неба родного.
Я сижу у огня, и мерещится мне,
Будто сказка отца вдруг послышалась снова,
Песня матери снова звенит в тишине.

Полночь. Гаснет огонь. Затворяю я дверцу –
Нет ни дыма, ни пламени, нет ничего.
Что ж осталось? Тепло, подступившее к сердцу,
Песня матери, сказка отца моего.